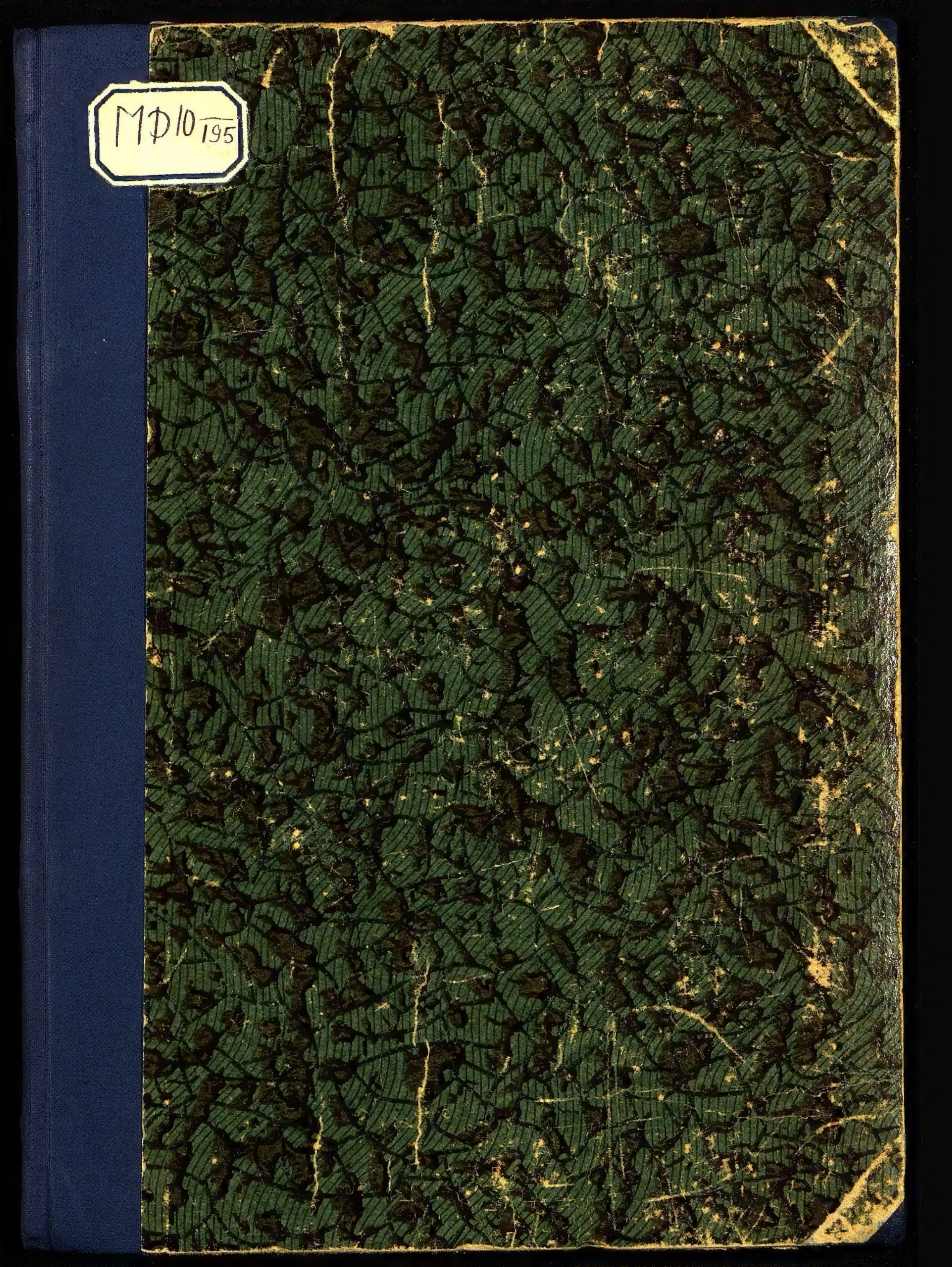

МФ10 195

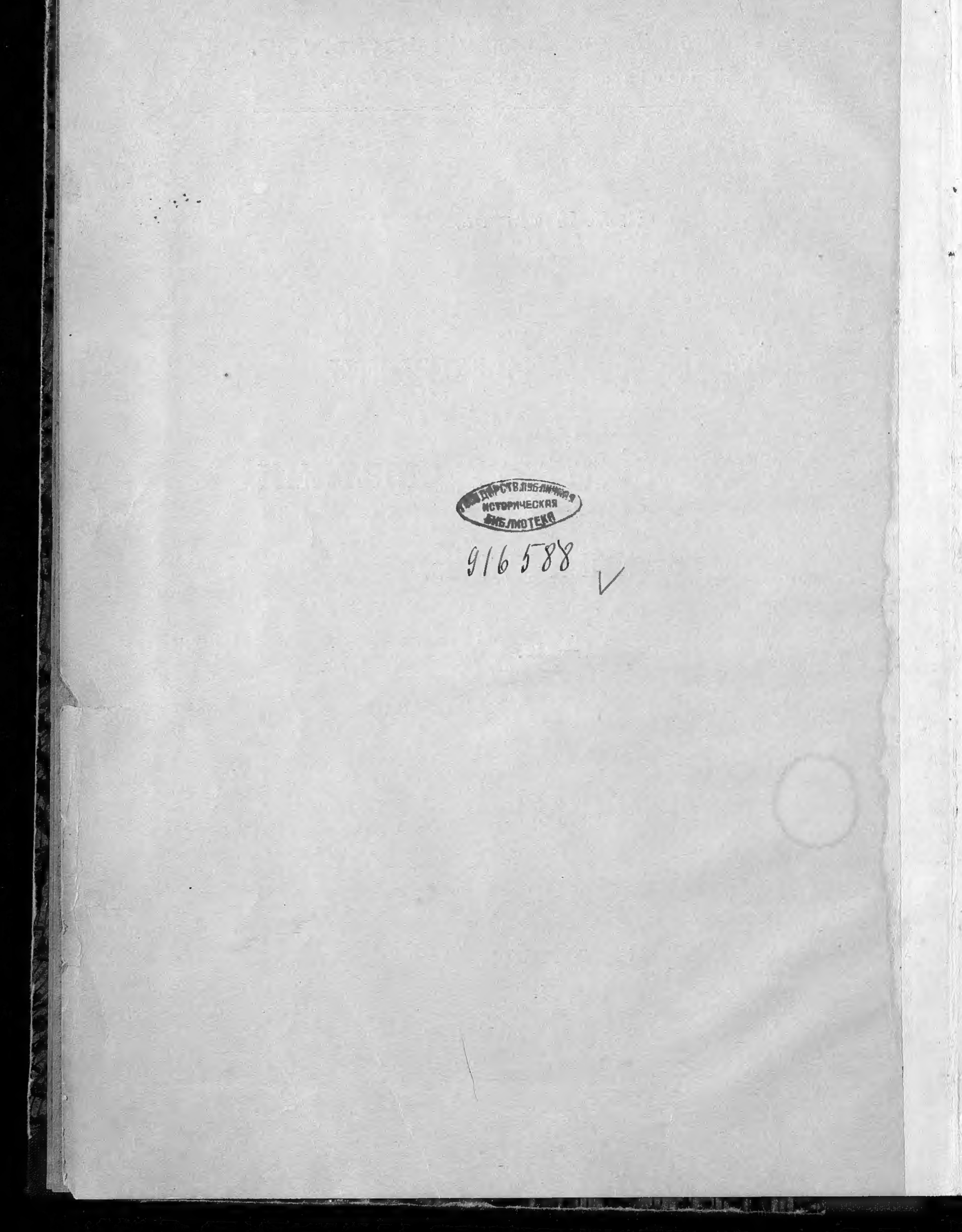
Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1919.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

В. Л. Котвичъ.

Русскіе архивные документы по сношеніямъ съ ойратами въ XVII и XVIII вв.

I—III.

ПЕТРОГРАДЪ.
1921.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
916588

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1919.

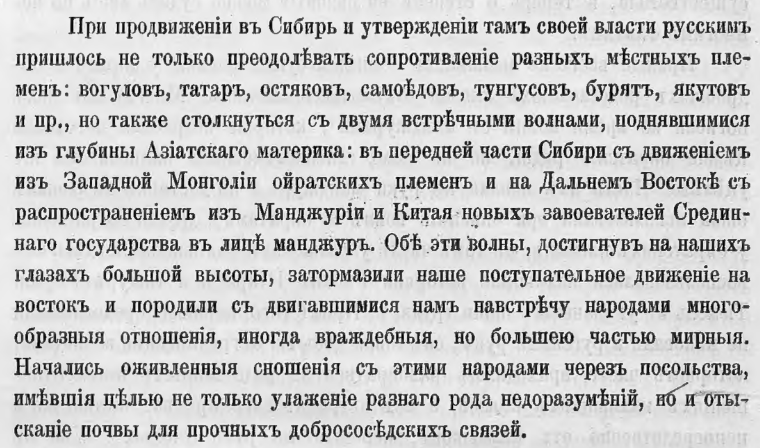
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Русскіе архивные документы по сношеніямъ съ ойратами[1] въ XVII и XVIII вв.

В. Л. Котвича.

(Представлено академикомъ **С. Ѳ. Ольденбургомъ** въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 2 апрѣля 1919 года).

I.

При продвиженіи въ Сибирь и утвержденіи тамъ своей власти русскимъ пришлось не только преодолѣвать сопротивленіе разныхъ мѣстныхъ племенъ: вогуловъ, татаръ, остяковъ, самоѣдовъ, тунгусовъ, бурятъ, якутовъ и пр., но также столкнуться съ двумя встрѣчными волнами, поднявшимися изъ глубины Азіатскаго материка: въ передней части Сибири съ движеніемъ изъ Западной Монголіи ойратскихъ племенъ и на Дальнемъ Востокѣ съ распространеніемъ изъ Манджуріи и Китая новыхъ завоевателей Срединнаго государства въ лицѣ манджуръ. Обѣ эти волны, достигнувъ на нашихъ глазахъ большой высоты, затормазили наше поступательное движеніе на востокъ и породили съ двигавшимися намъ навстрѣчу народами многообразныя отношенія, иногда враждебныя, но большею частью мирныя. Начались оживленныя сношенія съ этими народами черезъ посольства, имѣвшія цѣлью не только улаженіе разнаго рода недоразумѣній, но и отысканіе почвы для прочныхъ добрососѣдскихъ связей.

Если однако съ манджурами у насъ установились сравнительно скоро договорныя отношенія, то съ ойратами взаимоотношенія продолжали оставаться неопредѣленными, несмотря на то, что начались они гораздо раньше, чѣмъ съ манджурами, и намъ такъ и не удалось, несмотря на дѣлавшіяся съ обѣихъ сторонъ попытки, разграничить сферъ вліянія формальнымъ актомъ. Дорожа своими соглашеніями съ манджурами, Русское правительство предпочло созерцать, какъ они расправились съ ойратами и завершили свои завоевательные планы покореніемъ Джунгаріи и Восточнаго Туркестана. Одна встрѣчная волна набѣжала на другую и, покрывъ ее, докатилась до русскихъ предѣловъ. Россія и въ Средней Азіи стала сосѣдомъ Манджурской державы, неточно именовавшейся Китайской имперіей.

[1] Для обозначенія западныхъ монголовъ въ русской и иностранной литературѣ употребляются чаще всего 3 термина: *ойраты* — изъ монгольскихъ источниковъ, *калмыки* — изъ мусульманскихъ, которымъ слѣдуютъ и старые русскіе источники, въ томъ числѣ архивные документы, и *элюты* (ӧлӧты, Eleuths) — изъ китайскихъ. Здѣсь принятъ монгольскій терминъ *ойраты*; за терминомъ же *калмыки* сохранено его спеціальное употребленіе для обозначенія той группы ойратовъ, которая проживаетъ по рр. Волгѣ, Дону и Уралу и усвоила себѣ это наименованіе, забывъ старое имя *ойраты*.

Указанный выдающійся періодъ исторіи ойратовъ и ихъ взаимоотношенія съ сосѣдями уже давно привлекли къ себѣ вниманіе изслѣдователей, но источники для освѣщенія этого періода, обнимающаго болѣе 150 лѣтъ, еще не только не использованы, но и не приведены въ должную извѣстность. Особенно скудными являются данныя за первую половину періода, которая представляется темною во многихъ отношеніяхъ.

У самихъ ойратовъ мы находимъ очень мало свѣдѣній объ ихъ жизни въ XVII и XVIII вв. Испытанныя ими превратности судьбы не способствовали сохраненію исторической литературы, которая, несомнѣнно, у нихъ существовала, и теперь о степени ея развитія можно судить лишь по немногимъ фактамъ.

Прежде всего не вызываетъ сомнѣній существованіе у ойратовъ подробныхъ родословныхъ князей отдѣльныхъ племенъ. Многія изъ нихъ погибли во время войнъ съ манджурами[1], которые истребили поголовно цѣлые ойратскіе роды, но не мало генеалогическихъ записей все же уцѣлѣло. Часть ихъ попала въ руки манджуръ и по доставкѣ въ Пекинъ была использована при описаніи войнъ съ ойратами[2]; другія сохранились у ойратскихъ племенъ, въ томъ числѣ у волжскихъ калмыковъ, и здѣсь ими воспользовались калмыцкіе историки Габанъ-Шарабъ и Батуръ-Убуши Тюмень въ указанныхъ ниже трудахъ. Кромѣ того, княжескія родословныя не миновали и русскихъ рукъ; онѣ были добыты астраханскими воеводами, которымъ часто приходилось разбираться въ родственныхъ взаимоотношеніяхъ калмыцкихъ князей, а изъ астраханскаго архива, частью же и непосредственно отъ калмыковъ, перешли въ руки ученыхъ. Уже въ 1762 г. краткія генеалогическія свѣдѣнія (торгуты, хошуты и дэрбэты-зюнгары) были опубликованы П. И. Рычковымъ[3], а затѣмъ въ 1776 г. подробныя родословныя были изданы П. С. Палласомъ на основаніи письменныхъ русскихъ архивныхъ и калмыцкихъ источниковъ[4]. Наконецъ, въ 1829 г. о. Іакинѳъ извлекъ ойратскія родословныя изъ китайскаго географическаго словаря Си-юй тунъ-вэнь-чжи[5]. Экземпляры ихъ (на европей-

[1] О. Іакинѳъ. Историческое обозрѣніе ойратовъ или калмыковъ съ XV столѣтія до настоящаго времени (СПб., 1834), стр. 27 и 130.

[2] Именно въ 1763 г. императору Цянь-луну были представлены цзя-пу (фамильныя лѣтописи и родословныя таблицы) князей зюнгарскаго поколѣнія, при чемъ самъ императоръ сдѣлалъ изъ нихъ извлеченіе, которое и было опубликовано въ Дунъ-хуа-лу: M. Courant, L'Asie Centrale aux XVII et XVIII siècles. Empire Kalmouk ou Empire Mantchou? (Lyon, 1912), p. 49.

[3] Въ «Сочиненіяхъ и переводахъ къ пользѣ и увеселенію служащихъ», издававшихся Г. Ф. Миллеромъ (1762, I, стр. 256 — 260), а также въ отдѣльномъ изданіи: «Топографія Оренбургская, т. е. обстоятельное описаніе Оренбургской губ.» (Спб., 1762), I, стр. 127 — 131, при чемъ сдѣлана ссылка на «сказанія знающихъ людей изъ калмыковъ».

[4] Samlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften (St. Pet., 1776), I, Ss. 15, 30, 46, 56, 58.

[5] Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана въ древнемъ и нынѣшнемъ состояніи (СПб., 1829), II, стр. 260—265.

скихъ языкахъ) хранятся и въ нашихъ древнехранилищахъ: въ Азіатскомъ Музеѣ Россійской Академіи Наукъ[1] и въ б. Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ[2].

Затѣмъ Палласъ, ссылаясь на полученныя имъ отъ калмыковъ свѣдѣнія, сообщаетъ о существованіи у ойратовъ историческихъ хроникъ, которыя велись у разныхъ племенъ и носили названіе chondschin Täkkä[3]. Между прочимъ, согласно разсказамъ оставшихся на Волгѣ, послѣ бѣгства Убуши-хана, зюнгаръ, по приказанію извѣстнаго зюнгарскаго владѣтеля Батуръ-хунтайджія (1634—1653) была составлена подобная лѣтопись и затѣмъ продолжалась при его преемникахъ[4], являясь, такимъ образомъ, оффиціальной исторіей зюнгарскаго поколѣнія. Къ сожалѣнію, самыхъ лѣтописей (за исключеніемъ труда Габан-шараба) Палласу, повидимому, не пришлось видѣть, и онѣ остались неизвѣстными и позднѣйшимъ изслѣдователямъ.

Нѣкоторое представленіе о характерѣ указанныхъ историческихъ произведеній ойратовъ можно себѣ составить по слѣдующимъ дошедшимъ до насъ памятникамъ.

1) Біографія извѣстнаго буддійскаго проповѣдника и просвѣтителя ойратовъ Зая-пандиты (1599 — 1662 гг.), въ которой мы имѣемъ краткую исторію ойратовъ за весь XVII в. (до 1711 г.). Экземпляры этой біографіи имѣются въ Петроградскихъ библіотекахъ[5], и ею пользовались въ своихъ трудахъ русскіе монголисты: А. Поповъ, Ю. Лыткинъ, К. Голстунскій, А. Позднѣевъ. Полный текстъ этого памятника до сихъ поръ не изданъ, и въ печати появились лишь небольшія извлеченія въ калмыцкомъ текстѣ и переводѣ[6].

---

[1] Рукопись 1741 г. e collectione Heinzelmani: «Généalogie des dominateurs Calmuques» (III отд., 46). Она содержитъ родословную торгутскаго тайши Хо-Öрлöка и была составлена при намѣстникѣ хана Цэрэнъ-Дондукѣ, т. е. въ періодъ 1724—1730 г.г. См. Dr. Bernh. Dorn, Das Asiatische Museum der K. Akademie der Wissensch. zu St. Pet. (St. Pet., 1846), S. 118.

[2] М. П. Пуцилло въ своемъ «Указателѣ дѣламъ и рукописямъ относящимся до Сибири и принадлежащимъ М. Г. А. М. Ин. Д.» (Москва, 1879), стр. 94, сообщилъ, что въ портфелѣ Миллера (ошибочно указанъ № 272 вмѣсто 279) имѣется «родословіе... калмыцкаго рода Дзонгарскимъ именуемаго»; однако, судя по находящейся въ Архивѣ описи портфелей Миллера, въ портфелѣ № 279, ч. 2, хранились княжескія родословныя не только зюнгарскаго поколѣнія, но и другихъ ойратскихъ племенъ вмѣстѣ съ родословными русскихъ государей. Этого портфеля на соотвѣтствующемъ мѣстѣ архива не оказалось, и розыски, произведенные, по моей просьбѣ, администраціею архива, не дали никакихъ результатовъ.

[3] Pallas. Sammlungen, Ss. 6, 16.

[4] Id., S. 16.

[5] Въ библіотекѣ Петроградскаго Университета имѣется рукопись безъ заглавія, писанная золотомъ по черному фону въ 1860 г. по заказу калмыцкаго нойона Хошутовскаго улуса подполковника Цэринджаба Тюменева Гелюномъ Нилха Шара-Манджіевымъ; шифр. xyl. Q. 541. Въ Азіатскій музей поступила, черезъ посредство Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи, другая рукопись отъ А. В. Бурдукова изъ Кобдоскаго округа Монголіи.

[6] Отрывокъ съ изложеніемъ распри между хошутскими владѣльцами Цэцэнъ-ханомъ и Аблаемъ помѣщенъ Ал. Поповымъ въ «Грамматикѣ калмыцкаго языка» (Казань, 1847 г.), стр. 352—359, текстъ и переводъ. Другой отрывокъ съ перечнемъ переведенныхъ Зая-

2) Исторія ойратовъ, составленная гелюномъ-врачемъ изъ торгутскихъ нойоновъ Габанъ-Шарабомъ. Впервые объ этой исторіи и ея общемъ содержаніи сообщилъ еще въ 1776 г. Палласъ[1], но до сихъ поръ она также остается не изданной, и въ литературѣ встрѣчаются лишь ссылки и цитаты изъ нея. Списковъ этой исторіи существуетъ нѣсколько: въ Петроградскихъ библіотекахъ и въ частныхъ рукахъ; кромѣ калмыцкаго, имѣется экземпляръ и на монгольскомъ языкѣ[2]. Составленіе ея относится къ 1737 г.[3].

3) Трудъ Габанъ-Шараба, повидимому, послужилъ образцомъ и однимъ изъ источниковъ для позднѣйшей работы, извѣстной подъ названіемъ «Сказаніе о Дербенъ-ойратахъ» (Дӧрбӧн оjiрадijін тӱке) и составленной въ 1819—1820 гг. хошутскимъ нойономъ Батуръ-Убуши Тюменемъ. Важнѣйшую часть обоихъ трудовъ составляютъ родословныя: у Габанъ Шараба торгутскихъ, хошутскихъ и дэрбэтскихъ князей, у Тюменя — еще хойтскихъ и зюнгарскихъ. Переводъ Сказанія былъ изданъ еще въ 1859—

пандитою буддійскихъ сочиненій изданъ А. Позднѣевымъ въ «Калмыцкой хрестоматіи для чтенія въ старшихъ классахъ калмыцкихъ народныхъ школъ» (СПб., I изд., 1892; II изд., 1907; III изд., 1915), подъ заглавіемъ «Первый періодъ развитія калмыцкой литературы» (I и II изд., стр. 169—172; III изд., 171—174; только текстъ). Переводъ нѣкоторыхъ отрывковъ данъ Ю. Лыткинымъ въ его работѣ: «Матеріалы для исторіи ойратовъ» (Астр. губ. вѣд., 1860, №№ 45 и 46; 1861, №№ 7, 8, 13, 15, 16, 18, 20, 22, 26—29) и въ указанныхъ ниже переводахъ, А. Позднѣевымъ въ статьѣ «Къ исторіи Зюнгарскихъ калмыковъ», приложенной къ труду Н. И. Веселовскаго: «Посольство къ Зюнгарскому хунъ-тайчжи Цэванъ Рабтану капитана отъ артиллеріи Ивана Унковскаго и путевой журналъ его за 1722 — 1724 годы». (Зап. И. Р. Геогр. Общ. по отдѣл. этнографіи, т. X., вып. 2; Спб., 1887), стр. 242—250, и К. Ѳ. Голстунскимъ: «Монголо-ойратскіе законы 1640 года, дополнительные указы Галданъ-хунъ-тайджія и законы, составленные для волжскихъ калмыковъ при калмыцкомъ ханѣ Дондукъ-Даши» (Спб., 1880), стр. 121—130. Наконецъ, полный переводъ біографіи имѣется (въ довольно неисправной рукописи) въ Азіатскомъ Музеѣ (шифр. III, 36 bis); переводчикъ неизвѣстенъ; повидимому, калмыкъ, судя по несовершенному стилю.

[1] Sammlungen, I, S. 16.

[2] Въ Азіатскомъ Музеѣ имѣется списокъ на калмыцкомъ языкѣ (колл. Голстунскаго), а въ библіотекѣ Петроградскаго Университета 2 списка — на калмыцкомъ (xyl. 325) и на монгольскомъ (xyl. F. 83) языкахъ. Калмыцкіе списки не имѣютъ никакого заглавія, а монгольскій—носитъ названія въ началѣ и въ концѣ текста:

[illegible] (въ концѣ: [illegible]) [illegible]

(въ концѣ: [illegible]) [illegible]

Монгольскую версію, которая, повидимому, является переводомъ съ калмыцкаго, цитируетъ А. Позднѣевъ. Монгольская лѣтопись «Эрдэнійнъ эрихэ». Подлинный текстъ съ переводомъ и поясненіями, заключающими въ себѣ матеріалы для исторіи Халхи съ 1636 по 1736 г. (СПб., 1883), стр. XXXIII (№ V), не называя однако автора. Одинъ списокъ исторіи, найденный нѣсколько лѣтъ тому назадъ у ставропольскихъ калмыковъ, хранится у калмыка-оріенталиста Н. Очирова. Въ Азіатскомъ Музеѣ имѣется не изданный переводъ исторіи, сдѣланный, повидимому, Ю. Лыткинымъ (колл. Голстунскаго). Этимъ указаніемъ я обязанъ Б. Я. Владимірцову. Ср. Астр. губ. вѣд., 1860, № 19.

[3] Въ исторіи указанъ годъ Ґал моҐаі, который можетъ соотвѣтствовать 1677 или 1737 гг. Палласъ (op. cit., S. 16) принимаетъ первый годъ, но это не согласуется съ текстомъ исторіи, въ которой сказано, что со времени отдѣленія калмыковъ отъ ойратовъ (именно съ 1628 г.) прошло 110 лѣтъ, и что въ указанный годъ Ґал моҐаі Галданъ Норбо отправился къ русскому войску; кромѣ того, Аюка именуется уже ханомъ, каковой титулъ ему былъ пожалованъ Далай-ламою въ 1690 г. Лыткинъ (Астр. губ. вѣд., 1860, № 19) также указываетъ 1737 г,

1860 гг. Ю. Лыткинымъ[1], а калмыцкій текстъ сначала частично А. Поповымъ[2], а затѣмъ полностью А. М. Позднѣевымъ[3].

4) Нѣкоторое дополненіе къ трудамъ Габанъ-Шараба и Батуръ-Убуши Тюменя представляетъ собою героическое преданіе о походѣ монгольскаго Убаши-хунтайджія противъ ойратовъ. Кромѣ факта упорной борьбы между монголами и урянхайцами, съ одной стороны, и ойратами, съ другой, а также указаній на районъ разселенія послѣднихъ въ концѣ XVI вѣка, преданіе это содержитъ характеристику въ героическомъ стилѣ важнѣйшихъ ойратскихъ дѣятелей этой эпохи[4]. Сказаніе издавалось неоднократно: А. Поповымъ (въ отрывкѣ)[5], ламою Галсанъ Гомбоевымъ[6] и К. Ѳ. Голстунскимъ[7] (полностью). Въ библіотекѣ Петроградскаго университета имѣется переложеніе сказанія съ калмыцкаго на монгольскій языкъ[8].

5) Неизвѣстному автору принадлежитъ Краткая исторія калмыцкихъ хановъ (халімак хāдіjін тӯцiјігі хурāцi бічіксеп тобчі), изданная въ переводѣ (съ примѣчаніями) Ю. Лыткинымъ[9] и въ текстѣ А. М. Позднѣевымъ (полностью)[10]. Она обнимаетъ собою исторію волжскихъ калмыковъ отъ выхода ихъ изъ Джунгаріи до возвращеніи большей части обратно (въ 1771 г.).

Значеніе важныхъ въ историческомъ отношеніи памятниковъ имѣютъ и два слѣдующихъ произведенія.

6) Законы, составленные на съѣздѣ ойратскихъ и монгольскихъ князей въ годъ железа-дракона (1640 г.), и два позднѣйшихъ дополненія къ нимъ, сдѣланныя Галданъ-хунтайджіемъ. До насъ дошелъ лишь калмыцкій текстъ[11] ихъ, сохранившійся у волжскихъ калмыковъ. Согласно

---

[1] Сказаніе о Дербенъ ойратахъ (Переводъ съ языка приволжскихъ ойратовъ), Астрах. губ. вѣд., 1859, №№ 43, 47—50, и 1860, №№ 11—13; былъ выпущенъ также отдѣльный оттискъ (Астрахань, 1860).

[2] Loc. cit., стр. 379—385 (текстъ, примѣчанія и переводъ отрывка о хошутахъ).

[3] Сначала въ «Памятникахъ исторической литературы Астраханскихъ калмыковъ» (Литогр., СПб., 1885; стр. 49 — 90), а затѣмъ въ «Калмыцкой хрестоматіи» (стр. 24—43). Въ распоряженіи А. М. Позднѣева имѣлась подлинная рукопись автора; списокъ съ нея хранится въ библіотекѣ Петроградскаго Университета подъ шифрою xyl. Q 571.

[4] А. Позднѣевъ. Монгольская лѣтопись «Эрдэнійнъ-эрихэ», стр. 103—104; Н. А. Аристовъ. Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей и свѣдѣнія объ ихъ численности (Живая Старина, 1896, вып. III—IV, стр. 318—9; отд. отт., стр. 44—45).

[5] Грамм. калм. яз., стр. 366—374 (текстъ, примѣчанія и переводъ).

[6] Исторія Убаши-хунтайджія и его войны съ ойратами (Труды Вост. отд. И. Археол. Общ., т. VI, стр. 198 — 224 — калмыцкій текстъ и переводъ; Записки И. Арх. Общ., т. XIV, стр. 82 — 93 — переводъ). См. также Ю. Лыткинъ, Матеріалы для исторіи ойратовъ (Астрах. губ. вѣд., 1861, № 7).

[7] Убаши хунтайджійнъ тӯджи, народная калмыцкая поэма Джангара и Сиддиту кюрыйнъ-тӯли, изданные на калмыцкомъ языкѣ (литогр., СПб., 1864), стр. 1—6.

[8] Шифр. калмыцкаго экземпляра xyl. Q 504, монгольскаго — xyl. 322.

[9] Астрах. губ. вѣд., 1860, №№ 19, 26, 33, 39, 44, 47, 49—53 (переводъ доведенъ до 1710 г.; окончанія его не вышло). Нѣкоторыя извлеченія изъ краткой исторіи сдѣлалъ арх. Гурій въ I т. своего труда: «Очерки по исторіи распространенія христіанства среди монгольскихъ племенъ» (Казань, 1915), ч. I, стр. 193, 209, 212—213, 216, 217, 220 и др.

[10] Памятн. истор. литер. Астрах. калм., стр. 1—48, и Калм. хрест., стр. 1—23.

[11] Монгольскій текстъ законовъ 1640 г. намъ неизвѣстенъ, но существованіе его въ свое время предполагается въ виду того, что въ моментъ составленія ихъ особой калмыцкой письменности еще не было. Ср. Голстунскій, Монголо-ойратскіе законы, стр. 12.

русскимъ архивнымъ даннымъ[1], при ставкѣ калмыцкихъ хановъ въ юртѣ, гдѣ собирался зарго, хранился полный экземпляръ всѣхъ законовъ, написанный на бѣлой камкѣ, но во время междоусобій между калмыками этотъ экземпляръ былъ утраченъ, и самому Дондукъ-Даши, по его словамъ, пришлось разыскивать списокъ съ законовъ по степи. Въ это время (первая половина XVIII ст.) пришлось ознакомиться съ ними и русскимъ, и въ руки тогдашняго знатока калмыцкаго языка и вообще калмыцкихъ дѣлъ Василія Бакунина поступилъ уже неполный списокъ законовъ; къ той же эпохѣ относится упоминаніе и о русскомъ ихъ переводѣ[2]. Впервые небольшой начальный отрывокъ законовъ 1640 года былъ изданъ въ 1847 г. А. Поповымъ по неизвѣстному списку[3], а затѣмъ калмыцкій текстъ сталъ вновь считаться утраченнымъ, пока К. Ѳ. Голстунскому не удалось разыскать въ калмыцкой степи 2 списковъ законовъ 1640 г. и позднѣйшихъ узаконеній. По одному изъ этихъ списковъ[4] они и были изданы въ упомянутомъ выше трудѣ К. Ѳ. Голстунскаго: «Монголо-ойратскіе законы 1640 г.»[5]. Издателю, повидимому, остались неизвѣстными списки законовъ, имѣвшіеся въ Моск. Гл. Арх. М. И. Д.[6], библіотекѣ Петроградскаго Университета[7] и Азіатскомъ Музеѣ[8], и, кромѣ того, имъ было измѣнено, согласно усвоенному взгляду на калмыцкую ороографію[9], и правописаніе единственной использованной имъ рукописи безъ особыхъ оговорокъ. Извѣстные нынѣ 5 списковъ дѣлятся на 2 группы: одна

---

[1] Н. Поповъ. В. Н. Татищевъ и его время. Эпизодъ изъ исторіи государственной, общественной и частной жизни въ Россіи, первой половины прошедшаго столѣтія. (Москва, 1861), глава V; стр. 238, 341 — 342; его же рецензія въ Ж. М. Н. Пр., ч. 205, 1879, стр. 302 — 313.

[2] Н. Поповъ. В. Н. Татищевъ и его время, стр. 342. Упомянутый списокъ законовъ и переводъ, повидимому, тождественны съ тѣми, которые хранятся до сихъ поръ въ калмыцкихъ дѣлахъ Моск. Гл. Арх. М. И. Д. 1640 г. подъ №№ 1 и 2; въ нихъ содержатся лишь законы 1640 г. и первое дополненіе Галдана, при чемъ на обложкѣ дѣла съ калмыцкимъ текстомъ законовъ (1640 г., № 1) указано, что они доставлены полк. Беклемишевымъ, который былъ Саратовскимъ воеводою и вѣдалъ калмыцкими дѣлами съ 1734 по 1737 г. Съ другой стороны, В. Н. Татищевъ въ бытность свою въ Оренбургскомъ краѣ (1737—1739 гг.) выслалъ «уложеніе калмыцкое съ переводомъ» въ февралѣ 1739 г. въ Академію Наукъ (Сухомлиновъ, Матеріалы для исторіи И. Академіи Наукъ, т. IV, стр. 41; С. Буличъ, Очерки исторіи языкознанія въ Россіи, I, стр. 404—405), судьба этого экземпляра неизвѣстна; возможно, что имъ является рукопись Азіатскаго Музея М 3ª, но перевода при ней не имѣется.

[3] Грамм. калм. яз., стр. 359—366 (текстъ, примѣчанія къ тексту и переводъ).

[4] Второй списокъ былъ полученъ К. Ѳ. Голстунскимъ уже послѣ напечатанія калмыцкаго текста и не былъ, какъ авторъ говоритъ въ предисловіи, использованъ. Теперь оба эти списка находятся въ Азіатскомъ Музеѣ въ составѣ коллекціи Голстунскаго.

[5] Позже по этому изданію напечаталъ начальный отрывокъ законовъ 1640 года и указы Галдана и А. Позднѣевъ въ своей «Калмыцкой хрестоматіи» (1 и 2 изд., стр. 76—83; 3 изд., стр. 78—85).

[6] Упомянутое выше калм. дѣло 1640 г., № 1.

[7] Рукопись подъ шифрою xyl. 324 (№ 15535), озаглавленная [illegible]

[8] Рукопись подъ шифрою М, 3ª, безъ заглавія.

[9] К. Голстунскій. Критическія замѣчанія на изданіе проф. Юльга: Die «Märchen des Siddhi—kür» (Приложеніе къ XI т. Записокъ И. Академіи Наукъ, № 4).

(2 списка) содержитъ, кромѣ законовъ 1640 г., только первый указъ Галдана; другая (3 списка), сверхъ того, еще второй указъ Галдана и законы Дондукъ-Даши (въ одномъ спискѣ имѣются и позднѣйшія узаконенія мѣстнаго значенія). Въ 2 спискахъ имѣется особенное молитвенное заключеніе, которое помѣщается послѣ перваго указа Галдана[1]. Самый текстъ законовъ во всѣхъ спискахъ является почти вполнѣ тождественнымъ.

Что касается перевода законовъ, то если не считать перевода небольшого отрывка, изданнаго А. Поповымъ, имѣются 3 редакціи: 1) древнѣйшая русская редакція (законы 1640 г. и первый указъ Галдана) временъ Галданъ-цэрэна (1727 — 1745 гг.), принадлежащая Моск. Гл. Арх. М. И. Д.; къ ней восходятъ русскіе переводы, изданные по спискамъ гр. П. Шереметева въ «Опытѣ трудовъ Вольнаго Р. Собранія при Московскомъ университетѣ» 1776 г. и въ «Сѣверномъ Архивѣ» («Сынѣ Отечества») 1828 г., а также Ѳ. И. Леонтовичемъ въ 1879 и 1880 гг.; 2) нѣмецкая сокращенная редакція (законы 1640 г., оба указа Галдана и законы Дондукъ-Даши), изданная Палласомъ въ 1776 г. и 3) новѣйшій переводъ (въ томъ же объемѣ, что и предыдущій), сдѣланный К. Голстунскимъ.

Данный памятникъ, прекрасно отражающій бытъ ойратовъ XVII ст., привлекъ къ себѣ вниманіе многихъ писателей, при чемъ имѣется (въ трудахъ Ѳ. И. Леонтовича) и обширный опытъ изслѣдованія его въ юридическомъ и историческомъ отношеніяхъ, но до сихъ поръ онъ все же остается недостаточно изученнымъ[2].

7) Карта Джунгаріи или, точнѣе, Ойратскаго государства, привезенная въ 1733 году изъ этой страны шведомъ Ренатомъ. Карта эта первоначально считалась составленной самимъ Ренатомъ на шведскомъ языкѣ и, какъ таковая, была издана въ 1881 г. нашимъ Географическимъ Обществомъ по копіи, снятой въ 1738 г. и найденной Стриндбергомъ въ 1879 году въ Линчёпингской королевской библіотекѣ[3]. Однако 10 лѣтъ

[1] Въ старыхъ русскихъ переводахъ — послѣ законовъ 1640 г.; въ версіи, изданной К. Голстунскимъ, указанное заключеніе отсутствуетъ.

[2] Литература о законахъ 1640 г. указана въ упомянутомъ выше трудѣ К. Ѳ. Голстунскаго, Монголо-ойратскіе законы, пред., стр. 3—5, а также въ трудахъ Ѳ. И. Леонтовича «Къ исторіи права русскихъ инородцевъ», появившихся въ Зап. И. Новоросс. Унив., т. XXVIII (1879): «Древній монголо-калмыцкій или ойратскій уставъ взысканій (Цааджинъ-Бичикъ)»—стр. 38—62 и 277—282 и т. XXIX (1880): «Калмыцкое право. Ч. I». Ср. рецензію Нила Попова въ Ж. М. Н. Пр., ч. 205, 1879, октябрь, стр. 302—318; Н. П. Лихачевъ. Разрядные дьяки XVI в. (Спб., 1888), стр. 5—11. Изъ болѣе новыхъ работъ можно указать Carl Koehne, Das Recht der Kalmücken (Zeit. f. vergleich. Rechtswiss., 9 Band, 1891, SS. 445—475), хотя въ ней совершенно не приняты во вниманіе труды на русскомъ языкѣ.

[3] А. Макшеевъ. Карта Джунгаріи, составленная шведомъ Ренатомъ во время его плѣна у калмыковъ съ 1716 по 1733 гг. (Зап. И. Р. Геогр. Общ. по общей географіи, т. XI, стр. 105—145); то-же по-французски: «Carte de la Dzoungarie dressée par le suédois Renat pendant sa captivité chez les Kalmouks de 1716—1733» (St. Pét., 1881). Ср. В. В. Бартольдъ. Историческій очеркъ Семирѣчья (Памятная книжка Семирѣченской обл. за 1898 г., стр. 168—169; отд. отт., стр. 95—96).

спустя тѣмъ же Стриндбергомъ были найдены въ библіотекѣ Упсальскаго Университета 2 карты на калмыцкомъ языкѣ, изъ коихъ одна оказалась тождественной съ изданной шведской картою. Эта находка побудила А. Макшеева и А. Позднѣева признать оригиналомъ именно калмыцкую карту, отведя Ренату болѣе скромную роль[1], но ихъ мнѣніе было высказано недостаточно рѣшительно, и карта продолжаетъ считаться принадлежащей Ренату[2].

Въ Азіатскомъ Музеѣ хранится однако рукопись (III, 186), повидимому, входившая въ составъ архива Байера и пріобрѣтенная за границею въ 1845 или 1846 гг. академикомъ Гамелемъ. Въ этой рукописи имѣется отдѣлъ, озаглавленный «Geographia Calmucica ex Mappa ditionum Calmucicarum quam Academia a Joanne Renato ipse a Galdan Sirin Calmucorum Songar Principe impetrauit. Accedunt Secretarii Pakunin relationes de quibusdam harum urbium earumque statu», при чемъ въ этомъ отдѣлѣ приведены по-калмыцки названія калмыцкой карты съ латинской транскрипціей, не тождественной съ имѣющейся на шведскомъ экземплярѣ, и разныя свѣдѣнія, сообщенныя Ренатомъ Байеру словесно. Такимъ образомъ вырисовывается слѣдующая исторія Ренатовской карты: Ренатъ получилъ отъ Галданъ-цэрэна калмыцкую карту его владѣній и проѣздомъ черезъ Петроградъ въ 1734 г. показывалъ ее интересовавшимся, а затѣмъ сообщилъ (вѣроятно, въ копіи) Академіи Наукъ; тогда же была составлена и транскрипція калмыцкихъ названій, повидимому, при участіи упомянутаго выше Василія Бакунина. Такъ какъ никакихъ слѣдовъ этой карты въ Академіи Наукъ не оказалось[3], то слѣдуетъ предполагать, что копія самой карты и транскрипція попали къ академику Байеру и были вывезены за границу, откуда вернулась въ Азіатскій Музей лишь транскрипція. По калмыцкой картѣ Ренатъ во время плѣна или по возвращеніи въ Швецію изготовилъ шведскій черновой экземпляръ, тождественный съ калмыцкимъ оригиналомъ; именно онъ былъ найденъ (въ копіи) въ 1879 г. въ Стокгольмѣ и изданъ въ Спб.; но затѣмъ Ренатъ составилъ и болѣе совершенную шведскую карту ойратскихъ владѣній, которая также найдена Стриндбергомъ въ Упсалѣ и имѣется въ библіотекѣ Р. Географ. Общества въ фотографическомъ снимкѣ (шифра III б. $\frac{12}{27 \text{ и } 28}$). Болѣе сложнымъ представляется вопросъ о томъ, какими источниками пользовались ойраты при составленіи обѣихъ упомянутыхъ выше картъ на калмыцкомъ языкѣ, и пока

---

[1] Изв. И. Р. Геогр. Общ., т. XXVI, 1890, стр. 90; т. XXVII, 1891, стр. 535, 574, 580—582 (отзывъ А. Макшеева), 582—585 (отзывъ А. Позднѣева).

[2] Ср. В. В. Бартольдъ. Исторія изученія Востока въ Европѣ и Азіи (СПб., 1911), стр. 188.

[3] А. Макшеевъ. Карта Джунгаріи, стр. 112.

его приходится оставить открытымъ, хотя извѣстная зависимость отъ китайской картографіи едва ли можетъ вызывать сомнѣнія.

Приведенные памятники указываютъ на разнообразіе имѣвшейся у ойратовъ исторической литературы, но въ отношеніи положительныхъ историческихъ данныхъ они, за исключеніемъ генеалогическихъ перечней и текста законовъ, отличаются большою скудостью, и для освѣщенія разсматриваемаго періода исторіи ойратовъ приходится обращаться главнымъ образомъ къ тѣмъ источникамъ, которые хранятся у народовъ, приходившихъ съ ними въ соприкосновеніе, а именно у русскихъ, китайцевъ, манджуръ, монголовъ и мусульманъ.

Начнемъ съ послѣднихъ. При распространеніи своего господства за предѣлы Западной Монголіи ойраты завладѣли Восточнымъ Туркестаномъ, многократно сталкивались съ Хивою, Бухарою и съ разными кочевыми племенами: казаками, киргизами, ногайцами, а также башкирами, и это соприкосновеніе оставило свои слѣды у мусульманскихъ писателей, изъ которыхъ за время съ XVII в. можно назвать слѣдующихъ.

1) Сочиненіе Махмуда бенъ Вели — Бахр уль асрар фи манакыб иль ахъяр, въ которомъ разсказъ о событіяхъ въ Восточномъ Туркестанѣ доведенъ до 1636 г.

2) Анонимъ (рукопись Азіатскаго Музея 590 oi), излагающій событія въ той же странѣ до начала XVIII столѣтія.

Свѣдѣнія объ обоихъ источникахъ впервые сообщилъ В. В. Бартольдъ въ своемъ «Отчетѣ о командировкѣ въ Туркестанъ» 1902 г., гдѣ онъ, основываясь главнымъ образомъ на нихъ и на слѣдующемъ трудѣ (Тезкереи Ходжеганъ), изложилъ подробныя свѣдѣнія объ исторіи Кашгаріи во второй половинѣ XVI и въ XVII вѣк. и о роли, которую тамъ играли ойраты[1]; эти свѣдѣнія (съ нѣкоторыми сокращеніями) воспроизвелъ затѣмъ M. Hartmann, снабдивъ ихъ своими замѣчаніями[2].

3) Тезкереи Ходжеганъ или Тезкереи Азизанъ, составленное Мухаммедъ-Садыкомъ Кашгари въ 1768—1769 гг.[3]. Этимъ трудомъ пользовались многіе авторы для изложенія болѣе новыхъ событій въ Восточномъ Туркестанѣ, не всегда замѣчая работы своихъ предшественниковъ. Впервые имъ воспользовался, безъ указанія источника, Чоканъ Валихановъ въ своемъ отчетѣ о поѣздкѣ въ названную страну въ 1858—1859 гг.[4]; за-

[1] З. В. О. И. Р. Арх. Общ., XV, стр. 232—260; XXI, стр. 036.
[2] Der Islamische Orient, B. I., Heft VI—X (Berlin, 1905), SS. 289—306.
[3] Rosen. Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales, VIII, pp. 156—160; Hartmann. Die osttürkischen Handschriften der Sammlung Hartmann (Mitt. Sem. Or. Spr., VII, 1904); его же, Der Islamische Orient, S. 315—316.
[4] Этотъ отчетъ появился первоначально въ извлеченіи въ Зап. И. Р. Геогр. Общ., 1861, кн. III, а затѣмъ полностью въ собраніи «Сочиненій Ч. Ч. Валиханова», изданномъ тѣмъ же Обществомъ подъ редакціею Н. И. Веселовскаго (Зап. по отд. этногр., т. XXIX,

тѣмъ подробное извлеченіе, съ подлинными цитатами, сдѣлалъ В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, но его работа не появилась въ свѣтъ[1]; болѣе краткое извлеченіе было сдѣлано затѣмъ P. B. Shaw, послѣ смерти котораго оно было издано съ комментаріями N. Elias[2]; наконецъ, очень обстоятельнымъ изложеніемъ (почти переводомъ) мы обязаны M. Hartmann'у[3]. Нѣкоторыя свѣдѣнія изъ труда Мухаммедъ-Садыка почерпнулъ, какъ упомянуто выше, и В. В. Бартольдъ.

4) Трудъ османскаго писателя Сейфи, изъ котораго отрывокъ, касающійся ойратовъ, помѣщенъ во французскомъ переводѣ Шеферомъ въ видѣ приложенія къ переводу Абд-ал-Керима Бухари[4], а затѣмъ использованъ и В. В. Бартольдомъ въ его «Очеркѣ исторіи Семирѣчья»[5].

5) Тарих- и Эмэніе, составленное въ 1903 г. муллою Муса бенъ Мулла Айса и изданное Н. Н. Пантусовымъ въ текстѣ безъ перевода и какихъ-либо поясненій[6]. Разборъ этого труда, содержащаго исторію Кашгаріи до послѣдняго времени, далъ В. В. Бартольдъ[7].

6) Извѣстный трудъ Абуль-Гази: Шеджереи-тӱрк — исторія монголовъ и татаръ — составленный въ 1665 г., сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о столкновеніяхъ ойратовъ съ Хивою. Авторъ передъ вступленіемъ на хивинскій престолъ провелъ у ойратскаго владѣтеля, вѣроятно, Батуръхунтайджія, цѣлый годъ (повидимому, 1642—1643 г.г.) и хорошо изучилъ языкъ и обычаи ойратовъ, но затѣмъ ему пришлось вести съ ними

1904). Ср. В. В. Григорьевъ. Землевѣдѣніе К. Риттера. Географія странъ Азіи, находящихся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Россіею. Восточный или Китайскій Туркестанъ. Вып. II, стр. 354—362, 379—390; В. В. Вельяминовъ-Зерновъ. Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, ч. II (Труды В. О. И. Р. Арх. Общ., ч. X), стр. 138.

[1] Это извлеченіе должно было войти, какъ приложеніе I, во II вып. IV части только что упомянутаго изслѣдованія, но выпускъ этотъ не былъ изданъ, и мнѣ удалось ознакомиться съ большею частью извлеченія лишь по попавшимъ случайно въ мои руки отпечатаннымъ листамъ 13—17 (стр. 193—272) выпуска.

[2] The History of the Khōjas of Eastern-Turkistān summarised from the Tazkira-i-Khwājagān of Muhammad Sādiq Kāshgharī, by the late Robert Barkley Shaw edited with Introduction and Notes by N. Elias (составляетъ особое Supplement или Extra No къ Journ. Asiat. Soc. Beng., Vol. LXVI, Part. I, 1897). Вопросъ объ источникахъ Тезкиреи-Ходжеганъ пытается освѣтить H. Beveridge въ статьѣ «The Khojas of Eastern Turkistan» (ibid., vol. LXXI, Part. I, № 1, pp. 45 - 46.

[3] Der Islamische Orient, Ss. 195—288 (стр. 289—346 представляютъ комментаріи къ изложенію содержанія Тезкереи-ходжеганъ).

[4] Histoire de l'Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khokand) depuis les dernières années du règne de Nadir Châh (1153) jusqu'en 1233 de l'Hégire (1740—1818) par Mir Abdoul Kerim Boukhary publiée, traduite et annotée par Charles Schefer (Paris, 1876—Publications de l'Ecole des langues orientales vivantes, 1 sér., v. II). Отрывокъ изъ труда Сейфи объ ойратахъ помѣщенъ на стр. 292—297.

[5] Пам. кн. Семир. обл., за 1898 г., стр. 163—164 (отд. отт. 90—91) и поправки и дополненія къ «Очерку».

[6] Таарих- и Эмэніе. Исторія владѣтелей Кашгаріи, сочиненіе муллы Мусы, бенъ Мулла Айса, сайрамца, изданная Н. Н. Пантусовымъ. Казань, 1905.

[7] З. В. О., XVII, стр. 0188—0195. Копія съ автографа автора была сдѣлана въ 1910 г. по заказу С. Ѳ. Ольденбурга въ Кучарѣ и нынѣ находится въ Азіатскомъ Музеѣ. Въ томъ же году онъ посѣтилъ автора въ Сайрамѣ и узналъ отъ него, что онъ нѣсколько разъ перерабатывалъ свою исторію и въ 1910 г. былъ занятъ новою переработкою. Авторъ былъ уже въ весьма преклонномъ возрастѣ.

вооруженную борьбу[1]. Въ данномъ трудѣ особаго вниманія заслуживаетъ краткая замѣтка о первомъ появленіи ойратовъ въ Хивѣ, «съ тѣхъ поръ какъ узбеки приняли исламъ». Событіе это должно быть отнесено, согласно указаніямъ автора, къ самому началу XVII ст., вѣроятно, 1604 г.[2].

Показанія мусульманскихъ писателей, въ общемъ дающія мало данныхъ объ ойратахъ, нѣсколько дополняются тѣми распросными свѣдѣніями, которыя были собраны въ первой четверти XVIII вѣка отъ выходцевъ изъ Восточнаго Туркестана, такъ называемыхъ «бухарцевъ», находившимися въ Сибири плѣнными шведскими офицерами, а равно Г. Ф. Миллеромъ во время его пребыванія въ Сибири въ 1733—1743 гг.[3].

Несравненно болѣе цѣнными являются данныя, опубликованныя въ Китаѣ на китайскомъ и манджурскомъ языкахъ.

Въ первую очередь здѣсь необходимо указать тѣ изданія, въ которыхъ воспроизведены оффиціальные документы, касающіеся дѣятельности манджурской династіи, главнымъ образомъ императорскіе указы и доклады трону по разнымъ дѣламъ, въ томъ числѣ (или даже исключительно) ойратскимъ. Таковы слѣдующія многотомныя изданія.

1) Дунъ-хуа-лу — сборникъ оффиціальныхъ документовъ, расположенныхъ по отдѣльнымъ царствованіямъ въ хронологическомъ порядкѣ. Подъ этимъ названіемъ извѣстны два изданія: краткое, составленное Цзянъ-лянъ-цзи съ изложеніемъ событій до 1735 г., и пространное, составленное Ванъ-сянь-цянь, — до 1874 г. Второе изданіе можетъ быть названо лѣтописью манджурской династіи[4]. Данными объ ойратахъ изъ этой лѣтописи пользовался M. Courant въ своей докторской диссертаціи[5], а объ отношеніяхъ между Тибетомъ, манджурами и монголами (ойратами) — W. W. Rockhill[6].

2) Шэнъ-сюнь, т. е. августѣйшія наставленія — сборникъ оффиціальныхъ документовъ, расположенныхъ, въ отличіе отъ предыдущаго изданія, въ систематическомъ порядкѣ. Это изданіе выпускалось двумя параллельными серіями: на китайскомъ яз. подъ названіемъ «шэнъ-сюнь» и на манджурскомъ подъ наименованіемъ «ендурiңге тачiхiјан», въ видѣ сборниковъ,

---

[1] Библіотека восточныхъ историковъ, издаваемая И. Березинымъ, т. III, ч. I. Исторія Абуль-Гази (въ переводѣ Г. Саблукова), стр. 35; Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghâzi Bèhâdour Khan publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaisons (St. Pét., 1874), II, pp. 36 et 338.

[2] Histoire des Mogols et des Tatares, II, p. 296.

[3] Литература по этому предмету указана въ трудѣ В. В. Григорьева. Восточный или Китайскій Туркестанъ, II, стр. 370—378, ср. также И. Минаевъ. Поиски золота (Ж. М. Н. Пр., ч. CCLVII, 1888, май, стр. 247).

[4] Васильевъ. Матеріалы по Исторіи Китайской Литературы, прил. III, стр. 264 (№ 45); Pelliot. Bulletin de l'Ecole française d'Extrême Orient, III, p. 686, note 4; M. Courant. Bibl. Nat., Dép. Manuscr., Catalogue des livres Chinois, Coréens, Japonais, etc. (Paris, 1902), I, pp. 27—29.

[5] M. Courant. L'Asie Centrale (см. выше).

[6] The Dalai Lamas of Lhasa and their Relations with the Manchu Emperors of China. 1644—1908 (T'oung Pao, vol. XI, 1910, № 1, pp. 1—104).

посвященныхъ отдѣльнымъ царствованіямъ — отъ основателя династіи Тай-цзу (Нурхаци) до Тунъ-чжи включительно; кромѣ того, имѣются сводные сборники: для первыхъ 5 императоровъ отъ Тай-цзу до Юнъ-чжэна и для первыхъ 3 — Тай-цзу, Тай-цзуна и Шунь-чжи. Въ 80-хъ годахъ было выпущено частное изданіе на китайскомъ яз. въ 250 т., обнимающее указы всѣхъ императоровъ отъ Тай-цзу до Тунъ-чжи включительно[1].

3) (Цинь-чжэнъ) Пинъ-динъ шо-мо фанъ-ліо — сборникъ оффиціальныхъ документовъ относительно военныхъ дѣйствій въ сѣверной и западной Монголіи при императорѣ Канъ-си, изданный въ 1709 г. Это одинъ изъ длинной серіи многотомныхъ сборниковъ, посвященныхъ военнымъ дѣйствіямъ манджуръ и носящихъ однообразное названіе: «цинь-динъ пинъ (цяо)-динъ... фанъ-ліо», т. е. «высочайше утвержденное описаніе покоренія...». Они выпускались особымъ комитетомъ фанъ-ліо-гуань, при чемъ, кромѣ китайскихъ описаній, имѣются и параллельныя манджурскія[2]. Названный выше сборникъ — съ манджурскаго текста, носящаго заглавіе: «(беје даіiламе) wаргі амаргі бабе нечіхіјеме токтобуха бодоґон-і бітхе», былъ переведенъ для нашей Академіи Наукъ еще въ 1749—50 гг. «прапорщикомъ» Ларіономъ Рассохинымъ, назвавшимъ этотъ трудъ «Исторіею въ 5 томахъ состоящею о завоеваніи китайскимъ ханомъ Канхіемъ калкаскихъ и элетскихъ мунгалъ въ Великой Татаріи»[3]. Однако этотъ переводъ остался не изданнымъ, и только въ 1777 г. появилось краткое извлеченіе («выписка») изъ того же сочиненія, сдѣланное «секретаремъ» Ал. Леонтіевымъ: «Увѣдомленіе о бывшей съ 1677 до 1689 года войнѣ у китайцевъ съ зенгорцами»[4]. Пинъ-динъ шо-мо фанъ-ліо было положено въ основу первой части XI т. «Histoire générale de la Chine» de Moyriac de Mailla, вышедшаго въ свѣтъ въ 1780 г.[5] и излагающаго исторію войнъ манджуръ съ ойратами. Наконецъ, манджурскимъ текстомъ пользовался и А. М. Позднѣевъ при изданіи отрывка изъ монгольской лѣтописи «Эрдэнійнъ-

---

[1] Edkins. Journal of the China Branch of the R. As. Soc., XXII (1887), p. 230—231; Möllendorf. Essay on Manchu Literature (Ibid., XXIV (1889), №№ 188—190, 197, 207, 214—216; B. Laufer. Skizze der Manjurischen Literatur (Keleti Szemle = Revue Orientale, IX, 1908, pp. 37—38); P. Pelliot. B. E. F. E.-O., III, p. 687, note 1. На манджурскомъ языкѣ въ Петроградскихъ библіотекахъ имѣются «наставленія» только до Цзя-цина включительно; повидимому, болѣе позднихъ нѣтъ и въ другихъ европейскихъ библіотекахъ, несмотря на указаніе Möllendorff'a (Essay, №№ 214—216), не сопровождаемое впрочемъ ссылкою на какой-либо источникъ.

[2] Васильевъ. Матеріалы, прилож., стр. 268 (№ 56) и 297 (№ 100); Möllendorf. Essay, № 148; Pelliot. B. E. F. E.-O., III, pp. 686—687; Pelliot, Répertoire des «collections Pelliot A» и «B» du fonds chinois de la Bibliothèque Nationale (T'oung Pao, v. XIV, 1913; p. 714, №№ 324—328); B. Laufer, ibid., IX, 1908, 1—2, pp. 37—38.

[3] Матеріалы для исторіи И. Академіи Наукъ, X, стр. 36 (№ 55) и 345 (№ 433); G. Cahen. Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand (1689—1730), p. 32.

[4] Извлеченіе это сдѣлано, какъ указано въ предисловіи, съ манджурскаго текста, хотя на заглавномъ листѣ и сказано, что Леонтьевъ «выписалъ изъ китайской исторіи».

[5] Въ предварительномъ замѣчаніи къ этому тому (стр. 2) издатель le Roux de Hautesrayes сообщаетъ нѣкоторыя библіографическія свѣдѣнія объ этомъ изданіи, называя его: tsin tching ping ting sou han fang lio.

эрихэ», касающагося, между прочимъ, войнъ, которыя велись манджурами съ ойратами при императорахъ Канъ-си и Юнъ-чженѣ[1].

4) Пинъ-динъ чжунь-га-р фанъ-ліо (по-манджурски: џуңг̒ар-і бабе нечіхіјеме токтобуха бодог̒он-і бітхе) — такой же сборникъ документовъ (но гораздо болѣе обширный) на китайскомъ и манджурскомъ языкахъ о военныхъ дѣйствіяхъ манджуръ противъ ойратовъ (джунгаръ) при императорѣ Цянь-лунѣ[2]. Изданъ въ 1770 г. Изъ манджурской версіи этого труда E. Haenisch извлекъ свѣдѣнія о завоеваніи Тибета, при чемъ въ его статьѣ имѣются данныя и объ отношеніяхъ ойратовъ къ названной странѣ[3].

5) Сборникъ біографій или «формулярныхъ списковъ» вассальныхъ монгольскихъ (въ томъ числѣ и ойратскихъ) и туркестанскихъ князей, которые составляются оффиціальнымъ путемъ и содержатъ большое количество документовъ въ полномъ текстѣ. Этотъ сборникъ (и его продолженія) издавался параллельными серіями на 3 языкахъ: на китайскомъ подъ названіемъ «бяо чжуань», манджурскомъ — «ілетун улабун» и монгольскомъ — «ілетхел шастір». Онъ служилъ однимъ изъ главныхъ источниковъ для комментаріевъ А. М. Позднѣева при изданіи Эрдэнійнъ-эрихэ[4].

6) Нѣкоторыя, но уже менѣе важныя для исторіи ойратовъ свѣдѣнія можно почерпнуть и изъ другихъ оффиціальныхъ или оффиціозныхъ сборниковъ біографій заслуженныхъ государственныхъ дѣятелей манджурской династіи; таковы:

а) Цзунъ-ши ванъ-гунъ бяо-чжуань (Уксун і wаң гуң саі гуңге фашшан бе ілетулере улабун) — біографіи князей императорскаго дома (на китайскомъ и на манджурскомъ яз.);

б) Мань-чжоу минъ-чэнь чжуань — біографіи прославившихся чиновниковъ изъ манджуръ;

в) Хань минъ-чэнь чжуань — біографіи знаменитыхъ чиновниковъ изъ китайцевъ[5].

---

[1] Монгольская лѣтопись «Эрдэнійнъ-эрихэ», стр. XXV.

[2] Тимковскій. Путешествіе въ Китай черезъ Монголію въ 1820 и 1821 годахъ (СПб., 1824), II, стр. 381; Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Imp. Publique de St. Pétersbourg (St. Pét. 1852), pp. 588—9; 602—3; Möllendorf. Essay, № 149; Pelliot, Répertoire, p. 722, № 197—198.

[3] Bruchstücke aus der Geschichte Chinas unter der gegenwärtigen Dynastie. Die Eroberung von Tibet aus dem Feldzug gegen die Dsungaren auszugsweise übersetzt (T'oung Pao, 1911, XII, pp. 197—235, 375—424). На стр. 198—199 приведены библіографическія данныя о самомъ сочиненіи.

[4] Васильевъ, Матеріалы, прил., стр. 265 (№№ 50—52); Каталогъ книгамъ, рукописямъ и картамъ Азіатск. Департ., стр. 10 и 67 (№№ 47 и 411); Позднѣевъ. Эрдэнійнъ-эрихэ, стр. XXIX—XXXII. Подробныя свѣдѣнія о монгольскомъ изданіи сборника (44 г. Цянь-луна, т. е. 1779 г.) впервые сообщилъ I. J. Schmidt. Die Volksstämme der Mongolen als Beitrag zur Geschichte dieses Volkes und seines Fürstenhauses, I Abh. (Mém. Acad. Imp. des Sciences de St.-Pét., VI sér., Sc. polit., t. II, 1834, pp. 409—477). Вторая часть этой работы, гдѣ должна была итти рѣчь объ ойратахъ, не вышла. См. также Giles, Catalogue Wade Collection, p. 141, G. 154—157; Pelliot, Répertoire, p. 722, № 199.

[5] Васильевъ. Матеріалы, прил., стр. 264 (№№ 46—48); Möllendorf. Essay, № 159; Каталогъ книгамъ Азіат. Деп., стр. 10 и 68 (№№ 45, 46, 412).

Нѣкоторымъ дополненіемъ къ перечисленнымъ китайско-манджурскимъ изданіямъ служатъ эпиграфическіе памятники. Императоры Канъ-си и Цянь-лунъ не безъ основанія придавали большое значеніе военнымъ дѣйствіямъ противъ ойратовъ и успѣшное ихъ завершеніе ознаменовали постановкою памятниковъ съ подобающими надписями. Канъ-си, разгромивъ Галдана, воздвигъ памятники въ 1696 г. у горы Тоно-ула близъ р. Хэрулюна, въ Дзу-модо (Джао-модо) на р. Толѣ и на горѣ Цаган-чолу въ восточной Монголіи[1], и въ 1697 г. у г. Лань-цзюй-сюй въ южной Монголіи и въ Пекинѣ въ Тай-сіо («великое училище»)[2], но памятники эти остаются не розысканными. Цянь-лунъ поставилъ въ Жэ-хэ (Чэнъ-дэ-фу) 2 памятника въ 1755 и 1758 гг. въ ознаменованіе побѣдъ надъ ойратами и въ 1771 г. также 2 памятника въ воспоминаніе возвращенія части калмыковъ (торгутовъ) изъ Россіи въ Джунгарію. Памятники Цянь-луна сдѣлались извѣстными въ Европѣ вскорѣ послѣ ихъ постановки, благодаря неутомимому миссіонеру Amyot, который помѣстилъ въ I томѣ «Mémoires concernant les Chinois» (Paris, 1776) переводъ китайскихъ надписей на памятникахъ 1758[3] и 1771 г.[4] съ обширными примѣчаніями. B. Laufer во время своей экспедиціи въ Китай въ 1901—4 гг. добылъ эстампажи надписей на всѣхъ 4 жэхэскихъ памятникахъ (1755 и 1758 гг. — китайскій, манджурскій, тибетскій и калмыцкій тексты и 1771 г. — китайскій, манджурскій, монгольскій и тибетскій тексты) и въ 1914 г. эти надписи появились въ великолѣпномъ атласѣ O. Franke и B. Laufer: «Epigraphische Denkmäler aus China», I Teil. Lamaistische Kloster-Inschriften aus Peking, Jehol und Si-ngan (Hamburg, 1914; 2 Мар.)[5].

На второмъ планѣ стоятъ записки лицъ, которыя или принимали непосредственное участіе въ событіяхъ, имѣвшихъ отношеніе къ ойратамъ, или же имѣли возможность получить объ нихъ свѣдѣнія отъ участниковъ событій.

Въ сочиненіи Шэнъ-ву-цзи имѣются дорожныя записки 4 лицъ, принимавшихъ участіе въ походахъ манджурскихъ войскъ на сѣверъ за Великую

---

[1] Позднѣевъ. Эрдэнійнъ-эрихэ, стр. 251; онъ же, Монголія и монголы (СПБ, 1898), II, стр. 441; Поповъ. Мэнъ-гу-ю-му-цзи, стр. 387 и 401; Тимковскій. Путешествіе въ Китай, III, стр. 233, 234 и 239.

[2] Позднѣевъ. Эрдэнійнъ-эрихэ, стр. 257 и 258.

[3] Pp. 325—400: «Explication du monument gravé sur la pierre en vers ch'nois, composé par l'Empereur, pour constater à la postériorité la conquête du Royaume des Eleuths faite par les Tartares Mantchoux sous le règne de Kien-long vers l'an 1757» (годъ этотъ указанъ не точно; въ надписи — 23 годъ Цянь-луна, соотвѣтствующій 1758 г.).

[4] Pp. 401—427: «Monument de la transmigration des Torgouts des bords de la mer Caspienne dans l'Empire de la Chine».

[5] Марре II: надписи 1755 г. — таблицы №№ 44—47, 1758—№№ 48—51, 1771ª—№№ 63—66 и 1771ᵇ—№№ 67—70. Описаніе мѣстности, гдѣ стоятъ эти памятники въ Жэ-хэ, съ краткими извлеченіями изъ надписей, имѣется въ трудѣ O. Franke. Beschreibung des Jehol-Gebietes in der Provinz Chihli (Leipzig, 1902), pp. 33, 51—54, 101. Въ рецензіи на этотъ атласъ Ed. Chavannes (T'oung Pao, v. XV, № 2, Mai 1914, pp. 286—287) указываетъ, что надписи № 44 и 48 находятся еще въ Пекинѣ въ Го-цзы-цзянь. Ср. также рецензию P. Pelliot в J. As., XI s., t. IV, 187-188

стѣну въ 1688, 1690 и 1696 гг., именно Цянь-ляпъ-цзѣ, Ма-сы-ха, Инь-хуа-синъ и Юй-чэнъ-лунъ, изъ которыхъ Ма-сы-ха игралъ видную роль въ событіяхъ въ качествѣ военачальника. Эти дневники въ переводѣ приложены къ труду А. М. Позднѣева, посвященному «Эрдэнійнъ-эрихэ»[1]. Примѣрно половина дневника Ма-сы-ха одновременно издана въ трудѣ Г. Н. Потанина «Очерки сѣверо-западной Монголіи» въ переводѣ В. П. Васильева, нѣсколько отличающемся отъ предыдущаго[2].

П. С. Поповымъ переведенъ дневникъ Фань-шао-куй'я, принимавшаго участіе въ экпедиціи, снаряженной въ 1720 г. для установки станцій отъ Куку-хото до Кобдо въ связи съ военными дѣйствіями противъ ойратскаго хана Цэванъ-Рабтана. Несмотря на обширные размѣры, дневникъ содержитъ очень мало историческихъ данныхъ[3].

Большой интересъ представляетъ И-юй-лу — описаніе отдаленныхъ странъ. Это путевыя записки манджурскаго чиновника Тулишена, входившаго въ составъ посольства, которое императоръ Канъ-си присылалъ къ калмыцкому хану Аюкѣ въ 1712—14 гг. въ связи со своими отношеніями къ Россіи и ойратамъ. Этотъ трудъ былъ изданъ въ 1723 г. одновременно на манджурскомъ и китайскомъ языкахъ и неоднократно переводился на европейскіе языки, въ томъ числѣ дважды на русскій языкъ Л. Россохинымъ и А. Леонтьевымъ съ манджурскаго текста[4].

Существенное дополненіе къ разсматриваемой группѣ китайскихъ источниковъ представляютъ записки европейцевъ, принимавшихъ участіе въ

[1] «Эрдэнійнъ-эрихэ», стр. 367—401; извлеченіе изъ дневника Инь-хуа-сина, носящаго заглавіе Бэй-чжэнъ-ли) см. также у П. С. Попова, Мэнъ-гу-ю-му-цзи, стр. 349—351.

[2] Вып. III, стр. 300—305. Дневникъ Ма-сы-ха, озаглавленный Сай-бэй цзи-гэнъ, встрѣчается и въ другихъ китайскихъ изданіяхъ.

[3] Дневникъ Фань-шао-куй'я изъ путешествія на западъ (Зап. И. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр., т. V (1875), стр. 141—211).

[4] Обзоръ довольно обширной литературы о путешествіи Тулишена далъ Gaston Cahen въ упомянутомъ выше трудѣ, гдѣ ему посвящена вся V глава (стр. 115—133; обзоръ переводовъ: стр. 124, 125 (CLXVII), а также въ другомъ его трудѣ: «Les cartes de la Sibérie au XVIII-e siècle» (Nouvelles Archives des Miss. scient. et littér., nouv. sér., fasc. 1, pp. 136—145). Въ виду возбужденныхъ въ этихъ трудахъ вопросовъ необходимо отмѣтить, что въ Петроградѣ имѣется манджурская версія И-юй-лу съ заглавіемъ «Лакчаха џечен де такураха бабе еџехе бітхе» въ видѣ рукописи безъ карты (Библіотека Петр. Универс. — 2 экз.: Пек. Мисс. и xyl. 60) и въ видѣ ксилографа съ картою (Азіатскій Музей, Азіат. Деп., № 414 и колл. Brosset, cl. VI, № 73ᵇ; Библ. Петр. Унив. — Пек. Мисс.; Публичная Библіотека, вост., № 683). Кромѣ того, есть еще рукописи съ параллельнымъ манджурск. и кит. текстомъ безъ карты (Библ. Петр. унив., xyl. 374 и Азіат. Музей, колл. Brosset, cl. VI, № 72). Имѣющаяся при ксилографахъ карта на мандж. яз. совпадаетъ по своимъ очертаніямъ и размѣрамъ съ картою китайскаго изданія и съ русскимъ переводомъ, изданнымъ G. Cahen (Les cartes de la Sibérie, pl. II къ стр. 136). Но на манджурской картѣ нѣтъ поясненій, имѣющихся при нѣкоторыхъ названіяхъ въ русскомъ переводѣ (напр., «здѣсь водятся песцы» при Туруханскѣ); очевидно, переводчикъ Россохинъ, который въ общемъ руководствовался манджурскимъ экземпляромъ, взялъ эти поясненія съ китайскаго, гдѣ они дѣйствительно имѣются. Въ библіотекѣ Петр. Универс. (xyl. 63) имѣется еще монгольскій переводъ (безъ карты и предисловія), озаглавленный: «Тасуркаі кіџаѓар тур џаруѓсан јабудалі темдеглексен бічік»; онъ сдѣланъ съ манджурскаго текста, при чемъ переводчикъ, судя по нѣкоторымъ особенностямъ орѳографіи, былъ бурятъ (вѣроятно, Дорджи Банзаровъ). Рукописный экземпляръ перевода Леонтьева, изданнаго въ 1782 г., хранится въ Моск. Гл. Арх. М. И. Д. въ числѣ китайскихъ дѣлъ подъ 1712—1714 гг.

событіяхъ со стороны манджурскихъ властителей Китая, въ особенности описанія путешествій іезуита Жербильона, который въ связи съ военными дѣйствіями манджуръ противъ ойратовъ неоднократно (въ 1691, 1696 и 1697 гг.) посѣтилъ Монголію въ составѣ свиты императора Канъ-си[1].

Сравнительно небольшой интересъ представляетъ брошюра шведскаго капитана Jo. Christ. Schnitscher, который сопровождалъ посольство Тулишена 1712—14 гг.: «Berättelse om Ajuckiniska Calmuckiet» etc. (Stockholm, 1744), съ примѣчаніями Рената. Эта брошюра вскорѣ же была переведена переводчикомъ Академіи Наукъ Фелькнеромъ на нѣмецкій яз.: «Bericht von der Ajukinischen Calmukey oder von dieses Volckes Ursprung» etc., но этотъ переводъ не былъ изданъ въ то время[2], и только Г. Ф. Миллеръ помѣстилъ его въ 1760 г. въ IV т. Sammlung Russischer Geschichte съ небольшими редакціонными измѣненіями и съ довольно обширными своими примѣчаніями[3].

Уничтоженіе ойратской державы выдвинуло въ Китаѣ вопросъ о всестороннемъ изученіи завоеванныхъ земель: Джунгаріи и Восточнаго Туркестана, которыя ранѣе, вмѣстѣ съ Западнымъ Туркестаномъ и прилегающими областями, обыкновенно именовались въ китайской литературѣ Си-юй, а теперь получили названіе Новой границы (Синь-цзянъ), и въ этомъ дѣлѣ приняли участіе какъ Пекинское правительство, такъ и частныя лица. Произведенныя на мѣстахъ въ широкомъ масштабѣ и непосредственно послѣ разыгравшихся тамъ событій работы дали возможность собрать цѣнный матеріалъ, между прочимъ, и историческаго характера, и еще въ XVIII в. въ Китаѣ появился рядъ трудовъ, запечатлѣвшихъ тогдашнее состояніе Западнаго края и излагающихъ ходъ событій, завершившихся разгромомъ ойратовъ[4].

1) Уже въ 1756 г. императоръ Цянь-лунъ издалъ распоряженіе о составленіи описанія Западнаго края съ древнѣйшихъ временъ, и на эту работу въ первоначальномъ видѣ потребовалось 5 лѣтъ. Затѣмъ она была пересмотрѣна и напечатана только въ 1782 г. подъ названіемъ Цинь-динъ хуанъ-юй Си-юй ту-чжи. Въ редакціонномъ комитетѣ участвовали такія

---

[1] Описанія путешествій Gerbillon помѣщены въ IV т. труда Du-Halde: Description... de l'Empire Chinois et de la Tartarie Chinoise (La Haye, 1736).

[2] Экземпляръ первоначальнаго перевода поступилъ, какъ значится на его рукописи, 17 іюня 1748 г. въ Библіотеку Академіи Наукъ и теперь хранится въ Азіатскомъ Музеѣ (III отд., № 47); см. Das Asiatische Museum, S. 118, № 47.

[3] Sammlung, IV, S. 275—364. Миллеръ издалъ также и русскій переводъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ и извѣстіяхъ о ученыхъ дѣлахъ», 1764, ч. II, ноябрь. Ср. также Сарат. губ. вѣд., 1842, №№ 18 и 19, и Астрах. губ. вѣд., 1843, № 39.

[4] Приводимый ниже перечень, не претендуя на полноту, имѣетъ цѣлью дать обзоръ болѣе крупныхъ монографій, касающихся состоянія Западнаго края въ XVII—XVIII ст. Монографіи эти разбросаны по разнымъ библіотекамъ Европы, но болѣе всего ихъ сосредоточено въ библіотекахъ Петрограда и въ Румянцовскомъ Музеѣ въ Москвѣ (коллекція К. Скачкова). Многими разъясненіями по данному предмету я обязанъ В. М. Алексѣеву и А. И. Иванову.

лица, какъ Чжао-хуй, завоеватель В. Туркестана, министръ Ду-хэнъ и др. Этотъ обширный трудъ, состоящій изъ 48 цзюаней, не считая предисловія, служилъ источникомъ для многихъ китайскихъ трудовъ, какъ, напр., для второго и послѣдующихъ изданій оффиціальной географіи Дай-цинской имперіи (Дай-цинъ и-тунъ-чжи), но для европейцевъ былъ мало доступенъ въ виду рѣдкости этого изданія. Первыя довольно подробныя свѣдѣнія объ немъ сообщилъ В. В. Григорьевъ со словъ И. И. Захарова благодаря наличности экземпляровъ въ СПб.[1]. Въ З. Европѣ только въ новѣйшее время синологи получили въ свое распоряженіе этотъ трудъ, которымъ и воспользовался сначала Cam. Imbault-Huart, помѣстившій въ своемъ «Recueil de documents sur l'Asie Centrale»[2] обозрѣніе содержанія Си-юй ту-чжи, одну изъ картъ и переводъ отрывковъ, касающихся нѣкоторыхъ странъ и народовъ Западнаго края, а затѣмъ Ed. Chavannes въ монографіяхъ о западныхъ туркахъ и о китайскихъ надписяхъ Центральной Азіи[3].

Авторами Си-юй ту-чжи использованы прежнія литературныя свѣдѣнія о Западномъ краѣ и вновь собранные спеціальными экспедиціями (въ Джунгарію во главѣ съ Хэ-го-цзуномъ въ 1756 г. и въ Восточный Туркестанъ — Минготу въ 1759 г.) матеріалы, въ томъ числѣ и астрономическія наблюденія, произведенныя іезуитами[4].

Въ Си-юй ту-чжи содержится много картъ.

2) Въ 1763 г. Цянь-лунъ поручилъ Фу-хэну и др. составить словарь историко-географическихъ терминовъ на разныхъ языкахъ по Западному краю и результатомъ этого явился трудъ Цинь-динъ Си-юй тунъ-вэнь-чжи (8 бэнь, 24 цзюань) на китайскомъ яз. съ транскрипціей объясненныхъ терминовъ по-манджурски, по-монгольски, по-тибетски, по-ойратски (калмыцки) и по-чагатайски. Ни о способѣ составленія этой цѣнной работы, ни о времени ея изданія въ ней не содержится никакихъ указаній. Число объяснен-

---

[1] Восточный или Китайскій Туркестанъ, II, стр. 404—406. Въ библіотекѣ Петроградскаго Университета имѣются 2 экз. Си-юй ту-чжи (оба изд. 1782 г.: xyl. 1303 въ 7 бэнь и xyl. 1314 въ 8 бэнь), а также въ Азіатскомъ Музеѣ (въ 12 бэнь Дмитр. 67—изд. 1782 г. и Дмитр. 215 — изд. 1893 г.). Ср. Васильевъ. Матеріалы, прил., стр. 319 (№ 52).

[2] Public. Ec. lang. Orient. viv., I sér., vol. XVI, 1881, pp. X—XI, 59—62, 69—222. Впервые наличность въ Зап. Европѣ экземпляра Си-юй ту-чжи была констатирована каталогами книгъ Потье (Catalogue des livres chinois composant la bibliothèque de feu M. G. Pauthier, Paris, 1873, p. 35—36, № 111) и Тоннелье (Catalogue de la bibliothèque de feu M. Jules Thonnelier, Paris, 1880, p. 524, № 3978). Повидимому, этотъ экземпляръ перешелъ затѣмъ къ Imbault-Huart, у котораго годомъ изданія указанъ 1872 видимо вмѣсто 1782 г. (p. 62). Тѣмъ временемъ въ Китаѣ одною частною фирмою въ Ханъ-чжоу было выпущено въ 1893 г. новое изданіе Си-юй ту-чжи. См. также Pelliot, Répertoire, p. 722, № 192.

[3] Documents sur les Tou-kiue (Turks) Occidentaux (Сборн. труд. Орхонск. эксп., VI; СПб., 1903), p. 6—13; здѣсь Шаваннъ предостерегаетъ противъ историческихъ отождествленій авторовъ Си-юй ту-чжи. Dix inscriptions chinoises de l'Asie Centrale (Mémoires prés. p. div. sav., I sér., XI, 1904, II p., pp. 193—195).

[4] М. В(енюковъ). Списокъ астрономическихъ точекъ въ Вост. Туркестанѣ и Джунгаріи (Зап. И. Р. Геогр. Общ., 1861, кн. 4, стр. 126—130); статья эта основана на свѣдѣніяхъ, извлеченныхъ изъ Си-юй ту-чжи И. И. Захаровымъ.

ныхъ терминовъ опредѣляется въ 3111 статей[1]. Это также рѣдкое изданіе, которое въ Западной Европѣ представлено, повидимому, однимъ только экземпляромъ[2]. Оно было частью переведено, частью резюмировано по-нѣмецки Клапротомъ, но этотъ трудъ не былъ изданъ, и рукопись его теперь находится въ Парижской Національной библіотекѣ[3]. Изъ Си-юй тунъ-вэнь-чжи о. Іакинѳъ извлекъ, какъ упомянуто выше, родословныя ойратскихъ князей, а также чагатаидовъ и ходжей Вост. Туркестана[4]; Imbault-Huart перевелъ вторично родословныя ходжей[5].

3) Хуй-цзянъ-чжи — описаніе Восточнаго Туркестана, главнымъ образомъ въ географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, съ картою и иллюстраціями костюмовъ. Составлено манджурскими чиновниками Су-р-дэ и Фу-сэнь-бу, согласно H. A. Giles, въ 1768 г., а, согласно В. П. Васильеву, около 1772 г. Извѣстно въ рукописныхъ экземплярахъ[6], и только въ коллекціи китайскихъ и манджурскихъ книгъ К. Скачкова въ Румянцовскомъ Музеѣ въ Москвѣ, судя по рукописному каталогу этой коллекціи (отдѣлъ книгъ, № 435), имѣется печатный экземпляръ 1772 г.

4) Широкую извѣстность какъ въ Китаѣ, такъ и въ Европѣ получили произведенія одного манджура, котораго одни авторы (Липовцовъ, Леонтьевскій, Al. Wylie, P. G. v. Möllendorf, R. K. Douglas, китайскій комментаторъ Хэ-цю-тао, японская библіографія китайскихъ сочиненій Кан сэки кайдай, Сао-ѣ-шань-фанъ) называютъ Ци-ши-и (Липовцовъ — князь Цишій), другіе (H. Giles, Ch. Denby, M. Courant, Ed. Chavannes) — Чунь-юань, можетъ быть, иногда даже не подозрѣвая, что это одно и то же лицо. Въ китайскихъ сочиненіяхъ онъ именуется различно: Чунь-юань, Чунь-юань-ши, Мань-чжоу Ци-ши-и, Ци-ши-и, Чунь-юань Ци-ши-и, Чанъ-бо Ци-ши-и Чунь-юань. Шаваннъ сдѣлалъ попытку объяснить Ци-ши-и (七十一), какъ обозначеніе его возраста при составленіи его трудовъ («71 годъ»)[7], но и онъ не обслѣдовалъ вопроса съ достаточною пол-

---

[1] St. Julien. Journ. Asiat., III sér., t. X (1840), pp. 380—381; IV sér., t. VIII (1846), p. 230; Каталогъ библіотеки J. Thonnelier, p. 524 (№ 3977); Möllendorf. Essay, № 150; Laufer. Skizze d. Manj. Liter., S. 41.

[2] Жюльенъ располагалъ экземпляромъ, временно ему присланнымъ изъ Китая мисс. Роб. Моррисономъ; позже наличность экземпляра въ Европѣ была констатирована каталогомъ библіотеки Thonnelier. Въ Петроградѣ экземпляры изданія имѣются въ библіотекѣ Университета (xyl. 35 и Вас. уч. 219) и въ Азіатскомъ Музеѣ (Аз. Деп., 118 и колл. Brosset, VI, №№ 43 и 43 bis).

[3] Catalogue des livres composant la Bibliothèque de feu M. Klaproth (Paris, 1839), II, p. 32; Imbault-Huart. Recueil de documents, p. 64.

[4] Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана, II, стр. 254—265.

[5] Recueil de documents, pp. 64—67; ср. Hartmann, l. c., S. 339—343, 345.

[6] Васильевъ. Матеріалы, прил., стр. 314 (№ 39); Каталогъ книгамъ Азіат. Деп., стр. 23 (№ 116); H. A. Giles. A Catalogue of the Wade Collection of Chinese and Manchu Books in the Library of the University of Cambridge (Cambridge, 1898), p. 84 (C 120).

[7] Revue critique d'histoire et de littérature, XXXIV année, t. L, № 45, 5 nov. 1900, p. 344.

котою: возможно, что Ци-ши-и просто транскрипція манджурскаго имени (авторъ манджуръ Чанъ-бо-шаньскаго рода)[1].

Не обращалось достаточнаго вниманія и на другое обстоятельство, связанное съ этимъ авторомъ. Онъ написалъ нѣсколько небольшихъ трактатовъ и предисловіе (послѣднее — въ 42 г. правленія Цянь-луна, т. е. въ 1777 г.), которые издавались неоднократно, въ разныхъ группировкахъ, въ видѣ сборниковъ подъ различными наименованіями, при чемъ самые трактаты иногда подвергались существенной переработкѣ и получали измѣненныя названія. Выясненіе всѣхъ относящихся сюда вопросовъ затрудняется тѣмъ, что, насколько извѣстно, ни въ одной европейской библіотекѣ нѣтъ полной коллекціи указанныхъ сборниковъ.

Въ Петроградѣ имѣется 4 сборника, изъ которыхъ почти тождественными[2] являются съ одной стороны Си-юй вэнь-цзянь лу и Синь-цзянъ вай-фань цзи-ліо, а съ другой — И-юй со-тань и Си-юй цзунъ-чжи[3]. Во всѣхъ этихъ сборникахъ содержится по 5 слѣдующихъ трактатовъ Чунь-юаня: Синь-цзянъ цзи-ліо (или Синь-цзянъ лѣ-чжуань), Вай-фань цзи-ліо (Вай-фань лѣ-чжуань), Си-чуй цзи-ши бэнь-мо (Си-чуй цзюнь-ши, Пань-ванъ цзи-ліо), Хуй-цзянъ фынъ-ту (Шу-фанъ фынъ-ту), Синь-цзянъ дао-ли бяо.

Европейскіе ученые чаще всего пользовались сборниками Си-юй вэнь-цзянь лу — «Записки о слышанномъ и видѣнномъ въ Западномъ краѣ», самое названіе котораго указываетъ на характеръ работъ Чунь-юаня: въ нихъ сообщаются результаты его личныхъ наблюденій и разспросовъ на мѣстѣ. Первыя извлеченія изъ этого сборника были сдѣланы С. Липовцовымъ для «Сибирскаго Вѣстника» 1820—1823 гг.[4], а въ 1829 г. о. Іакинѳъ

---

[1] В. М. Алексѣевъ сообщилъ мнѣ еще другой аналогичный примѣръ именованія манджуръ: именно авторомъ сочиненія Фань шэ цай фынъ ту као — «О правахъ разныхъ варварскихъ племенъ (Формозы)» былъ манджуръ съ именемъ 六 十 七 («67») по прозванію Цзюй-лу.

[2] Различіе заключается въ названіяхъ и порядкѣ расположенія отдѣльныхъ произведеній, а также въ небольшихъ главнымъ образомъ редакціонныхъ измѣненіяхъ ихъ текста. Въ то же время текстъ двухъ первыхъ сборниковъ уже сильно отличается отъ текста двухъ послѣднихъ довольно многочисленными перемѣнами по существу.

[3] Кромѣ того, извѣстны еще 2 сборника: 1) Си-юй со-тань (находится въ коллекціи К. Скачкова въ Румянцовскомъ Музеѣ, по рукописному каталогу № 436, MS.; въ Кембриджскомъ Университетѣ — Giles. Catal. Wade Coll., p. 84, C 115 и въ Британскомъ Музеѣ: R. K. Douglas. Supplementary Catalogue of Chinese Books and Manuscripts in the British Museum, London, 1903, p. 137) и 2) Си-юй-цзи (послѣднимъ пользовались St. Julien въ трудѣ A. de Humboldt. Asie Centrale, II, p. 336 и L. Lamiot, Esquisse du Sy-yu ou des pays à l'ouest de la Chine въ Bulletin de la société de géographie, Juillet 1832). St. Julien (l. c.) считаетъ Синь-цзянъ вай-фань цзи-ліо вторымъ, а Си-юй-цзи третьимъ (1814 г.) изданіемъ Си-юй вэнь-цзянь лу.

[4] Статьи С. Липовцова: «О переходѣ тургутовъ въ Россію и обратномъ ихъ удаленіи изъ Россіи въ Зюнгарію. Сочиненіе китайскаго князя Цишія» (Сиб. Вѣстн., ч. 12; 1820, IV); «О возмущеніяхъ, бывшихъ въ Дзюнгаріи и Малой Бухаріи» (Ibid., ч.ч. 3 и 4, 1823); послѣдній отрывокъ былъ изданъ и во французскомъ переводѣ, съ неопредѣленнымъ указаніемъ: «Traduit du chinois» во II т. «Magazin Asiatique» (pp. 193—208), издававшагося Клапротомъ. Послѣдній помѣстилъ нѣкоторыя извлеченія и во II т. своихъ «Mémoires relatifs à l'Asie». Показанія Си-юй вэнь-цзянь лу были использованы еще въ трудѣ Тимковскаго, «Путешествіе въ Китай черезъ Монголію» (особенно въ иностранныхъ изданіяхъ этого

далъ полный переводъ сборника во II ч. своего «Описанія Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана» (стр. 85—240). Имѣется указаніе о существованіи перевода и на манджурскій языкъ[1].

5) Чжи-и синь-бянь — краткое описаніе отдаленныхъ окраинъ на западѣ, въ томъ числѣ Восточнаго Туркестана и Джунгаріи[2]. Изд. 1794 г.

6) Си-юй ди-минъ као — историческія изысканія о названіяхъ мѣстностей въ Западномъ краѣ. Рукопись[3].

7) Синь-цзянъ юй-ту фынъ-ту као — изслѣдованіе о характерѣ и географіи Синь-цзяна. Изд. 1777[4].

Въ XIX в. въ Китаѣ продолжали интересоваться Западнымъ краемъ въ виду происходившихъ тамъ постоянно волненій, и за этотъ періодъ можно отмѣтить рядъ трудовъ, составленныхъ частью на основаніи собранныхъ на мѣстѣ свѣдѣній, частью по литературнымъ и архивнымъ матеріаламъ. Въ этихъ трудахъ, среди которыхъ имѣются принадлежащіе выдающимся ученымъ, видное мѣсто отводится описанію прошлаго края.

1) На первомъ планѣ здѣсь необходимо отмѣтить заслуги извѣстнаго государственнаго дѣятеля изъ монголовъ Сунъ-цзюня[5], служившаго, между прочимъ, въ Западномъ краѣ и собравшаго объ немъ обширные матеріалы, которые и легли въ основу слѣдующихъ трудовъ:

а) И-ли цзунъ-тунъ ши-ліо — общее обозрѣніе Западнаго края. Оно содержитъ описаніе покоренія этого края и его дальнѣйшаго устройства и снабжено многочисленными хорошо исполненными картами. Издано оно, судя по датамъ предисловія, въ 1809 г.[6]. Нѣсколько позднѣе (1811 г.) было выпущено другое изданіе подъ заглавіемъ «Си-чуй цзунъ-тунъ ши-ліо», въ которомъ къ основнымъ 24 цзюанямъ прибавлены еще, въ особой тетради, 2 новыя главы[7].

б) Цинь-динъ Синь-цзянъ ши-ліо — описаніе (въ географическомъ и историческомъ отношеніяхъ) земель Новой границы, изданное въ 1821 г. Это еще болѣе обширный трудъ (10—13 бэнь), также снабженный картами[8]. Въ

труда), въ «Землевѣдѣніи Азіи» К. Риттера (въ нѣмецкомъ и русскомъ изданіяхъ; ср. Григорьевъ. Вост. или Кит. Турк., II, стр. 407) и у А. Гумбольдта. Asie Centrale, II (Paris, 1843), при чемъ переводчиками являлись о. Іакинѳъ, Клапротъ, Шоттъ и Жюльенъ.

[1] Möllendorf. Essay on Manchu literature, № 153.

[2] Каталогъ книгамъ Азіатскаго Департ., стр. 22 (№ 112).

[3] Эта рукопись имѣется лишь въ коллекціи К. Скачкова въ Румянцовскомъ Музеѣ (№ 451).

[4] Поповъ, Замѣтка о Кучэ (Протоколъ засѣд. Русск. Комит. для изучен. Средн. и Вост. Азіи, 1904, № II, 22 марта, стр. 22—27).

[5] Нѣкоторые синологи транскрибируютъ его имя Сунъ-юнь (Sung-yün).

[6] Каталогъ книгамъ Азіат. Деп., стр. 22 (№ 113). Въ рукописномъ каталогѣ колл. К. Скачкова въ Румянцовскомъ Музеѣ указано (№ 440) изданіе 1 года Цзя-цина (1796 г.) въ 8 книгахъ, тогда какъ Петроградскіе экземпляры содержатъ по 6 бэнь.

[7] Васильевъ. Матеріалы, прил., стр. 314 (№ 40); Giles. Catal. Wade Coll., p. 85 (C 123).

[8] Васильевъ. Матеріалы, прил., стр. 319 (№ 49); Григорьевъ. Вост. или Кит. Турк., II, стр. 423; Giles. Catal. Wade Coll., p. 84 (C 118—119); Courant. Catal. livr. chinois, I,

Китаѣ онъ получилъ оффиціальное одобреніе (цинь-динъ), а въ Европѣ пользуется извѣстностью благодаря извлеченіямъ Ст. Жюльена[1] и о. Іакинѳа[2].

в) Чжэнь-фу ши-и — записки о внѣшнихъ владѣніяхъ (Тибетъ, Монголія, Восточный Туркестанъ) и Россіи, изданныя въ 1823 г. въ 4 бэнь. Основная часть — ничтожные, по отзыву В. П. Васильева, стихи, къ которымъ присоединены весьма интересныя добавленія историческаго и географическаго характера[3].

2) Сань-чжоу цзи-ліо — описаніе 3 округовъ Западнаго края, именно Хамійскаго, Турфанскаго и Урумчійскаго. Эта довольно обширная, въ 9 бэнь, монографія вышла въ 1805 г.[4].

3) Синь-цзянъ ту-као — обширное изслѣдованіе Новой границы и военныхъ тамъ поселеній преимущественно въ топографическомъ отношеніи. Извѣстно по рукописи, принадлежащей Азіатскому Музею; въ немъ много картъ, напечатанныхъ ксилографически[5]. Эти карты были выпущены въ Китаѣ, съ тѣхъ же клише, безъ всякихъ поясненій, въ видѣ отдѣльнаго атласа. Экземпляръ послѣдняго, съ тѣмъ же названіемъ Синь-цзянъ ту-као, имѣется въ библіотекѣ Петроградскаго университета[6].

4) Въ 1823 г. вышло выдающееся, по общему мнѣнію синологовъ, сочиненіе Си-юй шуй-дао цзи — описаніе водъ Западнаго края, съ поясненіями, между прочимъ, историческаго характера, составленное Сюй-суномъ, по прозванію Синъ-бо, который проживалъ въ названномъ краѣ въ качествѣ ссыльнаго и собралъ цѣнные матеріалы путемъ личныхъ наблюденій, а также изъ литературныхъ и архивныхъ источниковъ. 5 (иногда 4) бэнь съ картами[7]. Изъ этого труда обширныя извлеченія сдѣлали В. М. Успенскій, K. Himly, Ed. Chavannes[8].

5) Шэнъ-ву-цзи — записки объ августѣйшихъ войнахъ, которыя вели манджурскіе императоры отъ начала династіи до средины царствованія Дао-

р. 109 (№ 1826—1829). Courant авторомъ называетъ принца Шуй и др.; самое сочиненіе нѣкоторые называютъ Синь-цзянъ чжи (цзи)-ліо.

[1] Journ. Asiat., IV sér., t. III (1846), pp. 233—252, 385—445; эта статья была затѣмъ перепечатана въ «Mélanges de géographie asiatique et de philologie sinico-indienne extraits des livres chinois par M. Stanislas Julien», t. I (Paris, 1864), pp. 6—28, 56—85.

[2] Истор. обозр. ойратовъ, стр. 135 и др.

[3] Каталогъ книгамъ Азіат. Деп., стр. 25 (№ 132); Васильевъ. Матеріалы, прил., стр. 315 (№ 41).

[4] Васильевъ. Матеріалы, прил., стр. 319 (№ 53). Въ каталогѣ колл. К. Скачкова подъ № 439 указана подъ даннымъ названіемъ рукопись 1795 г. въ 2 книгахъ.

[5] Каталогъ книгамъ Азіат. Деп., стр. 23 (№ 117).

[6] Васильевъ. Матеріалы, прил., стр. 319 (№ 51).

[7] Каталогъ книгамъ Азіат. Департ., стр. 23 (№ 115); Васильевъ. Матеріалы, прил., стр. 318 (№ 47); Courant. Catalogue des livres Chinois, I, p. 112 (№ 1868); Chavannes. Revue Critique, 1900, 5 nov., № 45, p. 344; Григорьевъ. Вост. или Кит. Туркест., II, стр. 424.

[8] Успенскій. О бассейнѣ Лобъ-нора (Зап. И. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр., VI, отд. I, стр. 93—150), онъ-же, Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай (Ibid., VI, отд. II, стр. 57—196); труды Himly см. H. Cordier. Bibl. Sinica, 2 éd., IV, col. 2830; Chavannes. Documents sur les Tou-kiue, pp. 6—13.

гуана (примѣрно въ 1603—1841 гг.). Это прагматическая исторія Манджурской династіи, составленная извѣстнымъ писателемъ Вэй-юань, имѣвшимъ доступъ къ государственнымъ архивамъ. Первое изданіе — 1844 г., за нимъ послѣдовали другія съ нѣкоторыми измѣненіями[1]. Третья и четвертая главы посвящены спеціально войнамъ Канъ-си, Юнъ-чжэна и Цянь-луна съ ойратами; о послѣднихъ имѣются свѣдѣнія и въ пятой главѣ, трактующей о покореніи Тибета. Этимъ трудомъ пользовались многіе европейскіе писатели, при чемъ нѣкоторыми сдѣланы обширныя извлеченія. Для исторіи ойратовъ имѣютъ значеніе труды В. П. Васильева, А. М. Позднѣева, M. Courant, M. Jametel, W. W. Rockhill, E. H. Parker[2].

6) Хуанъ-чао фань-бу яо-ліо — необходимыя замѣтки по исторіи вассальныхъ владѣній при манджурской династіи до Цянь-луна включительно, составлены въ 1846 г. Ци-цюнь-цзао (или Ци-юнь-ши), 6 бэнь. Въ этомъ трудѣ дается хронологическая сводка матеріаловъ изъ упомянутыхъ выше біографій вассальныхъ князей и Пинъ-динъ шо-мо фанъ-ліо. Имъ пользовались В. М. Успенскій и А. М. Позднѣевъ въ упомянутыхъ выше изслѣдованіяхъ[3].

7) Си-юй као-гу лу — изслѣдованіе древностей и исторіи Западнаго края. Составлено Юй-хао въ 1847 г., 10 бэнь. Было переведено драгоманомъ А. А. Ленци, но переводъ остался не изданнымъ. Использовано В. М. Успенскимъ[4].

8) Мэнъ-гу ю-му цзи — записки о монгольскихъ кочевьяхъ (включая и ойратскія), составленныя Чжанъ-му, по прозванію Ши-чжоу, и послѣ его смерти дополненныя Хэ-цю-тао; предисловіе помѣчено 1859 г. 4 бэнь. Это обстоятельная компиляція, которая, по мысли авторовъ, должна служить географическимъ дополненіемъ къ Хуанъ-чао фань-бу яо-ліо, но вмѣстѣ съ тѣмъ она снабжена настолько обширными примѣчаніями историческаго и археологическаго характера, что можетъ считаться энциклопедіей свѣдѣній о

---

[1] Васильевъ. Матеріалы, прил., стр. 266—267 (№ 54); Imbault-Huart. Journ. Asiat., VII sér., t. XI (1878), pp. 135—138; M. Jametel. Histoire de la pacification du Tibet sous le règne de l'Empereur Kien-Long (Revue de l'Extrême-Orient, t. I, 1882, pp. 572—595), свѣдѣнія о Вэй-юанѣ и его трудѣ — pp. 572—573; M. Courant. L'Asie Centrale, p. 143; H. Cordier. Bibliotheca Sinica, 2 éd., I, col. 632—633; Pelliot. Bull. Ec. Fr. E.-O., III, p. 668, note 1.

[2] Переводъ В. П. Васильева у Г. Н. Потанина. Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи, III, стр. 305—336; Позднѣевъ, Монгольская лѣтопись «Эрдэнійнъ-эрихэ, стр. XXIII — XXIV; Rockhill. The Dalai-Lamas of Lhasa (см. выше); E. H. P(arker). Campaigns of K'ang-hi, Yung-cheng and K'ien-lung (China Review, XVI, № 2, pp. 105—118). Труды Courant и Jametel указаны въ пред. выноскѣ.

[3] Васильевъ. Матеріалы, прил., стр. 266 (№ 53); Дим. Позднѣевъ. Къ вопросу о пособіяхъ при изученіи исторіи монголовъ въ періодъ Минской династіи (З. В. О., IX, стр. 93—94); Успенскій. Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай, стр. 62; Giles. Catalogue of the Wade Collection, p. 84 (C 116—117).

[4] Успенскій. Loc. cit., стр. 61. См. также ст. «Новости кит. литерат. по части географіи» (Изв. И. Р. Геогр. Общ., 1868, отд. II, стр. 195—196). Экземпляръ имѣется въ Азіат. Муз. (Колл. Иванов., 109).

Монголіи[1]. Достоинства этого труда обратили на себя вниманіе русскихъ синологовъ, изъ которыхъ П. С. Поповъ далъ переводъ его, допустивъ однако сокращенія тамъ, гдѣ онъ видѣлъ въ сообщеніяхъ авторовъ — не всегда вполнѣ объективно — «относительную незначительность интереса или излишнее многословіе»[2]. Еще раньше переводъ отдѣльныхъ мѣстъ былъ сдѣланъ В. П. Васильевымъ и его учениками А. О. Ивановскимъ и Андреевскимъ[3].

Китайскіе и китайско-манджурскіе источники оказали сильное вліяніе и на монгольскія историческія произведенія болѣе новаго времени. Монголы, какъ извѣстно, выступали союзниками манджуръ въ ихъ борьбѣ съ ойратами и потому въ своихъ лѣтописяхъ даютъ событіямъ то же освѣщеніе, что и означенные источники. Впрочемъ монгольскими авторами были использованы документы собственныхъ архивовъ и ими сообщается много подробностей мѣстнаго значенія. Для освѣщенія исторіи ойратовъ къ монгольскимъ источникамъ обращался лишь А. М. Позднѣевъ при изданіи отрывка изъ «Эрдэнійнъ-эрихэ», и въ его трудѣ по этому предмету приведенъ обзоръ важнѣйшей исторической литературы, созданной монголами[4].

Указанные выше китайскіе, манджурскіе и монгольскіе источники даютъ весьма обильный матеріалъ для исторіи ойратовъ: тамъ мы находимъ документы, извлеченные изъ Пекинскихъ архивовъ, эпиграфическіе памятники, записки современниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и солидныя изслѣдованія, основанныя на первоисточникахъ. Однако первоисточники касаются того періода, когда Пекинскому правительству пришлось войти въ непосредственныя сношенія съ ойратами, т. е., главнымъ образомъ, начинаются съ 70-хъ годовъ XVII ст.; данныя же за предшествующее время добыты китайцами разспроснымъ путемъ и отчасти изъ ойратскихъ историческихъ записей. Этими записями въ извѣстной степени мы можемъ воспользоваться и сами для дополненія свѣдѣній китайской исторической литературы и, въ частности, для освѣщенія взаимныхъ отношеній между ойратскими племенами и внутренней ихъ жизни. Мусульманскіе источники могутъ добавить къ этому сравнительно немногое.

Весь этотъ матеріалъ, какъ видно изъ изложеннаго, остается однако до сихъ поръ недостаточно использованнымъ; изданій текстовъ и переводовъ имѣется весьма мало; большинство авторовъ ограничивается пересказомъ привлекаемыхъ ими свѣдѣній, часто не указывая даже источника или ука-

---

1 Васильевъ. Матеріалы, прил., стр. 320 (№ 57); Успенскій. Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай, стр. 61; Изв. И. Р. Геогр. Общ., 1868, отд. II, стр. 196—197.

2 Мэнъ-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольскихъ кочевьяхъ (Зап. И. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр., т. XXIV; СПб., 1895).

3 Потанинъ. Очерки С.-З. Монголіи, III, стр. 260—299.

4 Монгольская лѣтопись «Эрдэнійнъ-эрихэ», стр. X—XXXVII.

зывая крайне неточно (напр., «переводъ съ китайскаго»). Цѣлыя серіи спеціальныхъ изданій еще ждутъ своихъ изслѣдователей[1].

Но даже при тщательной разработкѣ доступнаго изъ указанныхъ источниковъ матеріала, несомнѣнно, останется безъ освѣщенія или очень слабо освѣщенными много сторонъ ойратской исторіи, и прежде всего будетъ темнымъ болѣе ранній, до 70-хъ годовъ XVII ст., періодъ, а между тѣмъ этотъ періодъ, когда произошло разселеніе ойратовъ и созданіе ойратской державы, представляется особенно знаменательнымъ. Для послѣдующаго времени мы найдемъ обильныя, часто исчерпывающія данныя по исторіи отношеній ойратовъ къ монголамъ, манджурамъ, тибетцамъ, а отчасти также и къ мусульманскимъ народамъ, но тамъ почти не окажется свѣдѣній объ отношеніяхъ ойратскихъ племенъ къ ихъ сѣвернымъ и западнымъ сосѣдямъ: урянхайцамъ, киргизамъ, татарамъ. Что же касается Россіи, то хотя съ нею Пекинское правительство и входило въ сношенія по ойратскому вопросу, но они вообще носили случайный характеръ и сдѣлались интенсивными лишь въ періодъ упадка ойратскаго могущества, въ виду чего и свѣдѣнія китайскихъ источниковъ о русско-ойратскихъ отношеніяхъ не имѣютъ большого значенія.

Отмѣченные пробѣлы и недостатки въ значительной степени могутъ быть восполнены источниками русскаго происхожденія. Русскимъ пришлось столкнуться съ ойратами еще въ пору ихъ разрозненности и политической слабости, наблюдать затѣмъ шагъ за шагомъ ихъ постепенное усиленіе и, наконецъ, быть свидѣтелями ихъ быстраго упадка. Благодаря этому въ русскихъ источникахъ мы находимъ свѣдѣнія, освѣщающія болѣе или менѣе равномѣрно жизнь ойратскихъ племенъ за весь 150-лѣтній періодъ (и въ этомъ едва ли не наибольшая ихъ цѣнность) и дающія возможность провѣрки тамъ, гдѣ оказываются данныя изъ другихъ источниковъ. Правда, оставаясь большею частью пассивными наблюдателями происходившихъ на ихъ глазахъ событій, русскіе въ общемъ мало вникали во внутреннюю жизнь ойратовъ и лишены были возможности отдать себѣ полный и ясный отчетъ въ ихъ отношеніяхъ со всѣми сосѣдями, но все же, поскольку дѣло касалось русскихъ земель, а равно народовъ, тяготѣвшихъ къ русской сферѣ вліянія, русскіе источники даютъ богатѣйшій матеріалъ, позволяющій возстановить картину русско-ойратскихъ отношеній большею частью до мельчайшихъ подробностей.

Другою незамѣнимою особенностью русскихъ источниковъ является то,

---

[1] Въ противоположность этому бросается въ глаза увлеченіе какимъ-либо однимъ источникомъ; такъ, отрывки изъ нѣкоторыхъ китайскихъ сочиненій (напр., Си-юй вэньцзянь лу) переводились по 2 и даже по 3 раза; особенно часто игнорировались за границею русскіе переводы.

что почти за весь періодъ мы имѣемъ подлинные документы или, въ значительно меньшей степени, очень старые, почти современные списки: это подлинное дѣлопроизводство по ойратскимъ дѣламъ разныхъ государственныхъ учрежденій.

Указанное оффиціальное дѣлопроизводство сосредоточивалось въ Московскомъ государствѣ какъ въ центрѣ, такъ въ особенности на мѣстахъ. При своемъ движеніи на сѣверъ и западъ изъ Джунгаріи ойратскія племена приходили въ непосредственное соприкосновеніе съ различными административными пунктами Сибири, а затѣмъ и юго-восточной Россіи, и это, при широкомъ развитіи канцелярскаго дѣлопроизводства въ русскихъ правительственныхъ учрежденіяхъ XVII в., порождало обширную переписку соотвѣтствующихъ воеводскихъ управленій между собою и съ Москвою, а также съ ойратскими вождями. Съ другой стороны, отголоски тѣхъ или иныхъ отношеній къ ойратамъ, докатившись до центра въ формѣ донесеній воеводъ или въ видѣ ойратскихъ посольствъ, вызывали оживленную переписку въ московскихъ приказахъ какъ между собою, такъ и съ мѣстными управленіями. Все это оставляло въ провинціальныхъ и центральныхъ архивахъ большое количество документовъ самой разнообразной формы и различнаго содержанія.

Болѣе подробно и въ болѣе яркихъ краскахъ картина отношеній къ ойратамъ запечатлѣвалась въ мѣстныхъ архивахъ. Воеводамъ тѣхъ районовъ, которые соприкасались съ мѣстами кочевокъ ойратскихъ племенъ, были предоставлены особыя полномочія по веденію съ ними сношеній и вообще по принятію мѣръ какъ мирнаго, такъ и военнаго характера. Въ теченіе всего почти разсматриваемаго періода главнымъ провинціальнымъ центромъ, черезъ который проходили ойратскія дѣла, являлся г. Тобольскъ[1]. Тобольскій воевода, а съ 1710 г. губернаторъ Сибири завѣдывалъ въ первую очередь пріемомъ и отпускомъ ойратскихъ посольствъ, онъ же отправлялъ въ ойратскія кочевья отъ имени или по указу московскихъ царей и русскихъ посланцовъ. Непосредственно Москва не принимала и не отправляла посольствъ, и потому многія ойратскія посольства не пропускались далѣе Тобольска даже вопреки ихъ настойчивымъ требованіямъ. Они попадали въ Москву только въ болѣе важныхъ случаяхъ съ особаго, каждый разъ, разрѣшенія центральнаго правительства, но и въ этихъ случаяхъ отвѣтныя посольства снаряжались не изъ Москвы, а изъ Тобольска. Москва только преподавала соотвѣтствующія указанія, предоставляя тобольскому воеводѣ выбрать для исполненія миссіи «кого пригожъ».

Важное значеніе для мѣстной жизни имѣли полномочія тобольскаго

---

[1] Ср. П. Н. Буцинскій. Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ (Харьковъ, 1889), стр. 233.

воеводы по принятію оборонительныхъ и вообще военныхъ мѣръ противъ ойратовъ. Правда, и его предположенія по этому предмету подлежали предварительному одобренію со стороны центральнаго правительства, но на мѣстѣ второстепенные воеводы могли предпринимать какія-либо активныя дѣйствія противъ ойратовъ, только снесясь съ Тобольскомъ; ихъ роль была пассивная: они должны были «жить съ великимъ береженьемъ», собирать вѣсти о движеніи ойратскихъ отрядовъ, чтобы тѣ «подъ государевы города и ясашныя волости безвѣстно не пришли» и «какого-либо дурна не учинили». При постоянныхъ перекочевкахъ ойратовъ и неожиданности ихъ нападеній уѣзды, болѣе выдвинутые къ югу, часто оказывались по данной причинѣ въ очень тяжеломъ положеніи [1].

Такимъ образомъ по ойратскимъ дѣламъ — впрочемъ такъ же, какъ и по другимъ вопросамъ — воеводы менѣе крупныхъ центровъ Сибири дѣйствовали подъ контролемъ Тобольска и хотя и имѣли право непосредственныхъ сношеній съ Москвою, но обыкновенно держали тобольскаго коллегу въ курсѣ этихъ сношеній. Съ своей стороны, Московское правительство хотя вообще и отвѣчало всѣмъ воеводамъ, но иногда предпочитало давать свои указанія черезъ тобольскаго воеводу, особенно когда они могли имѣть значеніе не для одного только пункта. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ со стороны Москвы замѣчалось даже стремленіе ограничить компетенцію младшихъ администраторовъ, не считаясь ни съ традиціями, ни съ затрудненіями для русскаго населенія, ни даже съ протестами ойратовъ. Такъ, въ 1646 г. тюменьскому воеводѣ было неожиданно приказано прекратить всякія сношенія съ ойратами, даже чисто торговыя. При этомъ было подтверждено тобольскому воеводѣ, чтобы онъ ойратскихъ «пословъ принималъ въ Тоболску по прежнему одноличио» и «того вымыслилъ гораздо примѣрясь къ сибирскимъ обычаямъ смотря по тамошнимъ мѣрамъ, чтобъ калмыцкихъ людей отъ Тюменскаго посольства и отъ торговъ унять, а за то бъ съ ними въ болшую ссору не войтить и на государевы Сибирские городы и на слободы напрасные войны не навесть». Войны, правда, не послѣдовало, но съ ойратами, не желавшими дѣлать лишній путь, чтобы гнать продажный скотъ въ Тобольскъ, создался рядъ острыхъ инцидентовъ; съ другой стороны, представители всѣхъ слоевъ мѣстнаго населенія, въ томъ числѣ и служилые люди, выражали въ коллективныхъ челобитныхъ свое недовольство лишеніемъ ихъ удобнаго и для нихъ крайне нужнаго торга съ ойратами, но Москва осталась непреклонною, хотя переписка и продолжалась нѣсколько лѣтъ [2].

Однако обстоятельства заставляли нерѣдко отступать отъ указаннаго

---

[1] Буцинскій. Loc. cit., стр. 233—235.
[2] Эта переписка находится въ Моск. Арх. Мин. Юст., Сиб. прик., столб. 455 (6499).

общаго порядка, и въ разные періоды даже посольскія сношенія проходили не только черезъ Тобольскъ, но и черезъ другіе пункты.

Первыя ойратскія посольства явились въ 1607 г. — одно въ Томскъ[1], а другое въ Тару и послѣднее было затѣмъ пропущено въ Москву[2]. Послѣ этого нѣкоторое время городъ Тара игралъ, по своей близости къ ойратскимъ кочевьямъ, важную роль въ дѣлѣ сношеній съ ними; затѣмъ въ XVIII ст. онъ временно вернулъ себѣ эту роль[3]. Изрѣдка появлялись ойратскіе посланцы и въ г. Тюмени. Когда въ 1629 г. Томскъ получилъ права независимаго отъ Тобольска разряда, онъ естественно также сталъ претендовать на свою долю участія въ сношеніяхъ съ ойратами, и съ 60-хъ годовъ XVII ст. его участіе сдѣлалось очень активнымъ. На ряду съ нимъ изрѣдка выступалъ и Красноярскъ, когда ему стала угрожать непосредственная опасность нападеній со стороны ойратовъ. Въ 20-хъ годахъ, съ продвиженіемъ ойратовъ на западъ, выдвинулось значеніе Уфы и черезъ нее стали вестись очень оживленныя сношенія съ разными ойратскими племенами подъ нѣкоторымъ контролемъ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, со стороны казанскаго воеводы. Между прочимъ, большое тяготѣніе къ Уфѣ проявилъ извѣстный хошутскій князь Аблай-тайша въ 50-60-хъ годахъ того же столѣтія. Довольно рано, именно начиная съ 30-хъ годовъ, на сцену выступила и Астрахань и вскорѣ сосредоточила въ своихъ рукахъ сношенія съ тою группою ойратовъ, которая стала извѣстной подъ названіемъ волжскихъ калмыковъ и состояла главнымъ образомъ изъ торгутовъ.

Въ наказныхъ статьяхъ, которыя были даны для руководства воеводамъ разныхъ сибирскихъ городовъ (Тобольска, Тюмени, Тары, Нерчинска)[4] въ началѣ царствованія Петра I, особенно по изданіи спеціальнаго о томъ указа 24 апрѣля 1695 г.[5], было удѣлено вниманіе и отношеніямъ къ ойратамъ. Полномочія воеводъ по военнымъ мѣропріятіямъ опредѣлялись почти въ тождественныхъ выраженіяхъ: всѣмъ имъ предписывалось съ калмыцкими людьми «задору не вчинать», но буде они сами придут войною, съ многимъ опасеніемъ, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, «чинить промыселъ сколько милосердый Богъ помощи подастъ»; объ этомъ воеводы, подчиненные Тобольску (тобольскаго разряда), должны были сообщать тобольскому воеводѣ, а остальные въ Москву. Что же касается посольскихъ сношеній, то объ нихъ имѣются статьи только въ наказахъ тобольскому

[1] Г. Ф. Миллеръ. Описаніе Сибирскаго царства, I, стр. 412.
[2] Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., мунг. дѣло, 1608; Моск. Арх. Мин. Юст., Сиб. прик., кн. 11, лл. 101—121.
[3] Памятники Сибирской исторіи XVIII в. (изд. Археогр. Ком., СПб., 1882), I, стр. 518.
[4] Полное собраніе законовъ Росс. Имп., т. III, № 1594 — наказныя статьи тобольскому воеводѣ (1 сент. 1697 г.), № 1670 — тюменьскому (16 янв. 1699 г.), прил. III къ № 1670 — тарскому (29 іюля 1693 г.); т. IV, № 1822 — нерчинскому (5 янв. 1701 г.).
[5] Ibid., т. III, № 1511.

и нерчинскому воеводамъ: имъ было указано ойратскихъ пословъ принимать и чинить отвѣтъ, не отпуская къ Москвѣ; листы на имя государя также принимать, переводить на мѣстѣ и затѣмъ пересылать вмѣстѣ съ переводами въ Москву.

Въ 40-хъ годахъ XVIII ст. произошло нѣкоторое измѣненіе въ порядкѣ завѣдыванія ойратскими дѣлами. Въ 1744 г. былъ созданъ постъ командующаго войсками въ Сибири, расположенными по границѣ Ойратскаго владѣнія, при чемъ, кромѣ чисто военныхъ функцій, на него было возложено также завѣдываніе пограничнымъ райономъ и возникающими тамъ дѣлами по сношеніямъ съ ойратами съ предоставленіемъ права непосредственныхъ сношеній съ центромъ. Однако общая политика по отношенію къ ойратамъ осталась по прежнему въ рукахъ сибирскаго губернатора, и съ этого времени центръ сталъ освѣдомляться о ходѣ ойратскихъ дѣлъ изъ 2 источниковъ. Въ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д. имѣются за критическій для ойратовъ періодъ (1745—1758 гг.) двѣ идущихъ изъ года въ годъ не прерываясь серіи донесеній изъ Сибири: одна отъ сибирскаго губернатора и сибирской губернской канцеляріи, другая — отъ командующаго войсками. Первымъ командующимъ былъ ген.-м. Киндерманъ до своей смерти въ 1752 г., преемниками его были съ 1752 г.—бригадиръ Крафтъ, съ 1756 г.—ген.-м. Риддеръ и съ 1757 г.—бригадиръ Фрауендорфъ. Мѣстопребываніемъ командующихъ войсками служилъ большею частью Тобольскъ. Архивъ ихъ военно-походной канцеляріи за указанный періодъ былъ перенесенъ въ Омскъ, гдѣ онъ и былъ разысканъ въ 1857 г. Г. Н. Потанинымъ[1].

Съ образованіемъ въ 1744 г. Оренбургской губ. нѣкоторыя ойратскія дѣла стали проходить и черезъ Оренбургъ, какъ центръ управленія киргизскими степями, въ виду постоянныхъ столкновеній между киргизами и ойратами.

Вся картина сношеній съ ойратами, отражаясь калейдоскопически, въ живыхъ образахъ дѣйствующихъ лицъ, въ архивахъ перечисленныхъ выше городовъ Сибири и прилегающихъ къ ней районовъ и оставляя случайные слѣды даже въ столь отдаленныхъ захолустныхъ пунктахъ, какъ Верхотурье и Соликамскъ[2], доходила до центра въ однообразной формѣ воеводскихъ отписокъ, и только въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ пріѣзда ойратскихъ посольствъ картина оживлялась и въ центрѣ. Канцелярская машина московскихъ приказовъ, а впослѣдствіи и С.-Петербургскихъ канцелярій на-

---

[1] Статья Г. Н. Потанина въ «Собраніи сочиненій Ч. Ч. Валиханова», стр. XXI—XXII. Бумаги названной канцеляріи вошли въ составъ архива правленія б. области Сибирскихъ киргизовъ въ Омскѣ, въ которомъ и помимо ихъ, вѣроятно, имѣются документы по ойратскимъ дѣламъ.

[2] Въ Дополненіяхъ къ Актамъ историческимъ (т. IX, № 80, стр. 158) помѣщена, напр., проѣзжая грамота, данная отпущеннымъ изъ Москвы въ Тобольскъ посламъ Бошохты-хана, по списку, сохранившемуся въ архивѣ Соликамскаго уѣзднаго суда.

чипала тогда усиленно работать, и отъ этой работы, какъ указано выше, остался яркій слѣдъ въ центральныхъ архивахъ.

Между провинціальными и центральными архивами, конечно, существовала тѣсная, почти неразрывная связь. Многіе документы имѣлись въ нихъ въ двухъ и въ большемъ количествѣ экземпляровъ, что гарантировало ихъ сохранность для будущихъ поколѣній. Но въ отношеніи сохранности судьба отдѣльныхъ архивовъ оказалась неодинаковою. Общеизвѣстно печальное состояніе архивнаго дѣла въ Россіи; особенно же печально оно было въ Сибири. Уже въ первой половинѣ XVIII ст. Г. Ф. Миллеръ констатировалъ на мѣстѣ, какъ это имъ отмѣчается въ «Описаніи Сибирскаго царства», гибель болѣе старыхъ архивовъ разныхъ сибирскихъ городовъ, главнымъ образомъ, отъ происходившихъ въ нихъ частыхъ пожаровъ. Послѣдующее время было для сибирскихъ архивовъ столь же неблагопріятно, и они продолжали горѣть до нашихъ дней. Вотъ перечень важнѣйшихъ пожаровъ, сопровождавшихся гибелью архивовъ: въ Тобольскѣ — 1643 и 1788 гг., въ Томскѣ — 1770 г., въ Красноярскѣ — 1773 и 1881 гг., въ Иркутскѣ — 1879 г.[1] — всюду, несомнѣнно, гибли и документы по сношеніямъ съ ойратами, и только какая-либо счастливая случайность спасала для науки часть архивнаго матеріала.

Особенно важною въ этомъ отношеніи оказалась дѣятельность академическихъ экспедицій въ Сибирь и прежде всего «второй Камчатской» 1733—1743 гг. Участникъ ея Г. Ф. Миллеръ обратилъ особое вниманіе на сибирскіе архивы и вывезъ оттуда извѣстное количество подлинныхъ дѣлъ; такъ, въ Моск. Гл. Архивѣ М. Ин. Д. въ портфелѣ Миллера № 478 хранится 45 подлинныхъ дѣлъ за время 1622—1630 гг., взятыхъ изъ разныхъ сибирскихъ городовъ, преимущественно изъ Пелымской канцеляріи. Несравненно однако больше документовъ было лишь скопировано по указаніямъ Миллера «черезъ данныхъ отъ Академіи студентовъ и копистовъ»[2], и нѣкоторая часть изготовленныхъ такимъ образомъ списковъ хранится въ томъ же архивѣ, большинство же поступило въ распоряженіе Академіи Наукъ[3]. Среди этихъ списковъ имѣется и значительное число относящихся къ сношеніямъ съ ойратами.

---

[1] П. Н. Буцинскій. Заселеніе Сибири, стр. III; Инн. Кузнецовъ, Историческіе Акты XVII ст. (1633—1699). Матеріалы для исторіи Сибири (Томскъ, 1890), стр. I—II; А. Позднѣевъ. З. В. О., III, стр. 135.

[2] Г. Ф. Миллеръ, Описаніе Сибирскаго царства, Предисловіе.

[3] Нельзя не отмѣтить случайнаго характера въ распредѣленіи достоянія экспедиціи, скрывающагося въ такъ называемыхъ портфеляхъ Миллера, между нашими древлехранилищами. Въ то время какъ списки съ документовъ чисто историческаго значенія, напр., по сношеніямъ съ монгольскими (включая и ойратскія) племенами попали въ Академію Наукъ, разныя лингвистическія записи (напр., словари сибирскихъ и иныхъ инородцевъ), географическіе, статистическіе и литературные матеріалы хранятся въ Моск. Гл. Архивѣ М. Ин. Д. См. М. П. Пуцилло, Указатель, стр. 98—104, и кн. Н. В. Голицынъ, Портфели Г. Ф. Миллера (Сборникъ Моск. Гл. Архива М. Ин. Д., вып. VI).

Къ сожалѣнію, Миллеровскіе списки изготовлены были крайне небрежно. На это было неоднократно обращаемо вниманіе редакторами «Дополненій къ Актамъ Историческимъ», пользовавшимися означенными списками для своего изданія. По ихъ отзыву, переписчики, употребленные Миллеромъ, отличались крайней безграмотностью и неопытностью въ чтеніи старинныхъ письменъ. «Поэтому весьма часто встрѣчаются въ одномъ и томъ же актѣ разнорѣчія въ словахъ и особенно въ именахъ и прозваніяхъ... Подобными разнорѣчіями особенно отличаются любопытнѣйшіе акты о сношеніяхъ и военныхъ дѣйствіяхъ съ Китайцами, Монголами, Калмыками, Киргизами и другими сосѣдними съ Сибирью народами. Въ этихъ актахъ имена лицъ и географическихъ названій, очевидно, переиначены писцами по своему»[1]. Помѣщая въ «Дополненіяхъ къ Актамъ Истор.» документы изъ портфелей Миллера, редакторы должны были особыми оговорками снимать съ себя отвѣтственность за погрѣшности въ этихъ документахъ и исправлять очевидныя для нихъ ошибки[2], которыя «въ нѣкоторыхъ фоліантахъ встрѣчаются чуть не въ каждой строкѣ»[3].

Еще болѣе существенные дефекты отмѣтилъ въ Миллеровскихъ спискахъ Н. Н. Оглоблинъ. Путемъ сличенія нѣкоторыхъ изъ опубликованныхъ списковъ съ экземплярами, оказавшимися въ столбцахъ Якутскаго областного правленія въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи, Н. Н. Оглоблинъ доказываетъ, что въ означенныхъ спискахъ имѣются произвольныя сокращенія, перестановки, вставки, а иногда и измѣненія словъ и фразъ[4]. Это обстоятельство побудило Н. Н. Оглоблина въ его обширномъ трудѣ: «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа» воздержаться отъ всякихъ ссылокъ на опубликованные Археографическою Комиссіею Миллеровскіе документы[5].

Признавая всю справедливость дѣлаемыхъ по адресу Миллера упрековъ, едва ли однако возможно вину возлагать на него одного и усматривать произвольное съ его стороны искаженіе документовъ; въ первую очередь здѣсь необходимо учитывать и неопытность (а, вѣроятно, также и халатность) переписчиковъ и неисправное состояніе самыхъ документовъ. Недостатокъ же наблюденія за переписчиками Миллеръ вознаградилъ сторицею тѣмъ, что его инициативою оказались спасенными многочисленные документы, которыхъ подлинники погибли въ мѣстныхъ архивахъ,

---

[1] Дополн. къ Акт. Истор., т. X, стр. VII; ср. также т. VIII, стр. VII.
[2] Доп. Акт. Ист., т. VII, стр. IX.
[3] Лѣтопись занятій Археогр. Ком., 1865—1866, вып. IV, отд. III, стр. 18.
[4] Н. Н. Оглоблинъ. Къ русской исторіографіи. Герардъ Миллеръ и его отношенія къ первоисточникамъ (Библіографъ. Вѣстникъ литерат., науки и искусства, издав. подъ ред. Н. М. Лисовскаго, 1889, № 1, стр. 1—11); Къ вопросу объ исторіографѣ Миллерѣ (ibid., 1889, № 8—9, стр. 161—166).
[5] Н. Н. Оглоблинъ. Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сиб. приказа, I, стр. 10.

а дубликатовъ не имѣется въ центральныхъ. Ибо вполнѣ очевидно, что изъ воеводскихъ управленій въ центръ попадала только небольшая часть переписки[1]. Кромѣ того, и въ отношеніи тѣхъ документовъ, которые сохранились въ архивахъ, необходимо учитывать то обстоятельство, что въ періодъ пребыванія Миллера въ Сибири подлинные документы находились въ болѣе исправномъ состояніи, чѣмъ нынѣ, и характерно, что даже въ тѣхъ документахъ, на основаніи которыхъ Н. Н. Оглоблинъ формулировалъ свои тяжкія обвиненія, списки Миллера оказались менѣе поврежденными и потому болѣе полными, чѣмъ сохранившіеся въ архивахъ подлинники[2].

Такимъ образомъ заслуги Миллера въ этомъ дѣлѣ не подлежатъ оспариванію, и осторожность должна лишь побуждать всякаго изслѣдователя, которому приходится пользоваться его матеріалами, предварительно принимать мѣры къ выясненію того, не имѣется ли въ архивахъ соотвѣтствующихъ документовъ. Въ этомъ отношеніи всякое указаніе, при трудности наведенія справокъ непосредственно въ архивахъ, представляется очень цѣннымъ, и нельзя не посѣтовать на Н. Н. Оглоблина за то, что онъ сознательно избѣгалъ дѣлать указанія на наличность въ архивахъ документовъ, которые напечатаны по спискамъ Миллера.

Какъ бы однако ни было, фактъ не вполнѣ удовлетворительнаго состоянія списковъ, находящихся въ Миллеровскихъ портфеляхъ, сомнѣній не вызываетъ, и это обстоятельство заставляетъ, между прочимъ, дорожить всякими случайно уцѣлѣвшими остатками сибирскихъ архивовъ. На отысканіе ихъ надежды, повидимому, не могутъ считаться совершенно утраченными; такіе остатки уже успѣли обнаружиться въ разныхъ мѣстахъ. Болѣе всего въ этомъ отношеніи посчастливилось, повидимому, Томскому архиву. Инн. Кузнецовымъ пріобрѣтенъ изъ частныхъ рукъ и изданъ рядъ документовъ этого архива; изъ того же источника библіотекаремъ Томскаго Университета пріобрѣтено «до 1000 свитковъ XVII ст. и нѣсколько сотъ дѣлъ XVIII в.»[3]. Пишущему эти строки также удалось случайно получить нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ частныхъ же рукъ около 10 подлинныхъ листовъ ойратскихъ владѣльцевъ къ томскимъ воеводамъ за послѣднее десятилѣтіе XVII в. съ тогдашними переводами.

Въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» за 1868 г. напечатанъ переводъ 2 китайскихъ листовъ отъ 18 февраля и 28 марта 1758 г. касательно Амурсаны, согласно

[1] Въ московскихъ архивахъ не имѣется документовъ по сношеніямъ съ ойратами съ самаго начала XVIII в. до 1716 г., между тѣмъ въ портфеляхъ Миллера, какъ показываютъ «Памятники Сибирской исторіи XVIII в.», содержится нѣкоторое количество актовъ и за упомянутый періодъ.

[2] Библіографъ, 1889, № 8—9, стр. 164.

[3] Инн. Кузнецовъ. Историческіе Акты XVII ст., стр. III. Изъ опубликованныхъ въ этомъ сборникѣ документовъ №№ 11 и 20 касаются сношеній томскихъ воеводъ съ ойратами.

копіямъ, найденнымъ въ дѣлахъ стараго Тобольскаго губернскаго архива [1],— это показываетъ, что поиски даже въ архивахъ, считающихся погибшими, могутъ дать интересныя находки.

Извѣстная часть документовъ сибирскихъ архивовъ тѣмъ или инымъ путемъ перешла въ древлехранилища государственныхъ учрежденій и ученыхъ обществъ, а равно въ частныя коллекціи, и оттуда уже иногда извлекаются для изданія. Такъ, въ извѣстномъ «Сборникѣ князя Хилкова» помѣщено, на основаніи древнихъ актовъ Россійской Публичной Библіотеки, между прочимъ, донесеніе боярскаго сына Григорія Пущина о поѣздкѣ въ 1680 г. къ Галдану [2].

Наконецъ, нѣкоторые документы сохранили намъ сибирскіе лѣтописцы; для примѣра можно указать на лѣтопись Ильи Черепанова, изъ которой Гр. Спасскій извлекъ и помѣстилъ въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» наказъ тобольскаго воеводы сыну боярскому Матвѣю Юдину, ѣздившему къ тому же ойратскому владѣльцу Галдану (Бушухту хану) въ 1691 г., и отчетъ объ этой поѣздкѣ [3].

Архивы центральныхъ установленій находились въ гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ, но и они не мало пострадали. Особенный ущербъ имъ причинили частые пожары Москвы, принимавшіе не разъ грандіозные размѣры. Здѣсь можно упомянуть пожары 1626 г., отъ котораго пострадали архивы Посольскаго приказа и Казанскаго дворца, пожаръ 1701 г., уничтожившій архивъ послѣдняго приказа, 1737 г., истребившій всѣ дворцовые архивы. Страдали центральные архивы и отъ другихъ причинъ: отъ невзгодъ Смутнаго времени и Отечественной войны, отъ наводненій, сырости, небрежнаго обращенія съ документами и т. п. Реестры даже уцѣлѣвшихъ документовъ пестрятъ указаніями на порчу ихъ, въ родѣ: «весь столбецъ сгнилъ», «нѣтъ начальныхъ листовъ», «нѣтъ конца» и т. п.

Несмотря на всѣ эти невзгоды, основная масса документовъ по сношеніямъ съ ойратами, монголами и Пекинскимъ правительствомъ сохранилась въ центральныхъ архивахъ въ подлинникахъ, начиная съ 1616 г., а въ старинныхъ спискахъ кое-что сохранилось даже съ 1595 г.

За время до начала XIX ст. уцѣлѣвшіе документы Московскихъ приказовъ, а также и С.-Петербургскихъ учрежденій сосредоточены, по общему правилу, въ Московскихъ архивахъ, но имѣются и исключенія. Такъ, дѣла по сношенію съ ойратами, проходившія черезъ Сенатъ, хранились до самаго послѣдняго времени въ Сенатскомъ Архивѣ въ Петроградѣ.

---

1 Чтенія, 1868 г., кн. 4, отд. V, стр. 6—14.
2 Сборникъ князя Хилкова (СПб., 1879), № 99, стр. 303—308.
3 Сиб. Вѣстн., ч. 15 (1821, III), стр. 106—119; ч. 16 (1821, IV), стр. 262—269.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1919.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Русскіе архивные документы по сношеніямъ съ ойратами въ XVII и XVIII вв.

В. Л. Котвича.

(Представлено академикомъ С. Ѳ. Ольденбургомъ въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 2 апрѣля 1919 года).

II.

Важное значеніе русскихъ архивныхъ документовъ по сношеніямъ съ ойратами было давно уже оцѣнено какъ изслѣдователями русской исторіи вообще, во главѣ съ Н. М. Карамзинымъ и С. М. Соловьевымъ, такъ и, въ частности, лицами, интересовавшимися спеціально исторіею Сибири и нашими сношеніями съ азіатскими сосѣдями. И вотъ, благодаря трудамъ отдѣльныхъ лицъ и изданіямъ ученыхъ учрежденій и обществъ, немало этихъ документовъ было извлечено изъ древлехранилищъ и опубликовано.

Піонеромъ въ этомъ дѣлѣ явился упомянутый выше Г. Ф. Миллеръ Онъ еще во время пребыванія въ Сибири имѣлъ возможность подробно ознакомиться съ ея архивными сокровищами и широко использовалъ ихъ при составленіи своего капитальнаго труда: «Описаніе Сибирскаго царства и всѣхъ произшедшихъ въ немъ дѣлъ отъ начала, а особливо отъ покоренія его Россійской державѣ по сіи времена» (Книга I, СПб., 1750; 2 изд. 1787 г.). Въ этой книгѣ авторъ помѣстилъ 5 главъ «Исторіи Сибирской», доведя ее до 1618 г., при чемъ въ примѣчаніяхъ напечаталъ много актовъ, скопированныхъ въ сибирскихъ архивахъ; нѣкоторые изъ этихъ актовъ касаются нашихъ первыхъ сношеній съ ойратами.

Однако отрицательное отношеніе, которое названный трудъ встрѣтилъ къ себѣ въ академическихъ сферахъ, распространилось и на усвоенный Миллеромъ пріемъ изданія документовъ, и онъ былъ запечатлѣнъ рѣшительнымъ и формальнымъ осужденіемъ. Именно, въ опредѣленіи Канцеляріи Академіи Наукъ отъ 19 мая 1750 г. было, между прочимъ, изложено слѣдующее: «А понеже усмотрѣно, что въ первомъ томѣ Исторіи Сибирской, который уже напечатанъ, большая часть книги не что иное есть, какъ только копіи съ дѣлъ канцелярскихъ, а никакой книги надлежащей величины не имѣетъ, то чрезъ сіе накрѣпко запрещается, чтобъ никакихъ копій въ слѣдующіе томы не вносить, а когда нужно упомянуть какую грамоту или выписку, то

на сторонѣ цитировать, что оная дѣйствительно въ академической архивѣ имѣется»[1]. Миллеру естественно пришлось подчиниться этому рѣшенію и болѣе подлинныхъ документовъ имъ уже не издавалось.

Академіею Наукъ въ 1751—52 г. было одобрено къ изданію еще 17 главъ (съ 5 по 22) «Исторіи Сибирской», но они не были изданы, при чемъ историку нашей Академіи Наукъ П. Пекарскому[2] не удалось отыскать документальныхъ объясненій этого обстоятельства[3]. Тѣ части «Исторіи Сибирской», которыя увидѣли свѣтъ въ особыхъ изданіяхъ: «Sammlung Russischer Geschichte» (на нѣмецкомъ яз. — въ VI т. первыя 5 главъ, вошедшія въ составъ I книги «Описанія Сибирскаго царства» и въ VIII т. 6—10 главы), а также въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ и извѣстіяхъ о ученыхъ дѣлахъ» (на русскомъ яз. — въ I части 1764 г. 6—8 главы)[4] лишены не только «взятыхъ изъ сибирскихъ архивъ письменныхъ доказательствъ», но даже ссылокъ на нихъ, чтобы, какъ объяснилъ редакторъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій», «оными не занимать мѣсто»[5].

Авторъ слѣдующаго академическаго труда по исторіи Сибири (въ сокращенномъ изложеніи) I. Е. Фишеръ основывался, главнымъ образомъ, на работѣ Миллера[6] и также ссылокъ на архивные матеріалы не дѣлалъ, ограничиваясь иногда общею оговоркою о томъ или иномъ архивѣ.

Миллеръ довелъ въ «Исторіи Сибирской» обзоръ сношеній съ ойратами до 1660 г., а Фишеръ добавилъ кое-что до 1668 г. Что же касается позднѣйшихъ матеріаловъ, то изъ нихъ только нѣкоторыми воспользовался Миллеръ въ «Sammlung» и «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ»; таково, напр., «Извѣстіе о песошномъ золотѣ въ Бухаріи», относящееся уже къ первой четверти XVIII ст.[7]

---

[1] Матеріалы для исторіи И. Академіи Наукъ, X, № 638, стр. 487—488.

[2] П. Пекарскій. Исторія И. Ак. Наукъ, I, стр. 407.

[3] Въ силу созданныхъ нынѣшними обстоятельствами трудныхъ условій работы, не представилось возможнымъ ни разыскать означенныя главы, ни выяснить ихъ судьбу. Впрочемъ извѣстное представленіе о характерѣ дальнѣйшей работы Миллера удалось составить по оказавшейся въ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., среди зюнгарскихъ или контайшинскихъ дѣлъ (подъ 1752 г., № 8), рукописи двухъ главъ «Исторіи Сибирской» — XV и XVI, посвященныхъ сношеніямъ съ ойратами и бѣлыми калмыками за первую половину XVII ст. Рукопись эта не содержитъ никакихъ указаній на авторство или вообще происхожденіе и XV гл. носитъ такой заголовокъ: «Выписка о бывшихъ въ Сибири съ калмыками приключеніяхъ, кои до знатнѣйшаго княжескаго поколѣнія въ семъ народѣ Дзонгарскимъ называемаго и до нѣкоторыхъ съ симъ родомъ въ свойствѣ состоящихъ другихъ князей, а особливо орды Хошотской касаются». Эта «выписка» почти полностью напечатана въ VIII т. «Sammlung Russ. Gesch.», но не какъ XV гл., а какъ начало (§§ 1—51) X хлавы Сибирской Исторіи. Въ рукописи, согласно академическому опредѣленію, содержится въ выноскахъ не текстъ документовъ, а лишь ссылки на документы различныхъ «Сибирскихъ архивъ» (въ Sammlung опущены и эти ссылки).

[4] Въ рукописномъ отдѣленіи Библіотеки Академіи Наукъ (шифра 17. 10. 6) находятся на храненіи 9 и 10 главы Исторіи Сибирской въ русскомъ переводѣ, исполненномъ С. Волчковымъ, но ознакомиться съ ними также не удалось.

[5] Ежемѣсяч. сочин., 1763, ч. II, сентябрь, стр. 266—267.

[6] Миллеръ представилъ въ Академію въ 1753 г. 23 главы «Исторіи Сибирской» для сочиненія изъ нея Фишеромъ сокращенія. Пекарскій, loc. cit., стр. 368.

[7] Samml. Russ. Gesch., IV, SS. 183—274; Ежемѣсяч. сочин., 1760, I, стр. 1—54, 99—136.

Къ концу XVIII ст. относится попытка Н. Н. Бантышъ-Каменскаго освѣтить нѣкоторые фазисы русско-ойратскихъ отношеній въ упомянутомъ столѣтіи съ точки зрѣнія нашихъ отношеній къ Пекинскому правительству, пользуясь для этой цѣли уже не Миллеровскими списками, а подлинными документами Моск. Гл. Архива М. Ин. Д. Однако его трудъ появился въ печати только въ 1882 г. и содержитъ лишь выписки изъ соотвѣтствующихъ документовъ архива [1].

Опубликованіе полнаго текста документовъ возобновили уже въ XIX ст. редакторы оффиціальныхъ изданій: «Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, хранящихся въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ» и «Перваго Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи». Помѣщенные здѣсь акты напечатаны по документамъ центральныхъ архивовъ, чѣмъ и было положено начало ихъ использованію. Однако въ указанныхъ Собраніяхъ мы находимъ лишь небольшое количество самыхъ важныхъ документовъ, преимущественно грамотъ и наказовъ московскихъ царей и шертныхъ записей ойратскихъ князей, при чемъ и въ этихъ ограниченныхъ предѣлахъ данная попытка не имѣла исчерпывающаго характера. Редакторамъ обоихъ «Собраній», повидимому, приходилось испытывать въ дѣлѣ выбора актовъ для изданія значительныя затрудненія, между прочимъ, вслѣдствіе незнакомства съ Востокомъ и отсутствія въ архивахъ подлинныхъ актовъ. Это послѣднее обстоятельство озабочивало Русское правительство уже съ начала XVIII ст., и въ Моск. Гл. Архивѣ М. Ин. Д. хранится, въ числѣ монгольскихъ дѣлъ, особое дѣло 1727 г., № 2 (23 февр.), «по указу Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ о пріискѣ трактатовъ о подданствѣ къ России въ древпія лѣта мунгальскихъ владѣльцевъ», изъ котораго видно, что уже въ то время нельзя было розыскать подлинниковъ многихъ изъ упомянутыхъ трактатовъ.

Съ учрежденіемъ въ 1834 г. Археографической Коммиссіи дѣло изданія документовъ по сношеніямъ съ ойратами значительно подвинулось впередъ. Почти съ самаго начала ею стало удѣляться много вниманія Сибири, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сношеніямъ съ пограничными народами, въ томъ числѣ съ ойратами.

Въ распоряженіи Коммиссіи имѣлись для изданія акты изъ различныхъ источниковъ, какъ оффиціальныхъ, такъ и частныхъ, но наиболѣе цѣнными въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ она признавала портфели Миллера, принадлежащіе Академіи Наукъ, которая передала ихъ для изда-

[1] Дипломатическое собраніе дѣлъ между Россійскимъ и Китайскимъ государствами съ 1619 по 1792 годъ. Составленное по документамъ, хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, въ 1792 — 1803 году Николаемъ Бантышъ-Каменскимъ. Издано въ память истекшаго 300-лѣтія Сибири В. М. Флоринскимъ съ прибавленіями издателя. Казань, 1882.

нія въ количествѣ болѣе 30 томовъ[1]. Затѣмъ, кромѣ архива Якутскаго областного правленія, Коммиссіи были доставлены нѣкоторые акты изъ архива Иркутскаго губернскаго правленія, изъ архивовъ провинціальныхъ городовъ: Верхотурья, Соликамска и др. Наконецъ, въ извѣстной мѣрѣ она воспользовалась коллекціями Публичной Библіотеки и центральныхъ вѣдомственныхъ архивовъ.

Обиліе поступавшихъ документовъ о Сибири заставило Коммиссію обсудить планъ ихъ изданія, но какъ можно видѣть изъ донесенія редактора X тома «Дополненій къ Актамъ Историческимъ» А. И. Тимофеева, для этихъ актовъ не было признано возможнымъ отступить отъ идеи, положенной въ основу главныхъ серій изданій Коммиссіи,—«предложить занимающемуся русскою исторіею сколь можно болѣе данныхъ для изученія быта Россіи минувшихъ столѣтій въ разнообразныхъ его видахъ»[2]. На практикѣ это свелось къ примѣненію выборочной системы изданія документовъ, при которой сибирскіе документы помѣщались въ перемежку съ другими актами, при чемъ имъ отводилось сравнительно немного мѣста въ отдѣльныхъ выпускахъ изданій. Такъ именно обстоитъ дѣло въ «Актахъ Историческихъ», «Дополненіяхъ къ Актамъ Историческимъ» и «Русской Исторической Библіотекѣ».

Сознавая однако важность указанныхъ документовъ, Археографическая Коммиссія еще въ 1866 г. постановила «приступить къ изданію Сибирскихъ актовъ, лишь только представится къ тому возможность», въ видѣ отдѣльнаго сборника, какъ относящихся къ извѣстной мѣстности[3]. Это постановленіе относилось главнымъ образомъ къ портфелямъ Миллера, но и въ этой части оно остается донынѣ не выполненнымъ, несмотря на то, что въ болѣе новое время Коммиссія силою вещей усвоила другой методъ изданія документовъ: систематическій съ территоріальною группировкою.

Коммиссіи удалось изъ портфелей Миллера издать, въ видѣ отдѣльнаго сборника на частныя средства, только небольшую часть документовъ, охватывающихъ періодъ съ 1700 по 1724 г., именно «Памятники Сибирской исторіи XVIII вѣка» (2 книги, СПб., 1882 и 1885). Затѣмъ Сибири была посвящена почти половина сборнаго VIII т. (1884 г.) «Русской Исторической Библіотеки», въ которомъ помѣщены документы періода 1625—1630 гг., взятые уже изъ столбцовъ Сибирскаго приказа, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.

Наконецъ, нѣсколько особо стоятъ 3 слѣдующихъ изданія Коммиссіи, посвященныхъ Сибири:

---

[1] Доп. Акт. Ист., т. VII, стр. IX; т. VIII, стр. VII.
[2] Лѣтопись занятій Археограф. Коммиссіи, 1865—1866, вып. IV, отд. III, стр. 18.
[3] Ibid., стр. 19.

1) Краткая Сибирская лѣтопись (Кунгурская, СПб., 1880); это Ремезовская лѣтопись;

2) Чертежная книга Сибири, составленная Тобольскимъ сыномъ боярскимъ Семеномъ Ремезовымъ въ 1701 г. (СПб., 1882);

3) Сибирскія лѣтописи (СПб., 1907), гдѣ изданы по разнымъ спискамъ 3 лѣтописи: Строгановская, Есиповская и Ремезовская, а также «Описаніе Сибири» XVII в.[1]

Въ 3 послѣднихъ изданіяхъ объ ойратахъ имѣется мало данныхъ и носятъ они характеръ случайныхъ упоминаній. Наоборотъ, въ остальныхъ изъ перечисленныхъ изданій Комиссіи опубликованъ цѣлый рядъ документовъ, трактующихъ всецѣло объ ойратахъ, но и эти документы теряются среди матеріаловъ о Сибири и, рисуя лишь отдѣльные эпизоды изъ русско-ойратскихъ отношеній, не даютъ общей ихъ картины даже за отдѣльные періоды.

Большинство ойратскихъ документовъ извлечено изъ портфелей Миллера и потому подвержено всѣмъ тѣмъ сомнѣніямъ и упрекамъ, о которыхъ сказано выше. Редакторами изданій Коммиссіи не было сдѣлано попытокъ провѣрить Миллеровскіе списки по документамъ центральныхъ архивовъ, поскольку въ нихъ сохранились подлинники или черные отпуска. Кромѣ того, возникаетъ вопросъ, слѣдовало ли вообще отдавать предпочтеніе портфелямъ Миллера передъ столбцами архивовъ и, прежде всего, Сибирскаго приказа. Послѣдній вообще какъ-то игнорировался при изданіи матеріаловъ о Сибири, и къ нему Археографическая Коммиссія обратилась, какъ указано выше, лишь въ 1884 г. при изданіи VIII (сборнаго) тома «Русской Ист. Библ.», напечатавъ серію документовъ изъ 4 столбцовъ названнаго Приказа за №№ 6047, 6049, 6054 и 6058, изъ которыхъ многіе касаются сношеній съ ойратами[2].

Нѣкоторые документы объ ойратахъ (хотя преимущественно о приволжскихъ и донскихъ калмыкахъ) изданы въ сборникахъ древнихъ актовъ; таковы, напр., Дѣла Тайнаго приказа (изд. Археогр. Ком.), Акты Моск.

---

[1] Раньше оно было издано А. Титовымъ (Г. Юдинымъ): «Сибирь въ XVII вѣкѣ. Сборникъ старинныхъ русскихъ статей о Сибири и прилежащихъ къ ней земляхъ» (Москва, 1890), стр. 55—101, и часто цитируется Ю. В. Арсеньевымъ подъ названіемъ «русское описаніе Сибири 1683 г.» въ примѣчаніяхъ къ путешествію Спаѳарія: «Путешествіе чрезъ Сибирь отъ Тобольска до Нерчинска и границъ Китая русскаго посланника Николая Спаѳарія въ 1675 г. Дорожный дневникъ Спаѳарія съ введеніемъ и примѣчаніями Ю. В. Арсеньева» (Зап. И. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр., X, вып. 1. СПб., 1882).

[2] Редакція Русск. Ист. Библ. ограничилась для обозначенія использованныхъ столбцовъ лишь такъ называемыми общими нумерами, подъ которыми эти столбцы значатся въ соотвѣтствующемъ отдѣленіи Моск. Арх. М. Ю.; однако, кромѣ этихъ нумеровъ, столбцы Сибирскаго приказа носятъ еще спеціальные или частные нумера, которыми для перечисленныхъ столбцовъ являются 3, 5, 10 и 14. Въ настоящей статьѣ столбцы Сибирскаго приказа обозначаются частными и общими нумерами (послѣдніе приводятся въ скобкахъ). Редакціею Р. И. Б. не указаны также листы, на которыхъ помѣщаются въ столбцахъ извлеченные документы, хотя столбцы эти имѣютъ пагинацію.

государства (изд. Акад. Наукъ), Письма и бумаги имп. Петра Великаго (изд. Публичной Библ.), Книги Разрядныя (изд. 2 Отдѣленія) и др.

Въ трудахъ и изданіяхъ частныхъ лицъ и обществъ замѣчается также извѣстное игнорированіе центральныхъ архивовъ. Въ этомъ отношеніи мало подражателей вызвалъ примѣръ корифеевъ русской исторіи Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева, использовавшихъ, какъ отмѣчено выше, немало архивныхъ документовъ по сношеніямъ Россіи съ монгольскими племенами. Даже въ трудахъ, спеціально посвященныхъ исторіи ойратовъ, обычно имѣются ссылки лишь на немногочисленные опубликованные документы; таковы труды о. Іакинѳа, К. Голстунскаго, А. Позднѣева, Ѳ. Леонтовича и др. Новый архивный матеріалъ появлялся, особенно въ болѣе раннюю эпоху, большею частью благодаря работамъ спеціалистовъ въ смежныхъ областяхъ. Здѣсь болѣе посчастливилось провинціальнымъ архивамъ.

Сравнительно рано были освѣщены на основаніи русскихъ архивныхъ матеріаловъ отношенія ойратовъ къ казакъ-киргизамъ. Кромѣ извѣстныхъ трудовъ П. И. и Н. П. Рычковыхъ XVIII ст., слѣдуетъ упомянуть работы А. И. Левшина: «Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей» (СПб. 1832, — здѣсь, между прочимъ, использованы документы архива б. Оренбургской Пограничной Комиссіи и Моск. Арх. М. Ин. Д.) и В. В. Вельяминова-Зернова: «Историческія извѣстія о киргизъ-кайсакахъ и сношеніяхъ Россіи съ Среднею Азіею со времени кончины Абуль-Хайръ хана (1748—1765 г.)». Послѣдняя работа основана на данныхъ Оренбургскаго губернскаго архива[1].

Примѣрно за тотъ же періодъ (конечный существованія Ойратскаго государства), что у Вельяминова-Зернова, много данныхъ о нашихъ отношеніяхъ къ ойратамъ извлекъ въ 1857 г. Г. Н. Потанинъ изъ областного архива въ Омскѣ. Эти данныя (частью полный текстъ документовъ, частью извлеченія) были изданы, главнымъ образомъ, въ «Чтеніяхъ въ И. Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ»[2].

На данныхъ провинціальнаго архива — Управленія Калмыцкимъ народомъ въ Астрахани основаны 2 работы о приволжскихъ калмыкахъ: К. Костенкова «Историческія и статистическія свѣдѣнія о калмыкахъ, кочующихъ въ Астраханской губ.» (СПб., 1870) и М. Новолѣтова «Кал-

---

[1] Она появилась сначала въ «Оренбургскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» за 1853 г., а затѣмъ, хотя и не въ полномъ видѣ, отдѣльнымъ изданіемъ (Уфа, т. I, 1853; т. 2, тетр. 1, 1855).

[2] 1866 г., кн. 4; 1867, кн. 1—2, стр. 1—324: «Матеріалы для исторіи Сибири» (глава 2: Пограничныя дѣла и положеніе инородцевъ — 1866, кн. 4, отд. II, стр. 54—128); ср. также Г. Н. Потанинъ. О караванной торговлѣ съ Джунгарской Бухаріей въ XVIII в. (Чтенія, 1868, кн. 2) и Карлъ Струве и Гр. Потанинъ. Поѣздка по восточному Тарбагатаю лѣтомъ 1864 г. (Зап. И. Р. Геогр. Общ. по общей геогр., I, стр. 469—480 и 517—520).

мыки. Историческій очеркъ» (СПб. 1884). Подлинные документы историческаго отдѣла названнаго архива восходятъ къ началу XVIII ст.[1]

Обширный сборникъ документовъ, относящихся къ одному эпизоду нашихъ сношеній съ ойратами, именно къ посольству капитана Унковскаго къ Цэванъ-Рабтану въ 1722—24 гг., далъ Н. И. Веселовскій въ 1887 г., основываясь, главнымъ образомъ, на матеріалахъ центральнаго архива — Моск. Главнаго Архива Мин. Ин. Д.[2] Изъ того же архива Н. И. Веселовскій извлекъ нѣсколько документовъ, восходящихъ къ болѣе ранней эпохѣ, именно къ началу XVII в. и устанавливающихъ фактъ продвиженія ойратовъ къ рр. Эмбѣ и Яику еще по крайней мѣрѣ въ 1612—13 гг.[3]

Изъ болѣе новыхъ работъ необходимо указать изслѣдованія Gaston Cahen, который извлекъ немало матеріаловъ изъ Моск. Гл. Архива М. Ин. Д. Въ его упомянутой выше работѣ «Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand (1689—1730)» содержатся данныя для характеристики вліянія на русско-ойратскія отношенія политики Россіи въ отношеніи Пекинскаго правительства въ указанный періодъ; въ частности подробно разсмотрѣна исторія посольства къ Аюкѣ-хану 1712—14 гг., описаннаго Тулишеномъ. Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщенъ подробный перечень использованныхъ авторомъ китайскихъ дѣлъ названнаго архива.

Въ 1913 г. Ѳ. И. Покровскій опубликовалъ изслѣдованіе: «Путешествіе въ Монголію и Китай сибирскаго казака Ивана Петлина въ 1618 г. (мнимое путешествіе атамановъ Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева въ 1567 г.)», въ которомъ на основаніи документовъ того же архива и портфелей Миллера доказываетъ достовѣрность поѣздки Петлина; вмѣстѣ съ тѣмъ авторомъ переизданъ статейный списокъ Петлина по экземпляру архива[4].

Единственный опытъ использованія документовъ Сената по сношеніямъ съ ойратами произвелъ В. Н. Витевскій въ своей обширной монографіи, посвященной дѣятельности перваго оренбургскаго губернатора И. И. Неплюева[5].

Наконецъ извлеченія изъ немногочисленныхъ дѣлъ данной категоріи, хранящихся въ б. Общемъ Архивѣ Министерства Имп. Двора, сдѣланы въ

---

[1] Этотъ архивъ пострадалъ въ январѣ 1918 г.

[2] Полное заглавіе этого изданія приведено выше (стр. 794); ср. рецензію И. Минаева: «Поиски золота» (Ж. М. Нар. Пр., ч. CCLVII, 1888, май, стр. 237—249).

[3] Передовые калмыки на пути къ Волгѣ (З. В. О., т. III, стр. 365—370; Памятники посольскихъ и торговыхъ сношеній Россіи съ Персіей, т. II, стр. 171—175, 259—260).

[4] Изв. Отд. Русск. яз. и слов. И. Академіи Наукъ, 1913, XVIII, кн. 4, стр. 257—304.

[5] И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Историческая монографія В. Н. Витевскаго, 5 вып. Казань, 1889 — 1896 г. Использованныя сенатскія дѣла (1745 и 1756 гг.) указаны въ вып. 5, прил., стр. 125. Ср. также его же болѣе краткое изданіе: «И. И. Неплюевъ, вѣрный слуга своего отечества, основатель Оренбурга и устроитель Оренбургскаго края, біографическо-историческій очеркъ». (Казань, 1891).

работахъ: А. И. Успенскаго «Столбцы бывшаго Архива Оружейной Палаты» (3 вып., Москва, 1912, 13 и 14 гг.)[1] и С. Н. Кологривова «Матеріалы для исторіи сношеній Россіи съ иностранными державами въ XVII в.»[2]

Подводя итогъ тому, что сдѣлано по изданію и использованію русскихъ документовъ по сношеніямъ съ ойратами, необходимо отмѣтить слѣдующее:

1) Архивныхъ документовъ издано и использовано весьма ограниченное количество.

2) Изданіе ихъ носило случайный характеръ. Вопроса о систематическомъ опубликованіи документовъ, касающихся ойратовъ или вообще монголовъ, до сихъ поръ не возникало, и они издавались лишь попутно съ матеріалами о Сибири. При этомъ редакціи оффиціальныхъ изданій стремились разыскать и опубликовать лишь наиболѣе важные акты; съ своей стороны Археографическая Коммиссія и разныя ученыя общества и лица также отдавали предпочтеніе выборочной системѣ, при чемъ обыкновенно издавали матеріалъ, случайно попадавшій въ ихъ руки.

3) Изданные матеріалы относятся къ разнымъ періодамъ, большею частью между собою не связаны и не даютъ ясной картины русско-ойратскихъ отношеній.

4) Источникомъ, изъ котораго черпались издаваемые акты, служили, главнымъ образомъ, портфели Г. Ф. Миллера, надежность которыхъ подвергнута извѣстнымъ сомнѣніямъ, попытокъ предварительной ихъ провѣрки по матеріаламъ центральныхъ архивовъ не дѣлалось.

5) Къ центральнымъ архивамъ вообще издатели обращались сравнительно рѣдко, при томъ преимущественно въ новѣйшее время, и основная масса находящихся тамъ документовъ остается почти не тронутою.

Такое положеніе дѣлъ побудило меня воспользоваться своимъ пребываніемъ въ Москвѣ лѣтомъ 1918 г.[3] для выясненія того, что содержится по сношеніямъ Россіи съ ойратами въ Московскихъ архивахъ, при чемъ мнѣ удалось ознакомиться непосредственно съ нѣкоторою частью ойратскихъ дѣлъ, хранящихся въ Гл. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ и Архивѣ Мин. Юстиціи, и сдѣлать изъ нихъ довольно обширныя извлеченія, касающіяся періода до 70-хъ годовъ XVII ст. Краткому обозрѣнію результатовъ этихъ работъ — пока лишь съ внѣшней, технической стороны — посвящается дальнѣйшая часть настоящей статьи.

---

[1] Вып. I, №№ 506 и 562; вып. II — № 863; вып. III — № 1272.

[2] Вѣстникъ археологіи и исторіи, издаваемый Археологическимъ Институтомъ, вып. XX, 1911, прил., стр. 1—160 (о пріѣздѣ посланца Онучая отъ Харахулы въ 1620 г. — стр. 41—44); обзоръ намѣченныхъ матеріаловъ еще не законченъ.

[3] Нѣкоторыя дополнительныя работы были произведены во время кратковременныхъ поѣздокъ въ Москву лѣтомъ 1919 г.

Документы по сношеніямъ съ ойратами сосредоточиваются нынѣ, главнымъ образомъ, въ Московскихъ архивахъ 3 прежнихъ министерствъ: Иностранныхъ Дѣлъ, Юстиціи и Императорскаго Двора, которые по прежней терминологіи именовались: Московскій Главный Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, Московскій Архивъ Министерства Юстиціи и Общій Архивъ Министерства Императорскаго Двора, а по нынѣшней: московскія отдѣленія Третье первой секціи, Первое второй секціи и Второе первой секціи Единаго Государственнаго архивнаго фонда. Наибольшее значеніе имѣютъ два первыхъ архива: въ Глав. Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ хранится переписка Посольскаго приказа и смѣнившей его Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, въ Архивѣ Министерства Юстиціи — переписка Сибирскаго приказа и учрежденій, вѣдавшихъ Сибирь до его учрежденія. Меньшаго вниманія заслуживаетъ третій архивъ — Министерства Императорскаго Двора, въ которомъ хранятся остатки архивовъ бывшихъ дворцовыхъ приказовъ, входившіе въ составъ прежняго Архива Оружейной Палаты.

Какъ уже было выше указано, дѣла по сношеніямъ съ ойратами преломлялись черезъ сибирскій административный аппаратъ и поступали въ центръ въ томъ же порядкѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, что и дѣла, касавшіяся непосредственно Сибири: помимо географическаго положенія, здѣсь играло роль и то обстоятельство, что на ойратовъ сибирскіе администраторы, а за ними и центръ усвоили съ самаго начала такой же взглядъ, какъ и на другихъ инородцевъ пограничныхъ сибирскихъ мѣстностей: по ихъ мнѣнію, ойратскія племена если и не были еще подданными московскихъ царей, были обречены судьбою стать таковыми. Естественно потому, что ойратскія дѣла направлялись изъ Сибири въ тотъ центральный органъ, который завѣдывалъ этою страною.

Какъ извѣстно, Сибирь въ концѣ XVI вѣка вѣдалась Посольскимъ приказомъ; именно, имѣются указанія о подчиненіи ея въ 1593 и 1594 гг. приказу дьяка Андрея Щелкалова, въ 1595 г. Посольскому и Четвертному приказу дьяка Василія Щелкалова, а въ 1596—1599 гг. — четверти дьяка Ивана Вахрамѣева. Въ 1599 г. при Борисѣ Годуновѣ Сибирь была передана въ вѣдѣніе приказа Казанскаго и Мещерскаго Дворца (именовавшагося также просто приказомъ Казанскаго Дворца), при которомъ возникло спеціальное отдѣленіе для сибирскихъ дѣлъ подъ названіемъ Сибирскаго приказа (древнѣйшее упоминаніе относится къ 1614 г.) 15 февраля 1637 г. Сибирскій приказъ былъ выдѣленъ (указано «быти особно») изъ Казанского Дворца въ самостоятельное учрежденіе, которое просуществовало съ короткимъ перерывомъ (1711—1730 гг.) до 15 декабря 1733 г.[1] По своемъ

[1] [G. Müller] Sibirische Geschichte, VIII (Sammlung Russischer Geschichte, VIII B., 1763, SS. 267—274); [Г. Ф. Миллеръ] Сибирская исторія, VIII (Ежемѣс. соч., 1764, ч. I,

выдѣленіи Сибирскій приказъ нѣкоторое время оставался въ помѣщеніи Казанскаго Дворца, гдѣ ютился «въ задней казенкѣ въ тѣсномъ мѣстѣ» и только нѣсколько позже былъ переведенъ въ передѣланное для него помѣщеніе Новгородской чети[1].

Слѣдуетъ, конечно, предполагать, что при переходѣ Сибири изъ одного приказа въ другой послѣднему передавались и всѣ сибирскія дѣла, но ко времени выдѣленія Сибирскаго приказа въ 1637 г. въ Казанскомъ Дворцѣ имѣлось уже немного дѣлъ, такъ какъ пожаръ 1626 г. уничтожилъ «всякія дѣла» тогдашняго Сибирскаго приказа[2], и это печальное обстоятельство подтверждается, къ счастью не въ безусловно полной мѣрѣ, какъ оффиціальною описью столбцовъ Сибирскаго приказа въ Архивѣ Мин. Юстиціи, такъ и указателями, приложенными къ упомянутому труду Н. П. Оглоблина: въ нихъ за время до 1626 г. можно насчитать лишь немного столбцовъ; таковы, напримѣръ, столбцы за №№ 1 (6045) и 68 (6112) — 7128 (1620) г.; № 1665 (7711) — 7122 (1614) г., № 1667 (7713) — 7124 (1616) г., № 1669 (7715)—7130 (1622) г. и др. Содержаніе ихъ еще не обслѣдовано, но можно думать, что подлинныхъ документовъ по сношеніямъ съ ойратами въ сохранившихся за указанное время столбцахъ если и найдется, то очень мало.

Немногимъ лучше обстоитъ дѣло въ Гл. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ. За время до 1599 г., когда Сибирь вѣдалась дьяками Посольскаго приказа, подлинныхъ дѣлъ, относящихся къ монгольскимъ племенамъ, совершенно не имѣется: то, что имѣлось, вѣроятно, было передано въ Казанскій и Мещерскій Дворецъ и тамъ сгорѣло. Съ той же поры Посольскій приказъ вообще стоялъ въ сторонѣ отъ сибирскихъ и, въ частности, ойратскихъ дѣлъ, и переписка по нимъ доходила до него въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, тѣмъ болѣе, что вообще въ теченіе первой четверти XVII ст. сношенія съ ойратами не отличались особымъ оживленіемъ. При томъ архивъ Посольскаго приказа пострадалъ въ періодъ Смутнаго времени и послѣ въ немъ уже оказалось невозможнымъ наведеніе точныхъ справокъ по сношеніямъ съ монголами видимо вслѣдствіе гибели документовъ. По крайней мѣрѣ въ единственномъ дѣлѣ, касающемся періода до Смутнаго времени, именно въ монгольскомъ дѣлѣ 1608 г., посвященномъ пріѣзду въ Москву въ 1607 г. первыхъ пословъ отъ ойратскихъ владѣтелей, не содер-

---

стр. 522—528); Н. П. Лихачевъ. Разрядные дьяки XVI в. (Спб., 1888), прил. стр. 97; П. Н. Буцинскій, Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ (Харьковъ, 1889), стр. 231—233; Н. П. Оглоблинъ. Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа, ч. I, стр. 7; Вернеръ. О времени и причинахъ образованія Московскихъ приказовъ (Ученыя записки И. Лицея въ память Цесаревича Николая, в. 2, Москва, 1908), в. II, стр. 192.

[1] Н. Н. Оглоблинъ. Обозрѣніе, IV, стр. 116—117.

[2] П. Н. Буцинскій. Заселеніе Сибири, стр. 232; Русск. Истор. Библ., т. VIII, ст. 350.

жится подлинныхъ документовъ той эпохи; оно состоитъ изъ докладной выписки, составленной, вѣроятно, 10 годами позже и начинающейся словами: «При прежнихъ государяхъ . . . . царя въ Московское государство послы и посланники бывали ль или не бывали того въ Посолскомъ приказѣ послѣ литовского разореня не сыскано» . . . Подлинные же документы по сношеніямъ съ ойратами въ Гл. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ начинаются лишь съ 1616 г. и затѣмъ уже идутъ почти не прерываясь.

Однако имѣющіеся въ обоихъ архивахъ матеріалы даютъ возможность прослѣдить сношенія съ ойратами и въ болѣе раннюю эпоху, но уже не по подлиннымъ документамъ, а по очень древнимъ спискамъ съ нихъ. Въ Архивѣ Мин. Юстиціи сохранилось нѣсколько книгъ Сибирскаго приказа (№№ 1, 2, 11), въ которыхъ имѣется немало списковъ съ документовъ до 1616 г., при чемъ наиболѣе старые изъ нихъ носятъ дату 7103 г., т. е. 1595 г., — 10 февраля и 26 іюня[1]. Послѣдній документъ, именно указная грамота 26 іюня 1595 г., приведенъ въ краткомъ извлеченіи, сдѣланномъ уже въ XVIII ст., въ началѣ перваго (по соотвѣтствующему реестру) «зюнгарскаго или контайшинскаго», т. е. ойратскаго, дѣла Гл. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, что дало редакціи оффиціальнаго «Сборника» Архива поводъ заявить, что въ Архивѣ «зюнгарскія» дѣла начинаются именно съ 1595 г.[2] Между тѣмъ даже въ полномъ текстѣ разсматриваемаго документа никакого упоминанія объ ойратахъ не содержится, и извлеченіе изъ него помѣщено, какъ видно изъ упомянутаго дѣла, именно въ доказательство того, что въ 1595 г. ойратовъ еще не было въ верховьяхъ Иртыша, у Чернаго острова, гдѣ они появились лишь позднѣе.

Въ дѣйствительности же древнѣйшій документъ, посвященный ойратамъ, носитъ дату «лѣта 7105 года, генваря въ 1 день», т. е. 1 января 1597 г. Онъ находится въ указанной выше книгѣ 11 Сибирскаго приказа (лл. 21 об.—22 об.) и представляетъ собою указную грамоту Михаила Өеодоровича Тарскому воеводѣ, посланную въ отвѣтъ на его отписку, которая была получена въ Москвѣ 28 декабря 1596 г. и содержаніе которой излагается въ грамотѣ, — по поводу разногласій между Кучумомъ и вспомогательнымъ ойратскимъ отрядомъ.

За этимъ документомъ въ книгѣ 11 идетъ цѣлый рядъ списковъ съ документовъ, которые даютъ возможность возстановить довольно полную картину сношеній съ ойратами до 1616 г. и, между прочимъ, исторію упомянутаго выше посольства 1607—08 гг.

---

[1] Оба документа находятся въ книгѣ 11 Сибирскаго приказа, лл. 2 слѣд. и 9 слѣд.; второй воспроизведенъ въ трудѣ Г. Ф. Миллера «Описаніе Сибирскаго царства», стр 288—290, по списку, сдѣланному для автора въ Тарскомъ архивѣ; см. также Оглоблинъ. Обозрѣніе, IV, стр. 30 и 129.

[2] Сборникъ Моск. Гл. Архива Мин. Ин. Д., вып. II, стр. 140.

Въ виду важности содержанія книги 11, а также и другихъ книгъ Сибирскаго приказа, заключающихъ въ себѣ списки очень древнихъ документовъ, пріобрѣтаетъ серьезное значеніе вопросъ объ ихъ происхожденіи[1]. Въ Моск. Архивѣ М. Ю. не удалось обнаружить по этому предмету прямыхъ указаній, но все же можно отмѣтить слѣдующее. Въ книгахъ 11 и 6 (а, можетъ быть, и въ нѣкоторыхъ другихъ) документы заканчиваются 1626 г., при чемъ имѣются указанія, что списки изготовлялись именно въ 1626 году[2], при томъ не въ Москвѣ, а въ Сибири. Такъ какъ именно въ 1626 г. сибирскія дѣла Казанскаго Дворца были уничтожены пожаромъ, то представляется вѣроятнымъ, что изъ Москвы было сдѣлано распоряженіе о доставкѣ списковъ съ важнѣйшихъ документовъ для частичнаго возстановленія сгорѣвшаго архива.

Хотя, такимъ образомъ, можно считать несомнѣннымъ, что первоначальные списки восходятъ къ 1626 и, можетъ быть, слѣдующимъ годамъ, но остается неизвѣстнымъ, эти ли списки сохраняются въ книгахъ или же это болѣе поздніе списки со списковъ. Для рѣшенія этого вопроса будетъ имѣть значеніе почеркъ списковъ, форма книгъ, бумага и т. п., но, кромѣ того, подлежитъ выясненію еще одно обстоятельство. Въ концѣ 1700 г. Петромъ I было сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы впредь разныя бумаги писались «въ листы и тетрати дестевые, а не въ столбцы», и тогда же въ Сибирскомъ приказѣ велѣно было изъ царскихъ грамотъ и отписокъ «для скораго пріиску и вѣдомости выписать въ тетрати на перечень» съ тѣмъ, чтобы затѣмъ «тѣ тетрати въ Сибирскомъ приказѣ всякому столу и по повытью сбирать особо» и слагать въ книгу по годамъ, либо полугодіямъ, либо четвертямъ года[3]. Примѣненіе аналогичнаго метода составленія книгъ мы имѣемъ и въ сохранившихся книгахъ Сибирскаго приказа, такъ что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ могли быть составлены уже въ началѣ XVIII ст., хотя бы и по спискамъ 1626 г.

Такимъ образомъ, для древнѣйшей исторіи сношеній съ ойратами, мы располагаемъ лишь списками документовъ съ 1597 по 1615 гг.[4], сохра-

---

[1] О книгахъ Сибирскаго приказа, см. Оглоблинъ. Обозрѣніе, I, стр. 12—13; вопроса объ ихъ происхожденіи авторъ не касается.

[2] На листѣ 613 кн. 6 помѣщенъ документъ съ такимъ заголовкомъ: «Списокъ з государевы царевы і великого князя Михаила Федоровича всеа Русиі грамоты какова прислана въ нынешнемъ во 134 году генваря въ 19 день съ томскимъ козакомъ с. Полкою Вахромѣевымъ» (далѣе другимъ почеркомъ) «о железѣ».

[3] Памятники Сибирской исторіи XVIII в. (изд. Археогр. Ком.), I, стр. 97 — 100; Оглоблинъ. Обозрѣніе, IV, стр. 28.

[4] Въ «Сибирскихъ Лѣтописяхъ» (Изд. Археогр. Ком.) имѣются 2 еще болѣе старыя упоминанія о «калмыкахъ» (т. е. ойратахъ)—подъ годами 1574 (стр. 54, 27) и 1583 (стр. 342, 23). Однако первое упоминаніе, находящееся въ извлеченіи изъ жалованной грамоты братьямъ Строгановымъ 1574 года, имѣется лишь въ распространенной редакціи Строгановской лѣтописи и отсутствуетъ въ основной (стр. 7, 27); кромѣ того, о калмыкахъ ничего не говорится и въ полномъ текстѣ означенной грамоты, изданномъ еще Миллеромъ (Описаніе Сибирскаго царства, стр. 76, 89) съ подлинника изъ архива Строгановыхъ. Подъ

нившимися въ Архивѣ М. Ю.; затѣмъ съ 1616 г. начинаются подлинные документы Гл. Архива М. Ин. Д., параллельно которымъ продолжаются до 1626 г. списки документовъ Архива М. Ю. Съ 1626 г. и въ послѣднемъ архивѣ начинаются подлинные акты, и съ этой поры мы находимъ въ обоихъ архивахъ двѣ только изрѣдка прерывающіяся серіи подлинныхъ документовъ, дополняющихъ и поясняющихъ взаимно одна другую, примѣрно до конца XVII в. Затѣмъ ойратскія дѣла совершенно исчезаютъ изъ Архива М. Юстиціи.

Подобное распредѣленіе документовъ указываетъ на то, что въ теченіе XVII ст. сношеніями съ ойратами завѣдывали два приказа: Посольскій и Сибирскій, но взаимоотношенія ихъ представляются не вполнѣ ясными. Повидимому, означенныя сношенія считались тѣсно связанными съ сибирскими дѣлами и, какъ таковыя, входящими въ прямую компетенцію Сибирскаго приказа. Только дѣла, имѣвшія отношеніе къ пріѣзду въ Москву ойратскихъ посольствъ, вѣдались Посольскимъ приказомъ и то лишь съ момента прибытія ихъ подъ самую Москву, на «подхожій станъ». Въ обоихъ архивахъ имѣется не мало документовъ (обыкновенно памяти изъ Сибирскаго приказа въ Посольскій) о томъ, что по полученіи отъ пристава посольства донесенія о прибытіи его на подхожій станъ царь указалъ «пословъ и пристава и провожатыхъ послать изъ

второю датою приводится сообщеніе объ осадѣ Ермакомъ городка Куларъ («той опасной крайной Кучюмовской отъ калмыкъ»), однако это сообщеніе, имѣющееся только въ Ремезовской лѣтописи, носитъ въ части, касающейся калмыковъ, неопредѣленный характеръ, и вполнѣ достовѣрными слѣдуетъ считать упоминанія всѣхъ Сибирскихъ лѣтописей о калмыкахъ лишь подъ 1598 г. въ связи со смертью Кучума. О калмыкахъ въ Сибири имѣются въ литературѣ упоминанія еще подъ 1594 и 1595 гг. въ связи съ киргизами. Именно, Фишеръ въ «Сибирской Исторіи» (стр. 181, § 22, ср. также стр. 155 и 180) высказывалъ предположеніе, что постройкою въ 1594 г. г. Тары Царскій дворъ имѣлъ въ виду создать «ограду противъ разъѣзжающихъ всюду степныхъ народовъ, калмыковъ и киргизскихъ козаковъ», и такое указаніе было использовано затѣмъ Левшинымъ (Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей, II, стр. 56). Однако Фишеръ ничѣмъ не подкрѣпляетъ своего предположенія, которое расходится съ подробными данными (въ томъ числѣ и съ наказомъ о постройкѣ Тары), сообщаемыми по этому предмету Миллеромъ (Описаніе Сибирскаго царства, стр. 260—280). Очевидно, Фишеръ имѣлъ въ виду роль, которую Тара стала играть въ болѣе позднее время. Ту же дату 1594 или 1595 гг. привелъ и Карамзинъ (Ист. Гос. Рос., 3 изд., т. X, стр. 218), ссылаясь на киргизскія дѣла этихъ лѣтъ изъ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д. Именно тогда поддался Россіи казацкій ханъ Тевкель (точнѣе Тевеккуль), «именуясь царемъ Казацкимъ и Калмыцкимъ». Левшинъ (loc. cit., стр. 50) отнесся къ подобному титулу отрицательно, но В. В. Бартольдъ (Историческій очеркъ Семирѣчья, стр. 164/91), высказалъ предположеніе, что Тевеккулю подчинились нѣкоторые калмыцкіе роды. Также безъ возраженій сообщеніе Карамзина было воспроизведено и В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ (Изслѣдованіе о Касимовскимъ царяхъ и царевичахъ, II, стр. 104 и 338). Лѣтомъ 1919 г. мнѣ удалось выяснить, что свое сообщеніе Карамзинъ почерпнулъ изъ «Киргисъ-кайсацкаго дѣла» 1595—1599 гг. (сохранившагося только въ части), именно изъ текста рѣчи, которую дьякъ Василій Щелкаловъ долженъ былъ произнести при пріемѣ посла Тевеккуля: въ ней послѣдній дѣйствительно названъ «казацкимъ и калмацкимъ Тевкель царемъ» и требовалось, чтобы онъ былъ подъ царскою рукою «со всею казацкою и калмацкою ордою». Фактическое же положеніе вещей выясняется слѣдующими словами самого посла: «Ныне... Тевкель царевич царь учинился на казацкой ордѣ, а брата своего Шахмагметя царевича посадилъ на калмакахъ». Такимъ образомъ предположеніе В. В. Бартольда, повидимому, отвѣчаетъ дѣйствительности.

Сибирскаго приказу въ Посольскій приказъ»[1]. Одновременно въ послѣдній приказъ поступали и отписки воеводъ, касавшіяся посольства или въ подлинникахъ непосредственно отъ пристава или въ спискахъ изъ Сибирскаго приказа. Съ этого момента Посольскій приказъ бралъ въ свои руки не только заботы о пріемѣ, размѣщеніи, охранѣ, содержаніи, представленіи царю, обратномъ отпускѣ, т. е. вообще техническую и церемоніальную часть, но и ойратскую политику, которая концентрировалась вокругъ посольства. Въ Посольскомъ приказѣ посланцы допрашивались о цѣли пріѣзда, выяснялось положеніе дѣлъ на мѣстѣ, изготовлялись доклады царю, обсуждался отвѣтъ посольству, составлялись отвѣтныя грамоты, намѣчались директивы мѣстнымъ властямъ и т. п.

Когда же посольство покидало Москву, дѣятельность Посольскаго приказа пріостанавливалась, и всѣ дальнѣйшія дѣла по сношеніямъ съ ойратами, которыя велись на мѣстахъ воеводами, вѣдались уже Сибирскимъ приказомъ. Въ 1623 г. послѣдовалъ указъ о томъ, чтобы впредь посольства отъ ойратовъ и Алтынъ-хана не пропускались въ Москву, а принимались и опрашивались въ Сибири съ тѣмъ, чтобы воеводы о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ доносили въ Москву. При этомъ отписки было приказано направлять въ Казанскій Дворецъ съ поясненіемъ такого содержанія: «А в Посолскомъ приказе вѣдат есмя ихъ (тайшей пословъ) не велѣли, потому что с ними ссылке посолской быти нелзѣ, грамоте не умѣютъ и ссылатца не о чемъ»[2]. Такое же направленіе дѣлъ соблюдалось и послѣ учрежденія самостоятельнаго Сибирскаго приказа.

Подобная двойственность въ завѣдываніи ойратскими дѣлами осложняла и запутывала дѣлопроизводство обоихъ приказовъ. Очень часто начальный документъ или документы по какому-нибудь вопросу находятся въ одномъ приказѣ, вся же дальнѣйшая переписка въ другомъ и наоборотъ. Каждый приказъ самостоятельно, именемъ царя, сносился съ мѣстными властями, а равно съ другими московскими приказами, требуя присылки себѣ и отвѣта. Такимъ образомъ по каждому почти вопросу нынѣ требуются справки въ обоихъ архивахъ.

Нужно однако отмѣтить, что вначалѣ, до учрежденія самостоятельнаго Сибирскаго приказа, донесенія изъ Сибири въ Москву направлялись иногда въ двухъ тождественныхъ экземплярахъ — одинъ въ Посольскій приказъ, другой въ Казанскій Дворецъ, при чемъ послѣдній видимо не очень ревниво оберегалъ свою компетенцію и передавалъ даже свой экземпляръ Посольскому приказу, въ которомъ благодаря этому иногда оказы-

[1] Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., зюнгарское дѣло, 1645 (1665) о пріѣздѣ пословъ Чюна и Сыряна, л. 14. Ср. калм. дѣло, 1684, генв. 14, л. 1.

[2] Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., калм. дѣло, 1638 г., лл. 31 и 35.

валось по 2 экземпляра съ точными помѣтками объ обстоятельствахъ полученія[1].

Сибирскій приказъ былъ, повидимому, болѣе чутокъ къ вопросамъ компетенціи и при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ добился даже того, что по его докладу 11 сентября 1681 г. «великій государь царь и великій князь... слушавъ докладной выписки, указалъ и бояря приговорили китайскимъ посылкамъ и приѣздамъ и мунгалскихъ и калмыцкихъ владѣльцовъ и тайшей пословъ и посланцовъ вѣдать в Сибирскомъ приказе, потому что тѣ земли craнaлeжaтъ къ сибирскимъ городамъ и Николая Спаѳария отпускъ и приѣздъ и статейной списокъ и книгу описную о китайскомъ государствѣ и дѣла и приѣзды из Сибири калмыцкихъ и мунгалскихъ пословъ и посланцовъ указалъ великій государь ис Посолского приказу взять в Сибирской приказ»[2]. Однако такой порядокъ продолжался недолго, и послѣ кончины Ѳеодора Алексѣевича Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи совмѣстно съ царевною Софіею 13 января 1684 года, по докладу Посольскаго приказа, указали «китайскаго государства дела и приѣзды сибирских калмыцких и мунгалских послов и посланцовъ в столпах и книгах.... взять попрежнему въ Посольской приказ к прежним тѣх государствъ и улусов дѣлам, которые есть в Посольском приказе, а в Сибирской приказ были не отосланы. И указали великие государи тѣхъ государствъ и землицъ и улусовъ приѣзды послов и посланцов вѣдать по прежнему въ государственном Посолском приказе и послать о том в Сибирской приказ память»[3].

Сибирскому приказу пришлось подчиниться, и уже 25 января 1684 г. имъ было возвращено 9 столбцовъ о пріѣздѣ ойратскихъ посольствъ за время съ 7166 по 7188 (1658—1680) гг. Однако, несмотря на это, въ Моск. Гл. Архивѣ М. Ин. Д. имѣется мало документовъ этой эпохи, а въ то же время въ столбцахъ Сибирскаго приказа, находящихся въ Моск. Арх. Мин. Юст., оказывается довольно обширная переписка по ойратскимъ дѣламъ за указанный періодъ, и въ томъ числѣ документы, принадлежавшіе первоначально Посольскому приказу. Съ другой стороны и за послѣдующее время до самаго конца XVII наблюдается то же явленіе: въ первомъ архивѣ ойратскихъ дѣлъ имѣется самое ограниченное количество, при томъ второстепеннаго характера, между тѣмъ какъ во второмъ эти дѣла тянутся изъ года въ годъ съ 194 (1686) г. по 207 (1699) г., и въ ихъ числѣ

---

[1] Такіе двойные экземпляры имѣются въ калмыцкихъ дѣлахъ М. Гл. Арх. М. Ин. Д. 1618, № 1 и 2; именно № 1—лл. 1—6 и 22—27; № 1, лл. 7—12 и № 2, лл. 1—5. См. также калм. дѣло того же архива 1623 г., лл. 1—9.

[2] Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., кит. дѣло, 1681 г., сент. 11 и калм. дѣло, 1684 г., генв. 14, л. 1. Ср. Бантышъ-Каменскій. Дипломатическое собраніе дѣлъ, стр. 36 (выноска 1).

[3] Калмыц. дѣло, 1684 г., генв. 14, л. 2.

имѣются и дѣла о пріѣздѣ посольствъ, напримѣръ, о посольствѣ Цэванъ-Рабтана[1].

Такимъ образомъ вѣдомственная рознь, повидимому, не была устранена указомъ 1684 г., и Сибирскій приказъ сохранялъ въ своихъ рукахъ ойратскую политику до тѣхъ поръ, пока, начиная съ 1700 г., не наступилъ почти полный перерывъ въ сношеніяхъ съ ойратами болѣе чѣмъ на 10 лѣтъ, а тѣмъ временемъ и самый Сибирскій приказъ былъ временно упраздненъ. Когда же затѣмъ, по инициативѣ русскихъ, сношенія съ Цэванъ-Рабтаномъ возобновились, то они уже перешли въ вѣдѣніе Посольскаго приказа, который и завѣдывалъ ими до паденія Ойратской державы. Этотъ періодъ отличался большимъ оживленіемъ, такъ какъ по ойратскимъ дѣламъ пришлось сноситься еще и съ Пекинскимъ правительствомъ, и количество ойратскихъ дѣлъ поэтому въ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д. сильно возрасло.

Одновременно съ закрытіемъ Сибирскаго приказа функціи Посольскаго расширились еще и за счетъ другого приказа — Казанскаго Дворца. Послѣдній, съ выдѣленіемъ изъ него въ 1637 г. Сибирскаго приказа, оказался отстраненнымъ отъ ойратскихъ дѣлъ, но только отчасти. Донесенія Уфимскаго и Астраханскаго воеводъ объ отношеніяхъ къ калмыкамъ направлялись обыкновенно не въ Сибирскій, а въ приказъ Казанскаго Дворца, которому было подвѣдомственно Поволжье, и такъ дѣло продолжалось до 9 февраля 1710 г., когда Петръ I «указалъ калмыцкаго Аюкая хана со всѣмъ его владѣніемъ и всякими дѣлами и посланцовъ ево пріѣздами вѣдать въ государственномъ Посольскомъ приказѣ»[2]. Одновременно послѣднему были переданы и соотвѣтствующія дѣла (24 нумера), вѣроятно, остатки того, что сохранилось въ Казанскомъ Дворцѣ послѣ пожара 1701 г.

Въ другіе московскіе приказы ойратскія дѣла попадали сравнительно рѣдко, главнымъ образомъ въ видѣ памятей Посольскаго и Сибирскаго приказовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось содѣйствіе другихъ учрежденій; таковы, напримѣръ, Большой Приходъ, отпускавшій посламъ кормъ (въ натурѣ и деньгами), Новая Четь—питье (вино, пиво, медъ), Стрѣлецкій приказъ — караулы и провожатыхъ, Ямской приказъ — подводы, Конюшенный — лошадей, Казенный, выдававшій жалованье (подарки) ойратскимъ князьямъ, ихъ посламъ, сибирскимъ служилымъ людямъ, ѣздившимъ въ ойратскія кочевья съ порученіями, а также принимавшій поминки

---

[1] Оглоблинъ. Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа, I, стр. 5, 278—279; III, стр. 42—43 и 271. Въ Полномъ Собраніи Законовъ (т. III, № 1422) помѣщенъ указъ 1698 г. о томъ, чтобы даже дѣла о пріѣздѣ китайскихъ пословъ въ Сибирь направлялись въ Сибирскій приказъ.

[2] Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., калм. дѣло, 1710, февр. 9, № 4.

князей и др. При отпускѣ или пріемѣ тѣхъ или иныхъ вещей дѣлались точныя записи въ подлежащихъ записныхъ книгахъ. Однако большая часть архивовъ указанныхъ учрежденій сгорѣла и только немногое сохраняется въ Общемъ Архивѣ М. Имп. Д.

Документы по сношеніямъ съ ойратами, имѣющіеся въ указанныхъ выше архивахъ, по своей формѣ въ общемъ тождественны съ тѣми, которые уже извѣстны въ литературѣ; они распадаются на слѣдующія категоріи:

А. Документы мѣстнаго (сибирскаго) управленія.

1) Воеводскія отписки — это наиболѣе обильный въ количественномъ отношеніи и самый содержательный типъ документовъ; они составляютъ основу всего архивнаго матеріала. Преобладающая масса исходитъ отъ тобольскихъ воеводъ[1].

2) «Статейные списки», именуемые иногда «доѣздами», т. е. письменные отчеты служилыхъ людей, ѣздившихъ въ ойратскія кочевья съ различными порученіями. Они начинаются обычно подробнымъ изложеніемъ даннаго посланцу наказа; содержатъ много важныхъ свѣдѣній географическаго, статистическаго и бытового характера. Къ сожалѣнію, ихъ немного: въ Архивѣ М. Ю. Оглоблинъ обнаружилъ 6 списковъ по поѣздкамъ къ ойратамъ: Меньшого Ремезова 1640—41 гг., Данилы Аршинскаго 1646 г., Ивана Байгачова 1651—52 гг., Василія Литасова 1664—65 гг., Василія Бубеннаго 1665—66 гг. и Василія Былина 1667—69 гг.[2]; кромѣ того, тамъ имѣются списки Ивана Суздальцова и Матвѣя Городничего 1696 г. по поѣздкѣ къ Цэванъ-Рабтану[3]. Въ Гл. Архивѣ М. Ин. Д., кромѣ экземпляровъ второго[4] и пятаго[5] списковъ, хранятся еще статейные списки Ѳедора Байкова 1654 г. о поѣздкѣ въ Китай черезъ ойратскія кочевья[6] и Павла Кульвинскаго 1667 года[7] о поѣздкѣ къ Сэнгэ и Чокуру.

3) Изрѣдка попадаются въ Архивѣ М. Ю. «сыски», т. е. протоколы слѣдствій, производившихся воеводами по дѣламъ, имѣющимъ отношеніе къ ойратамъ[8]. Отмѣтимъ сыскъ по поводу жалобы Далай-гунжи, жены хошутскаго Куйши-тайши, правившей хошутами по смерти мужа, на Тарскаго воеводу кн. Василія Горчакова, пренебрежительно отозвавшагося

---

[1] Ср. Оглоблинъ. Обозрѣніе, III, стр. 1 слѣд. Оглоблинъ описываетъ разные типы документовъ по матеріаламъ Арх. М. Ю.; поэтому здѣсь дѣлаются частыя ссылки на его трудъ съ соотвѣтствующими дополненіями.

[2] Оглоблинъ. I, стр. 211 и 214, 204.

[3] Столб. Сиб. прик. 927 (6972).

[4] Зюнгарск. или контайш. дѣло 1647 г., марта 12.

[5] Мунг. дѣло, 1665, № 1, 16 апр. — 1666 г., апр.

[6] Кит. дѣла 1654 г., книга I, столбцы №№ 4 и 5.

[7] Мунг. дѣло, 1667 г., № 3, генв.—сент. 20.

[8] Оглоблинъ. Обозрѣніе, I, стр. 180 и 204.

объ ней при ойратскихъ послахъ: «Баба что знаетъ!» и называвшаго ее «жонкой» [1].

4) Отписки младшихъ воеводъ Тобольскому встрѣчаются рѣдко, въ виду принадлежавшаго всѣмъ воеводамъ права сноситься съ центромъ.

5) «Отписи» или «росписи» ямскихъ старостъ о размѣрѣ прогоновъ, взысканныхъ съ ойратскихъ пословъ за перевозку ихъ товаровъ [2].

Б. Документы центральнаго управленія.

1) «Указныя грамоты» царей, большею частью служащія отвѣтомъ на воеводскія отписки. Они сохранились въ большомъ количествѣ, но, конечно, лишь «черными», съ поправками и дополненіями, часто писаны неразборчивою скорописью [3].

2) «Грамоты» царей на имя ойратскихъ владѣльцевъ. Древнѣйшими являются грамоты на имя Богатырь-тайши и Хара-хулы-тайши 1618 и 1620 гг., опубликованныя въ «Собранія Госуд. Грам. и Догов.» [4]. Кромѣ того, 2 грамоты были посланы Батуръ-хунтайджію въ 1645 и 1647 гг. [5] Въ калмыцкомъ дѣлѣ 1616 г. Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д. сохранился образецъ грамоты, которую было предоставлено Тобольскому воеводѣ послать отъ себя (съ выписью въ началѣ царскаго титула) «в Савран Казатцкіе орды царю Аблахану» по ойратскимъ дѣламъ [6].

3) «Памяти» — бумаги, которыми сносились между собою приказы. Обыкновенно можно находить въ одномъ архивѣ — черный экземпляръ, въ другомъ—подлинникъ.

4) «Докладныя выписки» или «выписки» — справки, которыя составлялись на основаніи документовъ приказовъ по разнымъ случаямъ, чаще всего по случаю пріѣзда ойратскихъ посольствъ или для изложенія исторіи дѣла, затронутаго въ воеводскихъ отпискахъ. Выписки или не имѣли никакого заглавія или озаглавливались различно: «выписано въ докладъ», «въ докладъ», «въ Посольскомъ (Сибирскомъ) приказѣ выписано». Въ нихъ обычно приводятся прецеденты («и выписано на примѣръ»), которые могутъ служить цѣннымъ матеріаломъ для дѣлъ, по которымъ подлинныхъ документовъ не сохранилось [7].

---

[1] Моск. Арх. М. Ю., Сиб. прик., ст. 455.

[2] Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., мунг. дѣла, 1673 г., № 2, сент. 26, лл. 89—94 и 1675 г., № 2, сент. 24, лл. 56—58.

[3] Оглоблинъ. Обозрѣніе, IV, стр. 25—31.

[4] Собр. Госуд. Грам. и Дог., ч. III, № 37, стр. 64 и № 53, стр. 217. Черновые отпуски этихъ грамотъ сохранились въ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д.: калм. дѣла, 1618 г., № 2, генв. 12, лл. 44—46 и 1619 г., № 2, ноября 23—іюня 1620 г., лл. 17—18. Списки имѣются еще въ числѣ «калмыцкихъ шертныхъ грамотъ».

[5] Зюнг. или конт. дѣла: 1645 (1665) г., лл. 108—117 и 1640 г., апр.—1647 г., марта 5, лл. 192—197.

[6] Калм. дѣло, 1616 г., лл. 17—20.

[7] Оглоблинъ. Обозрѣніе, IV, стр. 5—21.

5) Церемоніалы пріема ойратскихъ пословъ у царей. Они написаны на узенькихъ полоскахъ бумаги (9—12 см.) и содержатъ всѣ подробности аудіенціи, включая тексты рѣчей посла и думнаго дьяка, «являвшаго» посла царю. Обыкновенно ойратскіе послы принимались царемъ послѣ большихъ пословъ или гонцовъ — польскихъ, бухарскихъ, кизылбашскихъ (персидскихъ) и др., «коли бывалъ государь при послѣхъ или гонцѣхъ въ большомъ своемъ царскомъ чину»[1]. Въ началѣ или въ концѣ документа иногда имѣется помѣтка думнаго дьяка: «Было по сему»[2]. Въ болѣе старыхъ дѣлахъ Гл. Арх. М. Ин. Д. имѣются не церемоніалы, составленные заранѣе, а описанія пріема, сдѣланныя post factum. Въ зюнг. или контайш. дѣлѣ 1640 г., апр. — 1647 г., март. 5, имѣются какъ церемоніалъ, такъ и описаніе пріема.

6) «Помѣты» съ резолюціями царей и начальниковъ приказа обыкновенно писались на оборотной сторонѣ воеводскихъ отписокъ или на лицевой сторонѣ докладныхъ, выписокъ по склейкамъ. Попадаются, однако, резолюціи, написанныя и на отдѣльныхъ листахъ, особенно тогда, когда онѣ подлежали объявленію посламъ: «Сказать великого государя указъ калмыцкимъ посланцомъ»[3].

B. Документы смѣшаннаго характера.

Въ эту категорію включены документы одинаковаго назначенія, бывшіе въ ходу какъ въ центральномъ, такъ и воеводскомъ управленіи.

1) Распросныя рѣчи. Это словесныя показанія разныхъ лицъ, записанныя въ воеводскихъ канцеляріяхъ Сибири или въ московскихъ приказахъ. Они часто замѣняютъ собою или дополняютъ статейные списки служилыхъ людей, ѣздившихъ съ порученіями въ ойратскія кочевья[4]. Многія изъ этихъ рѣчей имѣютъ такое же важное значеніе по содержащимся въ нихъ свѣдѣніямъ, какъ и статейные списки, и заслуживаютъ особаго упоминанія; таковы —

присланныя изъ Сибири рѣчи: Пятунки Семенова 1620 г. о поѣздкѣ къ хошутскому Байбагишъ-тайшѣ[5], Василія Волкова 1623 г. — къ дэрбэтскимъ Далай-тайшѣ и Мангитъ-тайшѣ[6], Володимера Кляпикова, Онипки Черкасова, Назарея Жедовскаго и др. 1634 г. о мѣстахъ ко-

---

[1] Калм. дѣло, 1651 г., іюнь 29, № 2.

[2] Оглоблинъ, III, стр. 43. Церемоніалы пріема пословъ Батуръ-хунтайджія, см. Зюнг. или контайш. дѣла: 1640 г., апр.—1647 г., март. 5, лл. 60—66 и 165—171 и 1645 г., лл. 95—103.

[3] Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., мунг. дѣло, 1673 г., № 2, сент. 26, лл. 95—97. Ср. Оглоблинъ. Обозрѣніе, III, стр. 4—5; IV, стр. 8—9.

[4] Оглоблинъ. Обозрѣніе, I, стр. 211—212; IV, стр. 100—103.

[5] Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., калм. дѣло, 1620 г., лл. 27—29.

[6] Ibid., калм. дѣло, 1633 г., лл. 16—20.

чевокъ и воинской силѣ торгутскаго Урлюка и его сыновей[2], Куземки Обрамова 1639 г.[3], Семена Неустроева 1641 г.[4] и Григорія Ильина 1644 г.[5] о поѣздкахъ къ Батуръ-хунтайджію, Лучки Кызылова 1641 г. къ Чокур-тайшѣ (брату Батура)[6]. Эти распросныя рѣчи присылались обыкновенно въ видѣ отдѣльныхъ протоколовъ при воеводскихъ отпискахъ, но иногда (рѣчи Обрамова и Ильина) включались въ самый текстъ отписки.

Московскія рѣчи: литвина Томилы Петрова 1616 г.[7] и Ивана Савельева 1618 г.[8] — о поѣздкѣ къ Богатырь-тайшѣ, Гаврилы Ильина 1639 г. — о смерти Далай-тайши[9].

Особую группу составляютъ отчеты о распросахъ («разговоръ») въ Москвѣ (въ Посольскомъ, а изрѣдка и въ Сибирскомъ приказѣ) или въ Сибири ойратскихъ пословъ; въ нихъ содержатся не только подробныя свѣдѣнія о цѣли пріѣзда пословъ, но и данныя о ихъ странѣ, о сосѣдяхъ и отношеніяхъ къ нимъ. Такія разговорныя рѣчи встрѣчаются почти во всѣхъ дѣлахъ Моск. Гл. Архива М. Ин. Д., трактующихъ о пріѣздѣ въ Москву ойратскихъ пословъ. Въ столбцѣ 455 (6499) Сибирскаго приказа имѣются рѣчи 30 августа 1652 г. ойратскаго посланца Енея «про рѣку Амуру и про Даурскую землю».

2) «Наказныя памяти» — инструкціи — чаще всего давались воеводами служилымъ людямъ при отправленіи въ ойратскія земли съ порученіями и московскими приказами (отъ имени царя) приставамъ, сопровождавшимъ ойратскія посольства изъ Москвы въ Тобольскъ. Въ воеводскихъ наказахъ главною мыслью является приведеніе ойратовъ подъ высокую царскую руку и огражденіе подвѣдомственныхъ воеводамъ земель отъ нападеній; въ наказахъ приставамъ посольствъ ясно высказывается нежеланіе, чтобы посольства знакомились со страною и входили въ сношенія съ населеніемъ, между прочимъ, изъ опасенія, какъ бы ойраты не «высмотрили» путь въ Москву...

3) «Проѣзжія грамоты и памяти». Въ дѣлахъ много черновыхъ проѣзжихъ грамотъ на обратный проѣздъ ойратскихъ посольствъ изъ Москвы до Тобольска; на передній путь выдавались проѣзжія памяти воеводами и въ центральные архивы обыкновенно не поступали; въ Моск. Гл. Архивѣ М. Ин. Д. имѣется впрочемъ проѣздная память тобольскаго воеводы, вы-

[1] Моск. Арх. М. Ю., Сиб. прик., ст. 656. Оглоблинъ (Обозрѣніе, I, стр. 214) приписываетъ эти рѣчи главнымъ образомъ Кляпикову, но наибольшій интересъ представляютъ показанія Жедовскаго.
[2] Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., зюнг. или контайш. дѣло 1640—1647 гг., лл. 4—13.
[3] Моск. Арх. М. Ю., Сиб. прик., ст. 455.
[4] Ibid.
[5] Ibid.
[6] Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., калм. дѣло, 1616 г., лл. 71—82.
[7] Ibid., калм. дѣло, 1618 г., № 2, лл. 10—18.
[8] Моск. Арх. М. Ю., Сиб. прик., ст. 83, л. 763 (Оглоблинъ. Обозрѣніе, IV, стр. 102).
[9] Оглоблинъ. Обозрѣніе, I, стр. 41—44.

данная въ 1647 г. на проѣздъ до Москвы пословъ Батуръ-хунтайджія[1]. Какъ видно изъ этихъ документовъ и наказныхъ памятей приставамъ, первыя ойратскія посольства, слѣдовавшія на Тобольскъ, ѣхали по маршруту: Москва, Коломна, Переславль-Рязанскій, Касимовъ, Муромъ, Нижній-Новгородъ, Кузьмодемьянскъ, Казань, Соль Камская (Соликамскъ), Верхотурье, Туринскій острогъ, Тюмень, Тобольскъ[2]. Позже маршрутъ нѣсколько измѣнился съ открытіемъ болѣе сѣвернаго пути (такъ называемаго Сибирскаго тракта): Москва, Переславль-Залѣсскій, Ярославль, Вологда[3], Тотьма, Устюгъ Великій, Соль Вычеготцкая (Сольвычегодскъ), Кай городокъ, Соль Камская, Верхотурье, Туринскій острогъ, Тюмень, Тобольскъ[4]. Посольства же, направлявшіеся на Уфу, слѣдовали по первому маршруту, уклоняясь отъ него изъ Казани прямо иа Уфу[5]. Путь нѣсколько разнообразился въ зависимости отъ времени года, при чемъ лѣтомъ всюду, гдѣ представлялась возможность, пользовались воднымъ путемъ.

4) «Челобитныя», подававшіяся служилыми и иными людьми воеводамъ и препровождавшіяся ими со своими отписками въ Москву, а также поступавшія непосредственно въ московскіе приказы, сравнительно немногочисленны. Чаще всего они содержатъ ходатайства о прибавкѣ содержанія или награжденіи за «калмыцкую» (ойратскую) службу, о возмѣщеніи понесенныхъ на этой службѣ убытковъ и т. п.[6]

5) «Записныя книги». Въ Московскихъ приказахъ спеціальныхъ ойратскихъ книгъ не велось, но записи по ойратскимъ дѣламъ встрѣчаются во многихъ обнаруженныхъ донынѣ записныхъ книгахъ этихъ приказовъ. Особенно частыхъ записей слѣдовало ожидать въ книгахъ дворцовыхъ приказовъ, но, къ сожалѣнію, ихъ сохранилось немного.

Въ Тобольскѣ (а, можетъ быть, и въ другихъ городахъ Сибири, напр., въ Томскѣ) велись и спеціальныя ойратскія книги, и на нихъ изрѣдка дѣлаются ссылки въ воеводскихъ отпискахъ: «Записная книга что о калмыцкихъ посылкахъ, за приписью дьяка Григорія Протопопова» упоминается въ 1640 г.[7]. Моск. Гл. Архивъ М. Ин. Д., повидимому, обладаетъ одною изъ такихъ книгъ съ полистною скрѣпою того же дьяка Протопопова, который былъ затѣмъ дьякомъ Сибирскаго приказа. Заголовокъ книги, видимо, недавняго времени: «Переписка тобольскихъ воеводъ съ

---

[1] Зюнг. или контайш. дѣло, 1640 г., апр.—1647 г., март. 5, лл. 152—153.

[2] По этому маршруту слѣдовали, напр., посольства 1620 и 1640 гг.; посольства 1623 и 1630 гг. прослѣдовали изъ Москвы въ Нижній по болѣе прямому пути на Владиміръ.

[3] Въ 1703 г. разрѣшено было по зимнему сибирскому тракту миновать Вологду и направляться прямо на Шуйскъ-Обнорскъ (Памят. Сиб. ист., I, стр. 209—210).

[4] Сѣвернымъ путемъ слѣдовали посольства 1645 и 1647 гг.

[5] Посольства 1621, 1623 и 1630 гг.

[6] Оглоблинъ. Обозрѣніе, III, стр. 87—164.

[7] Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., Зюнг. или контайш. дѣло 1640 г., апр.—1647 г., март. 5, л. 13. Въ столбцѣ 83 (6127) Сиб. пр., А. М. Юст., упоминаются «калмыцкія записныя книги» 144 и 145 годовъ (1636 и 1637 гг.), лл. 734 и 736.

калмыцкими тайшами 1636—1637 годовъ»[1]. Она состоитъ изъ отдѣльныхъ частей, именуемыхъ книгами, съ очень подробными подзаголовками, дающими представленіе о той массѣ свѣдѣній, которыя заносились въ подобныя книги. Вотъ одинъ изъ такихъ подзаголовковъ[2]: «А въ которомъ мѣсяце и числѣ и кѣмъ имяны отъ которых таишь и от лаб[3] и хто имяны колмацкие послы приходили и сколко человѣкъ с которыми послы кашеваровъ и торговых людеі и бухарцовъ приходило и сколко у которых послов и у кашеваров и у торговых людеі и у бухарцов лошадеі в пригонех было и хто у которых пословъ был въ приставех і въ толмачѣхъ и гдѣ которые послы поставлены были и по сколку у них было на караулех и у табуновъ караулщиков и которово числа которые послы были на посолстве и сколко отъ которых таишь государю челомъ ударили лошадеі и рухлядi и о какiх дѣлех говорили и которово числа которые послы были на съѣзжемъ посолскомъ дворѣ на отпускех и по сколку аршинъ посламъ государева жалованья сукон дано на отпуске и к таишам и к лабамъ противъ ихъ подарков сколко послано каких сукон и сколко человѣкъ и хто имяны съ которыми послы в поминкех посланы служилые люди о чемъ говорити и которые дѣти боярские и с ними сколко человѣкъ и хто имяны служилые люди и до которых мѣстъ для провожанья посыланы были, — и то все писано в сеі книге в подлиннiке под статьямi».

Особыя книги — дневники должны были вести пристава, состоявшіе при посольствахъ. Имъ вмѣнялось въ особенную обязанность слѣдить за всѣми торговыми сдѣлками посольствъ, при чемъ «смотрити и береч накрепко чтобъ тоболские всякихъ чиновъ руские люди і татаровя і бухарцы съ колмацкими послы заповедными товары пансыри і шеломы і самопалы і зелемъ і свинцомъ і луки і стрѣльными желѣзцы і копьи і топоры і ножi і инымъ никакимъ ружемъ і желѣзомъ і табаком і денгами і серебряными слитки не торговали, а торговали бъ они на колмацкомъ дворѣ съ колмацкими послы і менялi лошадi на всякие товары на сукна і на кожи і на мѣдяные суды»[4]. Образцы подобныхъ книгъ съ записями, идущими изо дня въ день, также имѣются въ разсматриваемой книгѣ.

Всѣ подобныя частныя книги за извѣстный періодъ времени сшивались въ одну общую книгу, которая снабжалась сквозною полистною скрѣпою дьяка. Нѣкоторые листы оставались при этомъ чистыми — «порозжими».

---

[1] Калм. дѣло, 1636—37 г., № 2.
[2] Лл. 173 об.—174.
[3] Въ документахъ XVII в. (особенно начала этого вѣка) буддійскіе ламы неизмѣнно именуются лабами.
[4] Л. 191.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1919.

(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Русскіе архивные документы по сношеніямъ съ ойратами въ XVII и XVIII вв.

В. Л. Котвича.

(Представлено академикомъ С. Ѳ. Ольденбургомъ въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 2 апрѣля 1919 года).

III.

Г. Документы ойратскихъ владѣльцевъ.

По прибытіи ойратскихъ посольствъ въ Москву первый почти стереотипный вопросъ, которымъ ихъ встрѣчали въ Посольскомъ приказѣ, былъ такой: «Съ чѣмъ они къ государю пріѣхали, грамоты съ ними къ царскому величеству и сверхъ грамоты рѣчью приказъ есть ли». И на это первыя посольства давали также почти стереотипный отвѣтъ: грамотчиковъ у нихъ въ ихъ землѣ нѣтъ и писать не умѣютъ и съ ними потому и грамоты къ царскому величеству нѣтъ, а что съ ними къ государю словесный приказъ, и они то объявятъ[1].

Первое упоминаніе объ отправкѣ ойратами письма относится къ 1636 г., когда уже начались сношенія между Тобольскимъ воеводою и Батуръ-хунтайджіемъ[2], но письмо это, повидимому, осталось въ Тобольскѣ. Съ этой поры не только начинаются довольно частыя упоминанія объ ойратскихъ письмахъ, но попадаются изрѣдка и самыя письма. Сохранились они однако за XVII в. въ сравнительно небольшомъ количествѣ, при чемъ большую сохранность имъ обезпечивалъ, видимо, архивъ Сибирскаго приказа[3].

---

[1] Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., калм. дѣло, 1618, № 2, генв. 12, лл. 25—26; см. также 1619, № 2, ноябрь 23, л. 7; 1620, лл. 24—25; 1621, № 2, февр. 3, л. 9.

[2] Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., упомянутая выше записная книга 1636—37 гг., л. 2; Моск. Арх. М. Ю., Сиб. прик., столб. 455, докладная выписка 1637 г.

[3] Первое упоминаніе о сохранившихся подлинныхъ «листахъ» татарскаго, калмыцкаго и мунгальскаго письма въ Моск. Архивѣ М. Ю. принадлежитъ Н. Н. Оглоблину (Обозрѣніе, 1900, III, стр. 42—43), но оно до сихъ поръ не привлекало къ себѣ вниманія спеціалистовъ.

Наиболѣе старыми изъ числа сохранившихся являются двѣ записки, полученныя отъ Чокуръ-тайши въ 1642 г.; онѣ написаны на клочкахъ бумаги, безъ печати, неискусною рукою на монгольскомъ языкѣ съ соблюденіемъ всѣхъ тѣхъ особенностей, которыя имѣло монгольское письмо до измѣненій, произведенныхъ при манджурахъ въ Пекинѣ. Находятся онѣ въ въ столбцѣ 455 (6499) Сибирскаго приказа, въ которомъ сохраняются и всѣ другія письма, полученныя изъ ойратскихъ кочевьевъ за время до 1653 г.

За исключеніемъ записокъ Чокуръ-тайши, всѣ эти письма написаны, согласно указаніямъ документовъ столбца, «ногайскимъ (татарскимъ) письмомъ» на «татарскомъ языкѣ», который оказался средне-азіатскимъ (чагатайскимъ) съ нѣкоторыми мѣстными особенностями[1]. Четыре изъ этихъ писемъ исходятъ отъ Батуръ-хунтайджія; они получены въ 1642, 1644, 1645 и 1651 гг., написаны неискуснымъ арабскимъ письмомъ и изяществомъ стиля не отличаются. Только внизу письма 1644 г. имѣется прямоугольная печать съ неразборчивыми надписями на 4 языкахъ: санскритскомъ, тибетскомъ, китайскомъ и монгольскомъ.

Въ томъ же столбцѣ 455 (6499) имѣется нѣсколько писемъ сибирскихъ царевичей Девлетъ Кирея и Бугая, проживавшихъ въ ойратскихъ кочевьяхъ; они также написаны по-чагатайски, но вполнѣ опытною рукою и хорошимъ стилемъ. Одно письмо — «челобитная» исходитъ отъ Бухарскаго хана («царя») Имамъ-кули.

Въ 1644 г. Батуръ-хунтайджи сдѣлалъ попытку писать по-монгольски и одновременно съ упомянутымъ «татарскимъ» письмомъ прислалъ «калмыцкое», которое также было препровождено въ Москву[2]. Здѣсь однако не нашлось лицъ, знающихъ монгольскую грамоту, и листъ Батура такъ же, какъ записки Чокура, не могли быть переведены. Въ виду этого въ грамотѣ 7 августа 1644 г. Тобольскому воеводѣ было предложено сообщить Батуру: «Как он контайша вперед учнет к вам в Тоболескъ посланников своих присылат и о каких дѣлех лучится ему в Тоболескъ писат и он бы контайша присылал к вамъ въ Тоболескъ листы татарским писмомъ, а колмацкимъ писмомъ в Тоболескъ листов не присылал для того, что колмацкого писма и на Москвѣ перевесть нѣкому»[3]. Такой совѣтъ оказалъ свое дѣй-

---

[1] Этимъ свѣдѣніемъ я обязанъ А. Н. Самойловичу, который ознакомился съ «татарскими» документами Моск. Арх. М. Ю. въ ноябрѣ 1918 г.

[2] Этого «калмыцкаго» письма (въ то время оно могло быть написано лишь общемонгольскими буквами) въ архивахъ не оказалось.

[3] Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., калм. дѣло, 1645, лл. 72—73; въ этомъ дѣлѣ имѣется хорошій списокъ съ грамоты; черновикъ же, въ менѣе удовлетворительномъ состояніи, находится въ столбцѣ 455 Сиб. приказа.

ствіе, и въ дальнѣйшемъ отъ Батура снова стали получаться только «татарскія» («ногайскія») письма.

Послѣ Батура изъ ойратскихъ кочевьевъ поступало, какъ видно изъ дѣлъ, немало листовъ, но въ архивахъ удалось обнаружить изъ нихъ пока очень немногіе, и слѣдующее обстоятельство, можетъ быть, бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на ихъ судьбу. Въ Реестрѣ монгольскимъ трактатамъ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д. подъ послѣднимъ (12) нумеромъ значится: «Мунгальскія грамоты безъ переводовъ», но въ соотвѣтствующемъ картонѣ архива оказалась лишь обложка «дѣла» съ такою надписью: «Мунгальскія грамоты и письма безъ переводовъ старыхъ и новыхъ лѣтъ присланные въ 726 году въ Іркуцкѣ къ бывшему въ Китаѣ послу графу Савѣ Владиславичу отъ воеводъ Красноярскаго Щетнева, Томскаго Черкасова». Ниже рукою, повидимому, А. Ѳ. Малиновскаго сдѣлана помѣтка: «1819-го Апрѣля 25 вынуты мною для отправленія къ Госуд. Канцлеру графу Румянцову съ просьбою о переводѣ сихъ незнаемыхъ писменъ». Произведенные въ архивѣ, по журналамъ входящихъ и исходящихъ бумагъ, розыски не обнаружили письменныхъ слѣдовъ ни отсылки ни возвращенія грамотъ, и вопросъ о судьбѣ писемъ требуетъ такимъ образомъ дальнѣйшаго выясненія.

Изъ числа подлинныхъ листовъ, сохранившихся отъ второй половины XVII ст., слѣдуетъ прежде всего упомянуть листъ, доставленный Астраханскому воеводѣ Михаилу Пронскому отъ сына Урлюка, Дайчина, въ январѣ 1651 г. и писанный также «татарскимъ» письмомъ. По переводѣ было признано, что въ немъ «государево имянованье написано не по пригожью и не по государской отъ Бога данной чести», а себя онъ, Дайчин, написалъ такъ, «какъ презжіе тайши и отецъ его Урлюкъ и онъ, Дайчинъ, напередъ сего въ листахъ своихъ не писывали»[1]. Это древнѣйшій подлинный документъ, исходящій отъ монголовъ, какой удалось обнаружить въ Гл. Моск. Архивѣ М. И. Д.

Въ Арх. М. Ю., въ столбцѣ Московскаго стола № 44[2], имѣются два письма хошутскаго Аблай-тайши, строителя знаменитаго Аблай-кита, одно 1658, другое 1662 г. Первое изъ этихъ писемъ—«ѳарсовскаго письма»—какъ значится въ современномъ переводѣ, изложено по-персидски. Особый интересъ представляютъ приписки на лѣвой сторонѣ писемъ, на первомъ, монгольскими буквами [illegible] — «да всту-

[1] Гл. Моск. Арх. М. И. Д., калм. дѣло, 1651, № 3, генв. 9.
[2] Оглоблинъ. Обозрѣніе, III, стр. 42—43.

питъ въ волю[1] (т. е. да подчинится) вѣры побѣдоноснаго Будды!» съ примѣсью нѣкоторыхъ калмыцкихъ (ойратскихъ) буквъ, изобрѣтенныхъ въ 1648 г., на второмъ сплошь калмыцкими:

[illegible]

[illegible]

— «Вѣра Побѣдоноснаго острымъ гремящимъ голосомъ глубокихъ взглядовъ бѣлаго льва, пребывающаго на вершинѣ снѣжной горы и обладающаго силою благодатной проповѣди, да излѣчитъ заблужденія (?)[2] еретиковъ, говорящихъ ложно!»

Здѣсь мы имѣемъ древнѣйшіе образцы калмыцкаго письма послѣ произведенной Зая-пандитою въ 1648 г. реформы монгольскаго алфавита, и они будутъ имѣть важное значеніе для рѣшенія спорныхъ вопросовъ калмыцкой палеографіи.

Обращаютъ на себя также вниманіе имѣющіеся на письмахъ оттиски, красною киноварью, печатей квадратной формы 3 размѣровъ: 11,7, 6,2 и 3,7 смм. Первыя двѣ — съ тождественною надписью квадратными тибетскими буквами, какія имѣются и на современныхъ печатяхъ Далай-ламы[3], на тибетскомъ языкѣ; малая печать — съ 6 буквами индійской ланджи: «маңгалам».

Слѣдующее въ хронологическомъ порядкѣ письмо находится въ Гл. Арх. М. Ин. Д.[4] Оно прислано въ 1675 г. Очирту Цэцэнъ-ханомъ (въ документахъ Учерты или Учюрты-ханъ), который поддерживалъ съ Россіею (такъ же, какъ и съ Пекиномъ) оживленныя сношенія[5]. Написано по-калмыцки[6].

---

[1] Слово [illegible] я читаю «бах(а)ду» — «въ волю», допуская возможность пропуска буквы а; въ противномъ случаѣ нужно было бы читать «бакту» — въ садъ (вѣры).

[2] Слово [illegible] въ этой формѣ представляется непонятнымъ.

[3] A. H. Francke. Note on the Dalai-Lama's seal and the Tibeto-Mongolian characters (Journ. R. As. Soc., 1910, pp. 1205—1214). Образцы этихъ письменъ извѣстны и изъ другихъ мѣстностей (Ладакъ, Бутанъ): Francke. Ein Siegel in Tibeto-Mongolischer Schrift von Bhutan (Zeits. D. Morg. Ges., 64, S. 553—554). Встрѣчаются они въ буддійскихъ храмахъ Алашани и вообще Южной Монголіи (по сообщенію Хамбо Агвана Доржіева), а также въ буддійскомъ храмѣ въ Петроградѣ.

[4] Мунг. дѣло 1675 г., сент. 24, л. 27.

[5] Это хошутскій князь, сынъ Байбагуса, братъ упомянутаго выше Аблай-тайши (въ документахъ Облай). Онъ именуется въ литературѣ еще Очирту-ханомъ (Позднѣевъ. Эрдэнійнъ-эрихэ, стр. 175—176) или Цэцэнъ-ханомъ (онъ же, Къ исторіи зюнгарскихъ калмыковъ, стр. 240, 244-245), при чемъ иногда смѣшивается (какъ это сдѣлано въ послѣдней статьѣ) съ Цэцэнъ-тайджіемъ, сыномъ Батуръ-хунтайджія. Ср. Бартольдъ. Очеркъ исторіи Семирѣчья, стр. 166/93. Объ этомъ князѣ см. Лыткинъ. Матеріалы для исторіи ойратовъ (Астр. губ. вѣд., 1860, №№ 45 и 46).

[6] Не лишнее упомянуть, что къ тому же 1675 г. относится и древнѣйшее, сохранившееся въ томъ же архивѣ письмо, которое было получено отъ восточныхъ монголовъ

Послѣ этого идутъ 4 небольшихъ листа калмыцкаго письма, полученные въ Тобольскѣ изъ ойратскихъ кочевьевъ одновременно въ январѣ 1686 г. Два изъ нихъ исходили отъ Галданъ-хунтайджія, именовавшагося Бошокту-ханомъ; они датированы «модун ӱкер», т. е. 1685 г. Два другихъ были присланы сыномъ Сэнгэ — Соном-Арабтаномъ (именуется Арептаръ) и Номынъ-ханомъ (Номыханъ). На письмахъ Галдана имѣются красные оттиски прямоугольныхъ (почти квадратныхъ) печатей съ квадратными письменами, но различнаго типа; на одной печати письмена тибетскія, сходныя съ имѣющимися на печатяхъ Аблая. На печатяхъ Арабтана и Номынъ-хана письменъ не имѣется. Всѣ листы сохранились въ ст. 993 (7038) Сиб. приказа.

Отъ Галдана сохранились и другіе листы. Въ столбцѣ 1180 (7226) Сиб. прик. имѣются также два его письма[1], но гораздо болѣе торжественнаго вида: большихъ размѣровъ и съ цвѣточнымъ орнаментомъ 3 цвѣтовъ (краснаго, синяго и зеленаго). Они были присланы въ 1691 г. Печати на листахъ съ тибетскими квадратными письменами. Отъ того же года сохранились въ ст. 544 Сиб. прик. 3 небольшихъ калмыцкихъ записки посланца Галдана — Ачинъ-кашки.

Къ этимъ документамъ непосредственно примыкаетъ въ хронологическомъ порядкѣ (1693—1696 г.) коллекція листовъ, имѣющаяся у пишущаго эти строки, о чемъ уже упомянуто выше: они исходятъ отъ самого Галдана и его подручныхъ и только одно — отъ Цэванъ-Рабтана, именовавшагося Эрдэни-дзорикту-хунтайджи (въ русскихъ документахъ — Журукты, Ирдэни Журукты и даже Ирдэнь-Юракта, а иногда просто — контайша).

Въ столбцѣ 927 (6972) Сиб. прик. имѣются еще два письма[2] Цэванъ-Рабтана, къ сожалѣнію, крайне ветхія; хорошо сохранились лишь прекрасные оттиски печатей (на одномъ красный, на другомъ черный). Они относятся, видимо, къ 1695[3].

XVIII в. представленъ въ томъ же архивѣ большимъ количествомъ ойратскихъ листовъ. Три изъ нихъ, исходившихъ отъ Цэванъ-Рабтана,

---

на монгольскомъ языкѣ, именно отъ Вачирай тушету-хана (въ русской оффиціальной перепискѣ — Очирой-ханъ) [illegible]. См. Мунг. дѣло, 1675 г., № 1.

[1] Оглоблинъ. Обозрѣніе, III, стр. 43, говоритъ только объ одномъ письмѣ Бошокту-хана въ ст. 1180.

[2] Въ этомъ столбцѣ Оглоблинъ (ibid.) разглядѣлъ также только одно письмо. Въ виду ветхости писемъ я не рѣшился пока ихъ развертывать.

[3] За время съ 1689 г. въ Моск. Гл. Арх. М. И. Д. сохранилось много документовъ на калмыцкомъ языкѣ отъ Аюки и различныхъ калмыцкихъ тайшей, но разсмотрѣніе ихъ не входитъ въ задачи настоящей статьи.

были изданы А. М. Позднѣевымъ въ приложеніи къ упомянутому выше труду Н. И. Веселовскаго о посольствѣ капитана Унковскаго безъ описанія ихъ красиваго внѣшняго вида[1].

Разсмотрѣніе ойратскихъ и калмыцкихъ писемъ XVII и первой половины XVIII в.[2] показываетъ, что всѣ они, за исключеніемъ одной лишь помѣщенной выше приписки буддійскаго характера на письмѣ Аблай-тайши 1662 г., основываются на живомъ произношеніи и совершенно лишены тѣхъ архаизмовъ, которыми пестрятъ буддійскіе переводы Зая-пандиты и подъ ихъ вліяніемъ также и почти вся позднѣйшая ойратская письменность. Такимъ образомъ искусственный характеръ всѣхъ этихъ архаизмовъ съ самаго начала названной письменности можно считать теперь установленнымъ.

Интересный памятникъ ойратскаго языка конца XVII ст. хранитъ въ себѣ столбецъ 544 (6569) Сиб. прик. Въ 1691 г. Иркутскому воеводѣ Леонтію Кислянскому пришлось вести переговоры съ прибывшими въ Иркутскъ посланцами Бошокту-хана, и результатомъ этого явился подробный отчетъ (статейный списокъ) объ этихъ переговорахъ, при чемъ въ него, помимо обычнаго перевода на русскій языкъ, была включена и русская транскрипція («переводъ») одного письма на имя царя и двухъ словесныхъ меморандумовъ (также съ письменнаго текста). Къ сожалѣнію, подлинныхъ документовъ обнаружить не удалось, но по всѣмъ видимостямъ транскрипція произведена тщательно и въ общемъ довольно удачно. Она тоже подтверждаетъ выводъ объ искусственности архаизмовъ буддійской литературы ойратовъ[3].

Особый видъ документовъ представляютъ такъ называемыя шертныя или шертовальныя записи, и въ Арх. М. Ин. Д. предполагалось образовать изъ нихъ даже особый отдѣлъ[4]. Въ дѣлахъ XVII в. имѣются частыя упо-

[1] Подлинныя письма находятся въ зюнг. или конт. дѣлахъ 1721, № 1, и 1724 г., №№ 1 и 2.

[2] За XVIII в. я имѣлъ возможность ознакомиться въ Москвѣ только съ письмами, привезенными ойратскими посланцами, пріѣзжавшими въ 1724 г. съ капитаномъ Унковскимъ и въ 1733 г.—съ маіоромъ Угримовымъ.

[3] Можно предполагать, что эти документы были писаны не ойратскимъ, а тибетскимъ письмомъ, и что именно этому обстоятельству мы обязаны транскрипціею документовъ. Правда, въ ст. 544 на это нѣтъ указаній, но что Галданъ прибѣгалъ къ такому способу письма, извѣстно изъ опубликованнаго въ Доп. Акт. Ист. (т. XI, стр. 237) документа, въ которомъ упоминается «письмо не мунгальское тангуцкое» (Ср. Cahen, Histoire des relations de la Russie avec la Chine», p. 137, note 5). Небольшой образчикъ такого же письма (въ подлинникѣ) содержится въ М. Г. Арх. М. И. Д. въ мунг. дѣлѣ 1675 г., сент. 24, № 2, л. 48). Такимъ образомъ примѣненіе обыкновеннаго тибетскаго письма къ монгольскому яз. — столь обычное въ настоящее время — началось еще въ XVII ст.

[4] Въ этотъ отдѣлъ архивистъ, повидимому, желалъ включить подлинныя шертныя записи, но въ дѣйствительности тамъ имѣется даже мало списковъ съ записей; большею частью туда попали отпуски грамотъ русскихъ царей и листы ойратскихъ (точнѣе, калмыцкихъ) тайщей. Реестръ этого отдѣла указанъ ниже.

минанія о томъ, что тотъ или иной ойратскій владѣлецъ, обыкновенно черезъ своихъ пословъ, «правду далъ, шерть учинилъ», но дѣлалось это исключичительно словесно, и только иногда для приносившаго шерть заготовлялся заблаговременно текстъ шерти, и такія шертныя записи только и встрѣчаются въ ойратскихъ дѣлахъ. Въ сношеніяхъ съ волжскими калмыками и съ Алтынъ-ханомъ примѣнялись шертныя записи, какъ письменныя обязательства, скрѣплявшіяся ихъ подписями[1].

Документы ойратскихъ владѣльцевъ обыкновенно сопровождаются въ архивныхъ дѣлахъ переводами съ указаніемъ именъ переводчиковъ. Въ этомъ однако отношеніи русскія власти часто оказывались въ очень затруднительномъ положеніи вслѣдствіе отсутствія лицъ, знающихъ монгольскій языкъ. При устныхъ сношеніяхъ дѣло устраивалось при участіи татаръ, «бухарцовъ» или «тезиковъ», всегда находившихся и въ русскихъ городахъ и въ ойратскихъ кочевьяхъ съ торговыми цѣлями. Очень часто они выступали въ роли не только толмачей, но и оффиціальныхъ представителей той и другой стороны. Такъ, первое ойратское посольство, прибывшее въ Москву въ 1607 г., состояло исключительно изъ «калмыцкихъ татаръ»; присылались они и въ послѣдующее время, хотя чаще посланцами являлись природные ойраты. Русскіе, съ своей стороны, широко пользовались въ этомъ отношеніи «юртовскими служилыми татарами» и, слѣдуя видимо обычной системѣ использованія въ Сибири услугъ инородцевъ, посылали въ ойратскія кочевья обыкновенно двухъ человѣкъ: русскаго и татарина[2].

По той же причинѣ и письменныя сношенія первоначально производились обѣими сторонами на татарскомъ[3], т. е. чагатайскомъ, языкѣ, хотя изрѣдка примѣнялся и «ѳарсовскій» (персидскій) языкъ. Однако, когда среди ойратовъ упрочилось знаніе собственной письменности, они стали пользоваться ею и для сношеній съ русскими. При полученіи подобныхъ писемъ дѣло осложнялось вслѣдствіе отсутствія среди татаръ лицъ, знавшихъ монгольское или калмыцкое письмо, и Тобольскому воеводѣ, который первый сталкивался съ затрудненіями въ этомъ дѣлѣ, приходилось прибѣгать къ услугамъ по крайней мѣрѣ 2 лицъ: одно лицо, какъ гласятъ иногда при-

---

[1] Шертныя записи, подписанныя калмыками, имѣются, напр., въ калм. дѣлѣ 1660 г. дек. 7—сент. 1661 г. (списокъ) и въ калм. книгѣ 1672 г. сент. 14—1673 г. март. 1 (подлинникъ). Списокъ съ шертной записи Алтынъ-хана см. Пам. Сиб. ист. XVIII в., I, стр. 168—172.

[2] Результатомъ посредничества татаръ въ сношеніяхъ съ ойратами явилось то, что многія собственныя ойратскія имена являются въ документахъ въ нѣсколько отуреченной формѣ. Таковы, напр., Контайша, Каракула, Кашка, Кутухта, Чокуръ, Черенъ, Яйванъ (на ряду съ «зайсанъ»). Этимъ же объясняется систематическое именоваше ойратовъ «калмакъ», «калмыкъ».

[3] Ср. В. В. Бартольдъ, Исторія изученія Востока въ Европѣ и въ Россіи (СПб. 1911), стр. 159.

писки на переводахъ, толмачило (очевидно, со словъ посланца), а другое переводило. Составлявшіеся при такихъ условіяхъ переводы, конечно, далеки отъ совершенства въ отношеніи и точности и удобопонятности. Иногда однако и этотъ способъ не давалъ желательныхъ результатовъ, вѣроятно, потому, что не всегда ойратскіе посланцы были люди грамотные, и тогда ойратская грамота отправлялась въ Москву въ Сибирскій приказъ безъ перевода. Были случаи, напр., въ 1640 г., когда въ Тобольскѣ оказывалось невозможнымъ перевести и татарскую грамоту («ногайскаго» письма).

Сибирскій приказъ долгое время не имѣлъ собственныхъ переводчиковъ, и ему приходилось посылать не переведенные грамоты въ Посольскій приказъ, въ которомъ по штату полагались переводчики и толмачи какъ европейскихъ, такъ и нѣкоторыхъ восточныхъ языковъ (въ XVII в. переводчики турскаго, татарскаго, арапскаго, ѳарсовскаго, грузинскаго; толмачи еще ногайскаго и хивинскаго)[1]. Въ архивныхъ дѣлахъ встрѣчается немало памятей Сибирскаго приказа съ просьбою о переводѣ ойратскихъ или монгольскихъ грамотъ[2]. Попадаются и небольшія записки объ отсылкѣ грамотъ для перевода; вотъ текстъ одной изъ нихъ: «181 го генваря въ 8 де по указу великого государя посланы изъ Сибирского приказу въ Посольской приказъ для переводу два листа мугальскіе присылки прошлыхъ годовъ да 179 году августа 27-г числа присылки изъ Дауръ китайскій листъ». Обыкновенно на это слѣдовалъ письменный или словесный отвѣтъ, что перевесть грамоты некому, и нѣкоторыя грамоты, какъ упомянутыя выше монгольскія записки Чокура 1642 г. или письма Сэнгэ 1667 г., такъ и остались не прочитанными.

Только въ 1679 г. Посольскій приказъ обзавелся переводчикомъ «мунгальскаго и калмыцкаго»: имъ былъ шляхтичъ Павелъ Ивановичъ Кульвинскій, который въ сохранившейся его автобіографіи («скаска») 1696 г.[3] именуется «переводчикомъ калмыцкаго и мунгальскаго и тангутцкаго писма». Онъ служилъ первоначально въ Сибири — въ Томскѣ и Тобольскѣ «во дворянехъ съ своею братьею шляхтою», дважды ѣздилъ въ ойратскія кочевья, «переводилъ всякие калмыцкие и мунгальские государьские дѣла лѣтъ съ 15» и состоялъ переводчикомъ Посольскаго приказа (съ жалованьемъ въ 40 р. въ годъ и съ поденнымъ кормомъ 5 алтынъ въ день)

---

[1] С. А. Бѣлокуровъ, О Посольскомъ приказѣ (Москва, 1906), стр. 53—55 и 131—152.

[2] Изъ Казанскаго Дворца поступали неоднократныя просьбы о присылкѣ толмачей для встрѣчи калмыцкихъ посланцовъ (Токмаковъ. Сборникъ и указатель документовъ и рукописей, относящихся къ Казанской г., Тр. IV Арх. Съѣзда, II, стр. 283—286, №№ 7, 10, 35, 42).

[3] Бѣлокуровъ, loc. cit., стр. 147—150.

еще въ 1696 г.[1] Наряду съ нимъ въ томъ же 1696 г. упоминается и толмачъ калмыцкаго языка Семенъ Ивановъ[2].

Въ концѣ XVII в. встрѣчаются упоминанія о переводчикахъ калмыцкаго языка и въ Сибирскомъ приказѣ. Именно въ столбцѣ 927 этого приказа, содержащемъ переписку за 1696 г., названы два переводчика: Өедотъ Мунгаловъ и Өедотъ Ивановъ, изъ которыхъ первый оказался въ состояніи написать по-калмыцки отвѣтную грамоту Цэванъ-Рабтану—это, повидимому, первый случай, когда русскій дворъ воспользовался для отвѣта калмыцкимъ языкомъ вмѣсто татарскаго.

Изъ дѣятелей первой половины XVIII ст. заслуживаетъ особаго упоминанія асессоръ (потомъ секретарь и совѣтникъ) Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Василій Бакунинъ, хорошо знавшій, какъ уже упомянуто выше, калмыцкій и монгольскій языки. Занимая болѣе высокое, чѣмъ переводчикъ, положеніе, онъ однако обыкновенно провѣрялъ переводы и даже самъ переводилъ, и слѣды его работы встрѣчаются во многихъ дѣлахъ, особенно касающихся ойратскихъ пословъ, пріѣзжавшихъ въ Россію въ 1733 г. съ маіоромъ Угримовымъ[3].

Перечисленные выше документы въ соотвѣтствующихъ приказахъ склеивались между собою, въ болѣе или менѣе правильномъ хронологическомъ порядкѣ, такимъ образомъ, что образовывали по разнымъ предметамъ такъ называемые столбцы («столпъ» или «столпикъ» въ зависимости отъ объема), которымъ давались особыя названія.

Однако въ Моск. Гл. Архивѣ М. Ин. Д. столбцы по ойратскимъ дѣламъ въ своемъ первоначальномъ видѣ не сохранились. Входившія въ ихъ составъ бумаги были расклеены, повидимому, въ концѣ XVIII или началѣ XIX ст. при тогдашнемъ директорѣ архива Н. Н. Бантышъ-Каменскомъ и изъ нихъ образованы новыя «дѣла» («столбцы»), ближе соотвѣтствующія современному понятію канцелярскихъ «дѣлъ». Они были сшиты съ лѣваго края и заключены въ обложки, которыя были снабжены новыми заголовками. При

---

[1] Ibid., стр. 132, 148, 150; ср. А. Любимовъ. Нѣкоторые манджурскіе документы изъ исторіи русско-китайскихъ сношеній въ XVII вѣкѣ (З. В. О., XXI, стр. 70—71); въ архивныхъ дѣлахъ имѣется много переводовъ, подписанныхъ Кульвинскимъ.

[2] Бѣлокуровъ, стр. 135.

[3] О Бакунинѣ см. Н. Поповъ. Татищевъ и его время, гл. V; Бантышъ-Каменскій. Диплом. собр. дѣлъ, стр. 546; Краткая исторія калмыцкихъ хановъ по «Калмыц. хрестоматіи» А. Позднѣева (стр. 14—17). Бакунину принадлежитъ извѣстный трудъ: «Описаніе калмыцкихъ народовъ, а особливо изъ нихъ торгоутскаго и поступокъ ихъ хановъ и владѣльцевъ», I часть котораго была окончена 5 іюля 1761 г., при чемъ разсказъ доведенъ до конца 1735 г.; успѣлъ ли Бакунинъ написать продолженіе, неизвѣстно. Списки I части имѣются въ Моск. Гл. Арх. М. Ив. Д. (калм. книга № 1) и въ Росс. Публичной Библ. (Погод., № 1816). Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Бакунинъ причастенъ и къ старому русскому переводу монголо-ойратскихъ законовъ 1640 г.

этомъ архивистъ, въ виду большого объема большинства прежнихъ столбцовъ, имѣлъ, очевидно, цѣлью образовать, для удобства пользованія, большее количество дѣлъ съ тѣмъ, чтобы по каждому вопросу, даже мелкому, или по тому или иному году имѣлось особое дѣло; для этого онъ нерѣдко не останавливался передъ заключеніемъ въ особую обложку даже одного какого-либо документа[1].

Къ сожалѣнію, эта операція была произведена не безъ цѣлаго ряда промаховъ.

Въ литературѣ уже указывалось на неудобство простого расклеиванія столбцовъ, такъ какъ этимъ затрудняется чтеніе резолюцій, часто писавшихся именно по склейкамъ[2]. Дѣло осложнилось еще тѣмъ, что при массѣ документовъ и частей ихъ многіе листы были перепутаны, попали случайно въ разныя не подходящія обложки или даже совершенно затерялись[3]. При группировкѣ бумагъ въ дѣла не всегда выдерживался опредѣленный принципъ: хронологическій или предметный[4]. По недостаточному знакомству съ предметомъ архивистъ впадалъ иногда въ заблужденіе отъ сходства именъ, объединяя въ одно дѣло разнородные документы[5]; наблюдаются и обратныя явленія. Обозначеніе даты дѣлъ производилось нерѣдко по первому числу, попавшемуся въ глаза въ собранныхъ для дѣла документахъ; иногда встрѣчаются и необъяснимыя, видимо, случайныя ошибки въ этомъ отношеніи[6].

Перетасовывая документы по новымъ дѣламъ, архивистъ не отмѣчалъ,

---

[1] Листы въ свое время не были пронумерованы; они обыкновенно нумеруются только теперь при выдачѣ ихъ на руки для занятій.

[2] Оглоблинъ. Обозрѣніе, III, стр. 5; все, что говоритъ Оглоблинъ объ Арх. М. Ю., примѣнимо и къ данному случаю.

[3] Характерный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ мунг. дѣло 1667 г., № 3, содержащее интересный статейный списокъ П. Кульвинскаго; въ немъ не имѣется начальныхъ листовъ, а средніе сохранившіеся совершенно перепутаны, такъ что читать листы нужно въ слѣдующемъ порядкѣ: 8, 11, 12, 2, 3, 7, 1, 6, 5, 9, 10, 4.

[4] Въ калмыцкихъ дѣлахъ отсутствіе единаго принципа ощущается особенно сильно.

[5] Подобная ошибка произошла съ документами посольства Батуръ-хунтайджія 1647 г. Въ этомъ году въ Москву прибыли Ноядай «съ товарищи» (Сырянъ, Долги Кулай и Пополой), изъ коихъ Ноядай или лицо со сходнымъ именемъ пріѣзжало также и въ 1640 г. вмѣстѣ съ Урускаемъ. Архивистъ, руководствуясь сходствомъ именъ, объединилъ бумаги, относящіяся къ этимъ различнымъ посольствамъ, въ одно дѣло (Зюнг. или Контайш. 1640 апр.—1647 март. 5), не обративъ вниманія на то, что въ промежуткѣ между ними въ Москвѣ было въ 1645 г. особое посольство Чюна и Сыряна. Съ другой стороны, онъ образовалъ особое дѣло изъ одного только обрывка наказной памяти приставу посольства 1647 г. (калм. дѣло 1647 г.). Такимъ образомъ обрывокъ имѣющаго небольшое значеніе документа фигурируетъ въ качествѣ самостоятельнаго дѣла, а основные документы скрыты въ совершенно не подходящемъ дѣлѣ.

[6] Особенно характерный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ дѣло объ упомянутомъ посольствѣ Чюна и Сыряна (Зюнг. или контайш. дѣло 1645 г.). На немъ архивистъ, по очевидной ошибкѣ, поставилъ 1665 г. и подъ этою датою оно попало въ реестры Архива, а оттуда въ труды М. П. Пуцилло. Указатель дѣламъ и рукописямъ, стр. 36, и И. Щеглова. Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири (Иркутскъ, 1884), стр. 118. Теперь эта ошибка въ Архивѣ исправлена.

изъ какихъ старыхъ столбцовъ они взяты, и даже большею частью уничтожалъ старыя наименованія столбцовъ; ихъ можно только изрѣдка и случайно усмотрѣть на оборотной сторонѣ документовъ, видимо находившихся ранѣе въ концѣ старыхъ столбцовъ. Между тѣмъ въ текстѣ документовъ нерѣдко попадаются ссылки на столбцы; имѣются «росписи» столбцовъ какъ частныя (напр., пересылавшихся изъ одного приказа въ другой)[1], такъ и общія по цѣлому архиву.

Несмотря на всѣ указанные недочеты, трудъ архивиста нельзя считать потраченнымъ понапрасну, и въ образованныхъ имъ серіяхъ новыхъ дѣлъ можно разбираться безъ особаго труда.

Новыя дѣла были разбиты на серіи «по государствамъ», согласно принятому въ архивѣ порядку, при чемъ дѣла по сношеніямъ съ различными монгольскими племенами оказались разбитыми на 4 серіи: калмыцкія, зюнгорскія (или контайшинскія), мунгальскія и бурятскія. Однако при распредѣленіи дѣлъ по этимъ группамъ также не обошлось безъ существенныхъ промаховъ.

Камнемъ преткновенія оказался терминъ «калмыки», обычно примѣняемый въ документахъ ко всѣмъ ойратскимъ племенамъ, какъ къ собственнымъ калмыкамъ, разселившимся въ бассейнахъ рѣкъ Яика (Урала), Волги и Дона, такъ и къ ойратамъ Джунгаріи и Сибири[2]. Рѣже ойраты именуются зюнгорцами или зенгорцами, т. е. зюнгарами (джунгарами) по имени главенствовавшаго въ то время ойратскаго племени, во главѣ котораго стояли хунтайджи (контайши), или просто мунгалами такъ же, какъ и собственные (восточные) монголы. Разобраться въ этихъ особенностяхъ терминологіи архивисту не удалось и ойратскія дѣла онъ одинаково легко включалъ и въ калмыцкія и въ зюнгорскія и въ мунгальскія.

По всѣмъ этимъ группамъ дѣлъ были составлены большею частью самимъ Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ спеціальные реестры[3]. Вотъ ихъ заголовки.

1) Реестръ калмыцкимъ дѣламъ, учиненный дѣйств. ст. совѣтникомъ Н. Бантышъ-Каменскимъ съ 1 марта—8 ноября 1806 г. (переплетенная рукопись in folio, 603 стр., имѣетъ два отдѣла: а) переплетенныя книги за время 1630—1683 гг. и б) столбцы 1616—1781 гг.).

2) Реестръ калмыцкимъ дѣламъ первой присылки, доставленной изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Московскій Главный Архивъ въ 1828 гг.

---

[1] Частныя росписи имѣются, напр., въ кит. дѣлѣ 1681, сент. 11, въ калм. дѣлахъ 1684, генв. 14 и 1710, № 4, февр. 9.

[2] Въ отличіе отъ теленгутовъ (телеутовъ), именовавшихся бѣлыми калмыками, ойраты часто назывались черными калмыками.

[3] Ср. Н. Бантышъ-Каменскій. Дипломатическое собраніе дѣлъ, стр. VIII.

(рукопись безъ переплета, перечисляетъ 37 книгъ за время 1723—1773 г.).

3) Реестръ калмыцкимъ дѣламъ второй присылки, доставленной изъ СПб. Главнаго Архива въ Московскій Главный Архивъ въ 1837 г. (рукопись безъ переплета, содержитъ перечень дѣлъ 1756—1800 гг.).

4) Реестръ калмыцкимъ шертнымъ грамотамъ 1801 г. (болѣе полный заголовокъ передъ текстомъ: «Реестръ калмыцкимъ записямъ или шертнымъ грамотамъ, сочиненъ канц. сов. А. Малиновскимъ»)—содержитъ 19 нумеровъ съ 1618 по 1757 г.

5) Реестръ зюнгорскимъ или контайшинскимъ дѣламъ, учиненный д. с. с. и кавалеромъ Николаемъ Бантышъ-Каменскимъ 1805 года (переплетенная рукопись, содержитъ дѣла съ 1639 по 1765 г.).

6) Реестръ зюнгорскимъ дѣламъ первой присылки, доставленной изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Московскій Главный Архивъ въ 1828 году (рукопись съ перечнемъ одного дѣла 1744—1756 гг. и книги съ 3 дѣлами 1762—1773 гг.).

7) Реестръ дѣламъ мунгальскихъ калмыкъ, учиненный д. с. с. и кавалеромъ Николаемъ Бантышъ-Каменскимъ 1807 г. (переплетенная рукопись, 44 стр., содержитъ перечень дѣлъ съ 1608 по 1765 г.).

8) Реестръ монгольскимъ дѣламъ первой присылки, доставленной изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Московскій Главный Архивъ въ 1828 г. (Рукопись съ перечнемъ 2 дѣлъ 1730—31 и 1755 гг.).

9) Реестръ мунгальскихъ трактатамъ 1801 г. (болѣе полный заголовокъ передъ текстомъ: «Реестръ договорамъ съ Мунгальскими царями и ханами о подданствѣ ихъ Россійской Державѣ сочиненъ 1801 г. Канцеляріи совѣтникомъ Алексѣемъ Малиновскимъ») (Рукопись съ перечнемъ изъ 12 пунктовъ).

10) Реестръ бурятскимъ дѣламъ первой присылки, доставленной изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Московскій Главный Архивъ въ 1828 г. (рукопись съ перечнемъ дѣлъ за время 1762—1770 гг.)[1].

Необходимо еще имѣть въ виду, что документы по сношеніямъ Россіи съ ойратами находятся также въ дѣлахъ Архива, посвященныхъ народамъ, съ которыми ойраты приходили въ соприкосновеніе, а именно въ

---

[1] Указанные реестры основныхъ дѣлъ, а равно дѣлъ, присланныхъ въ Москву изъ Петербурга въ 1828 и 1837 гг., до сихъ поръ полностью не изданы. Краткія выборки изъ этихъ (а равно другихъ) реестровъ помѣщены въ упомянутыхъ выше трудахъ М. П. Пуцилло и И. Ѳ. Токмакова. Для III Съѣзда оріенталистовъ въ СПб. Архивомъ были изготовлены краткіе указатели дѣлъ Архива, относящихся къ Востоку, но они не были напечатаны въ Трудахъ Съѣзда, что вызвало нареканія со стороны администраціи Архива (Труды III Международнаго Съѣзда оріенталистовъ въ СПб., 1876, т. I, стр. LXXXI—LXXXII; Сборникъ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., вып. I, стр. 210; вып. II, стр. 147).

дѣлахъ китайскихъ[1], киргизъ-кайсацкихъ, башкирскихъ, едиссанскихъ, ногайскихъ, сальтанаульскихъ, кара-калпацкихъ, бухарскихъ, татарскихъ, сибирскихъ и даже персидскихъ[2], а равно въ разрядныхъ дѣлахъ[3].

Въ виду отмѣченныхъ недочетовъ въ образованіи 4 спеціальныхъ монгольскихъ группъ требуется пересоставленіе посвященныхъ имъ реестровъ. При этомъ можно было бы сохранить 4 группы, но съ тѣмъ, чтобы къ калмыцкой группѣ были отнесены дѣла лишь собственныхъ калмыковъ съ того момента, когда они болѣе или менѣе опредѣленно отдѣлились отъ остальныхъ ойратскихъ племенъ и стали жить самостоятельною жизнью въ нынѣшней юго-восточной Россіи. Такимъ моментомъ можно было бы избрать смерть ихъ главы Урлюка (Хо-Öрлöка) въ 1644 г. Соотвѣтственно этому въ зюнгорскую или контайшинскую группу, съ переименованіемъ ея въ ойратскую, подлежали бы отнесенію почти всѣ калмыцкія дѣла примѣрно до 1645 г., а также касающіяся ойратовъ Джунгаріи и Сибири дѣла изъ числа калмыцкихъ послѣ 1645 г. и изъ мунгальскихъ.

Иными словами, дѣло сводится къ существенному дополненію перечня ойратскихъ (по нынѣшней терминологіи—зюнгорскихъ или контайшинскихъ) дѣлъ, при томъ главнымъ образомъ за XVII в., такъ какъ именно за этотъ періодъ Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ допущено больше всего ошибокъ[4].

Иное положеніе вещей мы находимъ въ Моск. Архивѣ Министерства Юстиціи, гдѣ сосредоточены дѣла Сибирскаго приказа. Вслѣдъ за окончательнымъ его упраздненіемъ начались заботы правительства о приведеніи этихъ дѣлъ въ порядокъ, и въ 1766 г. къ этому дѣлу былъ привлеченъ Г. Ф. Миллеръ, но послѣдній занимался имъ недолго—только въ 1768 г.[5] Послѣднею мѣрою правительства было учрежденіе въ 1835 г. Особого Комитета для разбора дѣлъ названнаго приказа, но здѣсь не было предпринято полнаго переформированія ихъ, какъ это сдѣлалъ Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Благодаря этому столбцы и книги Сибирскаго приказа дошли до насъ, въ общемъ, повидимому, въ первоначальномъ составѣ. Болѣе 300 столбцовъ были расклеены, весьма тщательно переплетены и перенумерованы, всѣ же остальные остаются по прежнему свернутыми, но склейки въ большинствѣ случаевъ распустились и бумаги перепутались[6]. По сравненію со

[1] Извлеченія изъ китайскихъ дѣлъ сдѣлалъ Н. Бантышъ-Каменскій.

[2] Какъ отмѣчено выше, въ персидскихъ дѣлахъ найдены свѣдѣнія объ ойратахъ Н. И. Веселовскимъ.

[3] Многія разрядныя дѣла, касающіяся калмыковъ, перечисляетъ И. Ѳ. Токмаковъ.

[4] Составленный согласно изложенному списокъ ойратскихъ дѣлъ Моск. Гл. Архива Мин. Ин. Д., съ включеніемъ въ него столбцовъ и дѣлъ другихъ Московскихъ архивовъ, мною будетъ изданъ особо.

[5] Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., портфель Миллера № 389, I, тетр. 3, № 1 (Ср. Пуцилло. Указатель дѣламъ и рукописямъ, стр. 89). Ср. Пекарскій, loc. cit., стр. 396.

[6] Оглоблинъ. Обозрѣніе, I, стр. 13.

столбцами Посольскаго приказа обращаютъ на себя вниманіе два обстоятельства, по крайней мѣрѣ поскольку дѣло касается столбцовъ съ документами по сношеніямъ съ ойратами. Прежде всего составъ столбцовъ по содержанію очень разнородный; столбцовъ, посвященныхъ спеціально ойратамъ, немного; таковъ, напр., столбецъ 455 (6499). Въ другихъ ойратскіе документы чередуются безъ всякой системы то съ документами о доставкѣ ясачной и поминочной рухляди (ст. 1180), то съ росписями отправленныхъ въ Москву отписокъ, то съ документами о тяжеломъ положеніи сибирскихъ служилыхъ людей (ст. 656). Затѣмъ, на столбцахъ въ рѣдкихъ случаяхъ можно разыскать старые заголовки. Они снабжены лишь ярлыками Комитета 1835 г. съ указаніемъ царствованія, года (далеко не всегда точнаго) и характера документовъ (всегда суммарно и неточно: въ родѣ «челобитныя» на ст. 455).

Всѣ сохранившіяся книги стараго времени—въ хорошемъ состояніи.

Въ архивѣ для столбцовъ и книгъ имѣются краткія описи, но онѣ, повидимому, за отсутствіемъ старыхъ заголовковъ, были составлены заново и настолько неудовлетворительно, что, кромѣ времени, не даютъ никакого представленія о содержаніи столбцовъ [1]. Такъ, напр., часто цитированный здѣсь ст. 455 (6499), сплошь посвященный сношеніямъ съ ойратами и ихъ сосѣдями, занесенъ въ опись такимъ образомъ: «7162 г. Сибирскаго приказа о разныхъ дѣлахъ отписки въ Сибирь, черные отпуска грамотамъ».

Данный недостатокъ восполняется однако обширнымъ трудомъ Н. Н. Оглоблина, который здѣсь цитируется неоднократно: «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592—1768 гг.)» [2]. Въ этомъ изданіи имѣются отдѣлы, трактующіе спеціально о дѣлахъ Сибирскаго приказа, касающихся ойратовъ и ихъ сосѣдей. Они раздѣлены на 3 группы: посольскія дѣла [3], ратныя дѣла [4] и посольскіе статейные списки [5], при чемъ, согласно плану всего труда, авторъ, кромѣ общаго обозрѣнія, даетъ и указатели (перечни) соотвѣтствующихъ столбцовъ (18 посольскихъ и 2 ратныхъ объ ойратахъ). Не задаваясь цѣлью входить въ разборъ этого чрезвычайно полезнаго труда, слѣдуетъ однако отмѣтить, что, поскольку рѣчь идетъ объ ойратскихъ дѣлахъ, указатели ихъ не имѣютъ исчерпывающаго характера. Такъ, къ 2 ратнымъ столбцамъ (№№ 656 и 886) нужно прибавить еще ст. 3 (6047),

---

[1] Оглоблинъ. Обозрѣніе, I, стр. 14.

[2] Этотъ трудъ, состоящій изъ 4 частей, появился въ «Чтеніяхъ въ И. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1895, 1898, 1900, 1901 гг., а также отдѣльнымъ изданіемъ.

[3] Оглоблинъ. Обозрѣніе, III, стр. 40—41 и 271—272.

[4] Ibid. Обозрѣніе, III, стр. 37—40 и 271.

[5] Ibid., I, стр. 211—215.

а къ 18 посольскимъ — столбецъ 354 (6398) и книгу 11, обзоръ документовъ которой дается авторомъ въ другомъ мѣстѣ[1]. Кромѣ того, авторъ спеціально не отмѣчаетъ, что «посольскіе» и «ратные» документы попадаются еще въ цѣломъ рядѣ дѣлъ, не поименованныхъ въ соотвѣтствующихъ указателяхъ. Можно отмѣтить пропуски и другого характера: перечисляя древнѣйшія грамоты, онъ не указываетъ самой древней изъ нихъ, именно упомянутой выше грамоты отъ 26 іюня 1595 (7103) г., хотя и говоритъ объ ней въ иномъ мѣстѣ, но менѣе подходящемъ[2].

Вообще для обнаруженія всѣхъ ойратскихъ документовъ въ Архивѣ М. Ю. нужно, не ограничиваясь составленными Н. Н. Оглоблинымъ указателями и разбросанными по всей книгѣ случайными ссылками, произвести еще дополнительные самостоятельные розыски.

Въ Общемъ Архивѣ М. Имп. Д. мнѣ по разнымъ причинамъ не пришлось поработать, но для него имѣются обстоятельныя описанія А. Е. Викторова и А. И. Успенскаго, въ которыхъ попадаются указанія и на содержащіяся въ архивѣ ойратскія дѣла. Наиболѣе цѣнными изъ нихъ являются расходныя посольскія книги Казеннаго приказа, среди коихъ четыре касаются и ойратовъ (годы 1624, 1643, 1649 и 1663)[3].

Таковы матеріалы по сношеніямъ Россіи съ ойратами въ Московскихъ архивахъ и то, что сдѣлано для облегченія пользованія ими. Во всѣхъ архивахъ еще предстоитъ много работы для достиженія даже предварительной цѣли—приведенія въ должную извѣстность ойратскихъ документовъ. Ту же работу необходимо произвести и въ провинціальныхъ архивахъ. Слѣдующей стадіей работы должно явиться изданіе всѣхъ имѣющихъ то или иное значеніе документовъ въ систематическомъ видѣ, по примѣру того, что дѣлалось Академіею Наукъ (подъ редакціею В. В. Вельяминова-Зернова) для Крымскаго ханства и (подъ редакціею Г. А. Эзова) для Армянскаго народа, Русскимъ Археологическимъ Обществомъ (подъ редакціею Н. И. Веселовскаго) для Персіи, Русскимъ Историческимъ Обществомъ (подъ редакціею Г. Ѳ. Карпова и Г. Ѳ. Штендмана) для Крымской и Ногайской ордъ, Обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ (подъ редакціею С. А. Бѣлокурова) для Грузіи и вообще Кавказа и др. Только при подобной постановкѣ можно будетъ предпринять съ достаточною доказательностью обзоръ послѣдняго возвышенія ойратовъ въ XVII и XVIII вв.

---

[1] Ibid., III, стр. 220—224.

[2] Ibid., IV, стр. 30; ср. III, стр. 220 и 252.

[3] А. Викторовъ. Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ 1584—1725. Вып. I (Москва, 1877), отд. VII, №№ 337, 344, 346 и 354. О трудѣ А. И. Успенскаго, «Столбцы бывшаго Архива Оружейной Палаты», см. выше, стр. 1078.

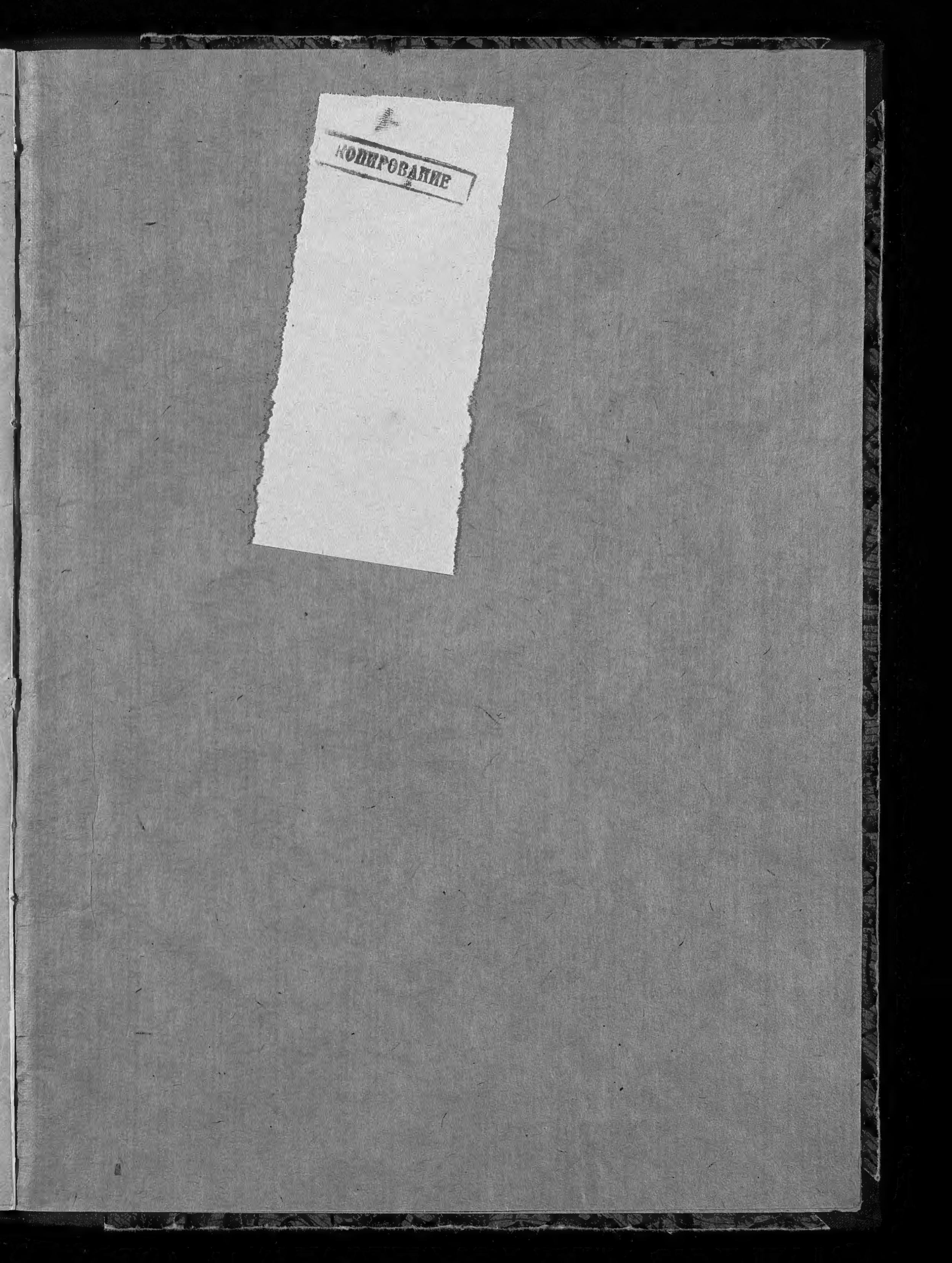
или по крайней мѣрѣ пересмотръ того, что сдѣлано въ XVIII ст. Миллеромъ и Фишеромъ на основаніи документовъ сибирскихъ архивовъ и въ XIX—XX вв. разными изслѣдователями по китайскимъ, манджурскимъ, монгольскимъ и мусульманскимъ источникамъ. Тогда разъяснятся многіе спорные вопросы изъ исторіи ойратовъ. Причины широкаго разселенія ихъ съ начала XVII в., роль отдѣльныхъ вождей въ дѣлѣ усиленія ихъ могущества, событія темнаго періода послѣ смерти Батуръ-хунтайджія до упроченія власти Галданъ-хунтайджія, основные мотивы ойратской политики въ отношеніи Россіи въ противоположность ихъ отношеніямъ къ Пекинскому правительству, цѣли и задачи Русскаго правительства въ его сношеніяхъ съ ойратскими племенами, — все это предстанетъ освѣщеннымъ новыми документальными данными.

Напечатано по распоряженію Россійской Академіи Наукъ.
Октябрь 1921 года.
Непремѣнный Секретарь, академикъ *С. Ольденбургъ.*

Академическая Двѣнадцатая Государственная Типографія. Вас. Остр., 9 лин., 12.

КОПИРОВАНИЕ

